

Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии

(Книга посвящена одной из малоизвестных трагедий Великой Отечественной войны - истории Любанской наступательно-оборонительной операции Волховского фронта в 1942 г. Она отмечена трагедией и подвигом 2-й ударной армии, связана с пленением и последующим предательством генерала А. А. Власова.)

ВВЕДЕНИЕ

История Великой Отечественной войны известна нашему читателю в основном по мемуарной литературе или по специальным работам, написанным, как правило, военными историками. Однако тексты мемуаров при публикации подвергались цензурному редактированию, а в исследованиях военных историков главное внимание обращалось на развитие операции с точки зрения военной науки. История войны 1941—1945 гг. освещалась также в различных многотомных трудах по истории СССР и Великой Отечественной войны, но специфика обобщающих работ не позволяет изложить исторический материал достаточно подробно, на уровне боевого пути хотя бы дивизии. В результате многие важные стороны и события войны либо оставались не известными читателю, либо его представления о них тенденциозно искажались. Война зачастую преподносилась как славная победа, где единственным темным пятном были отступления 1941 г. До сих пор не обнародованы документы ЦК ВКП(б) и СНК СССР за 1939—1941 гг., а без них невозможно судить о причинах и событиях Великой Отечественной войны. Таким образом, история Великой Отечественной войны нуждается в углубленном исследовании. Война оставила в жизни нашего народа чрезвычайно глубокий след и понять до конца ее события — значит приблизиться к пониманию того, что происходит с Россией сейчас и будет происходить в будущем.

Одной из малоизвестных операций Великой Отечественной войны является Любанская операция Волховского фронта 1942 г. Она отмечена трагедией и подвигом 2-й ударной армии, связана с пленением и последующим предательством генерала А.А.Власова. Воины Волховского фронта проявили в сражениях у Мясного Бора и Спасской Полисти, у Любина Поля и Красной Горки невероятную стойкость, массовый героизм и мужество. В лесу Мясной Бор в боях за коммуникации 2-й ударной армии погибли многие тысячи людей и еще тысячи погибли там, выходя из окружения.

В последнее время значительно вырос интерес к истории Любанской операции и к самому урочищу Мясной Бор как памятному месту Великой Отечественной войны. Вместе с тем сколько-нибудь полного рассказа об этих боях нет ни в воспоминаниях участников, ни в трудах историков. Причина состоит в трагизме связанных с операцией событий. Ее нередко стараются обходить молчанием. Из недавних литературных произведений о Любанской операции и боях в Мясном Бору наиболее известны роман С.С.Гагарина "Мясной Бор" (М., 1991) и книга ветерана 2-й ударной армии журналиста И.И.Левина "Генерал Власов по ту и эту линию фронта: Документы, воспоминания, письма" (Мурманск, 1995). Гагарин в целом верно изобразил главные события, причем поместил в тексте романа подлинные документы, впервые извлеченные из государственных архивов и частных собраний. Вместе с тем, автор использовал свое право как писателя на художественный вымысел и ввел в сюжетную линию ряд важных по смыслу эпизодов, которых в действительности никогда не было, например, приезд в группу армий "Север" А.Гитлера вместе с испанским диктатором Ф.Франко. Книга Левина является правдивым очерком об основных этапах Любанской операции и жизненном пути генерала А.А.Власова. В текст также включены архивные документы (без легенды) и впервые публикуемые воспоминания, что значительно повышает ценность книги.

Историки, в отличие от беллетристов, раньше не могли откровенно писать о таких явлениях как Мясной Бор. Профессия не оставляет историкам возможности для вымысла, они обязаны говорить только правду, не пропуская самых темных и неприглядных сторон. Поэтому специальной научной литературы по истории Любанской операции существует немного. Общий ход операции отражен в коллективных трудах по истории Великой Отечественной войны и обороне Ленинграда в 1941— 1944 гг., а также истории Ленинградского военного округа.¹ Более подробно хроника событий рассмотрена в работах З.П.Верховцевой в связи с исследованием ею истории 376-й стрелковой дивизии, освещена в коллективной монографии по истории 59-й армии, написанной бывшим командующим этой армией И.Т.Коровниковым и членами военного совета армии П.С.Лебедевым и Я.Г.Поляковым, в статьях историка П.М.Герасимова, писателя С.С.Гагарина, бывшего командующего Волховским фронтом К.А.Мерецкова и бывшего командующего Ленинградским фронтом и Волховской оперативной группой М.С.Хозина². Различные аспекты истории Любанской операции рассматривались в

сборнике "От Енисея до Эльбы", им были посвящены две военно-исторические конференции, организованные Советом ветеранов 2-й ударной армии в 1981 и 1987 гг.³ Популярное изложение общей истории операции содержится в разных сборниках по истории Волховского фронта и путеводителях по Новгородской области⁴. Поисковой деятельности в Мясном Бору посвящены выступление новгородского краеведа Н.И.Орлова на выше указанной конференции 1981 г., статьи и воспоминания ветерана 172-го отдельного лыжного батальона 2-й ударной армии писателя Г.И.Геродника и брошюра журналистки Л.А.Рождественской⁵. Небольшой рассказ о поисковой работе в Мясном Бору краеведа Н.И.Орлова имеется в книге писателя И.А.Васильева "Путешествие с книгой в рюкзаке" (М., 1977).

К настоящему времени историками установлена основная хронология, результаты и значение Любанской операции. Общим недостатком исследований и популярных работ по истории Любанской операции является их чрезмерная сжатость в изложении хода событий, что не позволяет с должной полнотой представить причинно-следственную связь и сделать необходимые обобщения и выводы. Отсутствует и общее описание Мясного Бора как памятного исторического места, характеристика состава и значения его памятников.

Изучение Любанской операции затрудняется тем, что все еще существуют трудности с использованием архивных документов, когда исследователь может только ознакомиться с документом, но лишен возможности использовать его при подготовке статьи или книги и сделать на него соответствующую ссылку. Документы по истории Любанской операции хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в фондах штаба, политуправления и военного совета Волховского фронта, штабов 2-й ударной, 52-й и 59-й армий, фронтовых и армейских частей и соединений. Они позволяют достаточно подробно реконструировать хронологическую канву и взаимосвязь событий. Опубликована лишь небольшая часть этих документов, в основном связанная с деятельностью генерала А.А.Власова и последними боями 2-й ударной армии в окружении⁶. Штабные документы позволяют восполнить многие пробелы в историографии, в частности, уточнить состав войск фронта и выявить степень их оснащенности на разных этапах операции, установить причины неудачи первого наступления фронта 7 января 1942 г., исследовать обстоятельства прорыва немецкой обороны по Волхову и у Мясного Бора 13-25 января 1942 г.,

восстановить историю боев 2-й ударной армии, осветить участие в Любанской операции 52-й армии, о которой историки еще не писали, устранить значительные лакуны в изложении истории боев 59-й армии и, наконец, определить размеры людских потерь в Любанской операции.

Наряду с документами, ценным источником являются воспоминания участников и очевидцев. Изданы сборники воспоминаний, дневников и рассказов⁷, имеются их многочисленные отдельные публикации, в том числе в периодической печати. В воспоминаниях К.А.Мерецкова изложен общий ход операции⁸. Значительная часть воспоминаний ветеранов 2-й ударной армии не опубликована и находится в составе рукописного сборника материалов конференции 1981 г. Последний источник историками еще не использован, а между тем, он не только дополняет публикации, но и выгодно отличается от них непосредственностью изложения, отсутствием смысловой правки и сокращений. В 1994 г. некоторые материалы конференции 1981 г. были опубликованы под заглавием "Любанская наступательная операция". В настоящей книге ссылки даются на рукописный вариант материалов как более полный и точный. Воспоминания ветеранов почти не содержат противоречий, а их соотношение и взаимопроверка облегчаются тем, что часть из них написана с привлечением архивных источников.

Важные материалы по истории Любанской операции содержит фронтовая периодическая печать, например, газета Волховского фронта "Фронтовая правда", газета 2-й ударной армии "Отвага", 59-й армии - "На разгром врага" и др.

При подготовке книги использовались также агитационные листовки 1942 г., как наши, так и немецкие.

Из немецких материалов, кроме листовок, привлекались записки начальника генштаба сухопутных войск Германии Ф.Гальдера, а также отдельные высказывания А.Гитлера в записи Г.Пикера и воспоминания немецкого дипломата и разведчика В.Шелленберга⁹. Эти источники позволяют представить, как оценивал положение неприятель, особенно записки Гальдера, где реакция германского генштаба показана почти день за днем.

На основе всей совокупности отмеченных выше источников автор предлагает свою версию истории Любанской операции. Он рассматривает ее не с точки зрения военной науки, а с позиций гражданского историка, уделяя больше внимания проблеме человека на войне, причем делает акцент на событиях, происходивших в Мясном Бору, в так называемой "Долине смерти". Автор не стремился подробно

рассказать о каждой воинской части или соединении, принимавших участие в операции. Он касался данной стороны лишь в той мере, в какой это было необходимо, по его мнению, для реконструкции основных сюжетов. Наряду с перечисленными источниками и специальными работами при подготовке книги использована еще и другая литература, а также письма ветеранов и личные наблюдения автора, который впервые посетил Мясной Бор в октябре 1976 г. Автор выражает благодарность ветерану 23-й отдельной стрелковой бригады М.М.Агапову и члену совета ветеранов 305-й стрелковой дивизии Б.С.Муравьеву за помощь при работе над книгой.

В атаку, волховцы, вперед! Враг отступает по болотам,
Уж он ударами измотан, И смертный страх его берет.
А.И.Гитович. "Волховцы"

Глава I. ВОЛХОВСКИЙ РУБЕЖ

Гитлер рассчитывал захватить Ленинград через две недели после начала войны с СССР. Героизм и стойкость воинов Красной Армии и Народного ополчения не позволили взять город штурмом и тогда враг начал его осаду. Одновременно 16 октября 1941 г. восемь немецких дивизий форсировали реку Волхов и устремились через Тихвин к реке Свирь, чтобы соединиться с финской армией и задуть Ленинград вторым блокадным кольцом. Соединившись с финнами, противник предполагал наступать на Вологду и Ярославль, имея ввиду образовать новый фронт севернее Москвы и одновременным ударом вдоль Октябрьской железной дороги окружить войска Северо-Западного фронта. В этих условиях советская Ставка Верховного Главнокомандования, несмотря на тяжелейшие бои под Москвой, сочла необходимым усилить резервами 4-ю, 52-ю и 54-ю армии, оборонявшиеся на Тихвинском направлении. Они перешли в контрнаступление и к 28 декабря отбросили немцев за Волхов. Победа под Тихвином явилась одним из первых успехов Красной Армии в Великой Отечественной войне.

В ходе Тихвинских боев Ставка разработала операцию по полному разгрому врага под Ленинградом. 12 декабря 1941 г. в Ставке состоялось совещание. Присутствовали И.В.Сталин, начальник Генерального штаба маршал Б.М.Шапошников и бывший командующий 54-й армией в Тихвинской операции, а теперь командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М.С.Хозин.

Вместе с ними в заседании участвовал секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), член Военных советов Северо-Западного направления и Ленинградского фронта, член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А.Жданов. Здесь же находился представитель Ставки на фронтах генерал армии К.А.Мерецков. В критической обстановке под Тихвином он принял на себя командование сначала 7-й (оборонялась на р. Свирь), а потом и 4-й армиями. Присутствовали также начальник штаба 4-й армии комбриг Г.Д.Стельмах и командующие двумя резервными армиями: 26-й — генерал-лейтенант Г.Г.Соколов и 59-й — генерал-майор И.В.Галанин.

Первым на совещании выступил Б.М.Шапошников. Он доложил о решении Ставки образовать новый, Волховский фронт с задачей разгромить всю Ленинградскую группировку противника. Линия нового фронта проходила по реке Волхов, начинаясь севернее г.Кириши и заканчиваясь на берегу озера Ильмень. Южный фланг фронта граничил с 11-й армией и Новгородской армейской группой Северо-Западного фронта, северный - с 54-й армией, которая передавалась в состав Ленинградского фронта.

К.А.Мерецков предложил передать 54-ю армию Волховскому фронту, так как она ведет бои под Тихвином и на Волхове вместе с 4-й и 52-й армиями, а от Ленинградского фронта ее отделяет кольцо блокады и прямого контакта с Ленфронтом она не имеет. Однако М.С.Хозин и А.А.Жданов настаивали на передаче 54-й армии Ленинградскому фронту. Они мотивировали свое мнение тем, что армия поможет прорвать блокаду, нанося врагу удары с тыла. При этом трудности в снабжении и управлении армией из Ленинграда в расчет не принимались.

Выслушав все аргументы, И.В.Сталин нашел возможным удовлетворить просьбу А.А.Жданова и М.С.Хозина, полагая, как пишет К.А.Мерецков, что "если для Ленинграда это лучше, пусть будет так". Потребовалось полгода, прежде чем Сталин признал свою ошибку и передал 54-ю армию Волховскому фронту, но за этот срок непродуманное решение успело отрицательно сказаться на боевом взаимодействии войск.

В состав Волховского фронта вошли две отдельные армии — 4-я и 52-я и две свежие армии из резерва — 26-я и 59-я. В соответствии с оперативной директивой Ставки от 17 декабря 1941 г., фронту предстояло силами 26-й и 59-й армий нанести главный удар в центре на Грузило, Сиверскую, Волосово, обходя

Ленинград с юга. 4-я армия наступала на Кириши, Тосно и вместе с 54-й армией Ленфронта окружала группировку врага в Мгинском выступе, прорывая тем самым блокаду Ленинграда. Одновременно 52-я армия ударом в южном направлении освобождала Новгород и наступала на Сольцы, чтобы отрезать противнику пути отхода перед Северо-Западным фронтом, который в свою очередь переходил в наступление.

Ставка наметила большую стратегическую операцию, имевшую целью разгром врага на всем Северо-Западном направлении. Соответственно значению операции было подобрано командование фронта и волховских армий. Командующим 4-й армией назначили генерал-майора П.А.Иванова, который весьма отличился в Тихвинских боях, командуя оперативной группой в той же 4-й армии. Прежнего командующего 4-й армией генерал-лейтенанта В.Ф.Яковлева К.А.Мерецков в период боев за Тихвин временно отстранил от командования армией и взял командование на себя, а В.Я.Яковлеву поручил командовать второй оперативной группой. Теперь В.Ф.Яковлев стал заместителем командующего 4-й армией. Он был известным военачальником, в 1939 г. возглавлял Забайкальский военный округ. Во время войны с Финляндией его собирались назначить командующим активно действовавшей 7-й армии.

52-я армия в Тихвинских боях сражалась на южном фланге. Ею продолжал командовать генерал-лейтенант Н.К.Клыков, сыгравший заметную роль в успехе Тихвинской операции.

59-ю армию возглавил генерал-майор И.В.Галанин, тоже кадровый командир РККА, окончивший Военную академию им.М.В.Фрунзе. В 1941 г. он некоторое время командовал 12-й армией Южного фронта после пленения немцами генерала П.Г.Понеделина. Теперь ему доверили новую армию, сформированную под Вологдой осенью 1941 г. из уральских и сибирских частей.

26-я армия в сентябре 1941 г. под командованием генерала Ф.Я.Костенко участвовала в обороне Киева, занимая левый флаг Киевского укрепленного района. После завершения обороны остатки армии во главе с командармом еле вырвались из окружения. В октябре 1941 г. армию переформировали и бросили на Орловско-Тульское направление, где она почти вся погибла под танками Гудериана. Но вскоре опять возродилась — в конце 1941 г. на территории Ярославской области сформировали новую 26-ю армию. Командовать ею назначили генерал-лейтенанта Г.Г.Соколова, бывшего заместителя наркома

НКВДЗ. Его способности как полководца никому не были известны, но зато он мог контролировать действия других генералов в столь ответственной операции. Особенно это касалось К.А.Мерецкова.

Великую Отечественную войну К.А.Мерецков встретил в должности начальника Генерального штаба и представителя Главного командования в Ленинградском военном округе. Через 10 дней после начала войны его арестовали как руководителя "группы военных заговорщиков". Очередной процесс над группой высших командиров должен был, по мысли И.В.Сталина, объяснить народу причины поражения Красной Армии в первые дни войны. В группу включили зам.наркома вооружения Б.Л.Ванникова (старые танки и самолеты, мало автоматического оружия), командующего авиацией П.В.Рычагова и генерального инспектора авиации В.Я.Смушкевича (мало самолетовылетов, старые самолеты, плохая подготовка летчиков), а также других высших военачальников разного профиля. Всех, кроме Ванникова и Мерецкова арестовали как раз накануне войны, в июне 1941 г. Теперь, в начале войны, их арест пришелся для Сталина весьма кстати, поскольку "неопровержимо доказывал" вину "врагов народа" в разгроме и отступлении Красной Армии.

Разгром и в самом деле был ужасным, но произошел он во многом по вине Сталина. Ведь именно он утвердил ту самую стратегию, которая в конце 1930-х гг. легла в основу подготовки будущей войны с Германией. В эту стратегию входила концентрация в приграничных районах мощных наступательных группировок, способных отразить агрессию, опрокинуть врага встречным ударом и затем немедленно осуществить прорыв на Запад на большую глубину, во все страны, где находились германские войска. Противник не стал ждать, пока советские части полностью развернуться на границе и 22 июня нанес сильнейшие удары по нашим группировкам, окружил их и одни уничтожил, другие отбросил на восток. Командование РККА в первые дни войны пыталось действовать в соответствии со сталинским планом: вместо временного перехода к обороне пробовало наступать и даже бросило навстречу врагу механизированные корпуса, имея ввиду разбить неприятеля во встречном сражении. Удары мехкорпусов нанесли врагу большой урон, но изменить ход войны не смогли. Немцы отрезали их от главных сил РККА и уничтожили. Злосчастную идею "встречного удара" известный писатель В.Суворов (В.Б.Резун) в книге "Ледокол" принял за подготовку Сталиным превентивной войны с Германией, за стремление Сталина напасть первым. В действительности,

Сталин не собирался нападать на Германию. Однако он планировал ответить на неизбежную агрессию мощным ударом, который бы разгромил врага и позволил распространить коммунизм на большинство стран Западной Европы. Судьба распорядилась иначе. В 1941 г. советская военная стратегия потерпела крах. Кроме того, лучшие кадры военачальников были истреблены Сталиным перед войной, а среди оставшихся многие не имели не только военного опыта, но и способностей полководцев. Воевать они учились уже в ходе войны и цена их обучения оказалась для нашего народа непомерно высокой. Огромная страна истекала кровью, а Сталин искал оправданий для своих ошибок и преступлений. Завершить дело с "изменниками" требовалось как можно быстрее, следователи торопились, на допросах сразу стали применять физическое воздействие. Сам Л.П.Берия после своего ареста в 1953 г. признавался, что "в отношении Мерецкова, Ванникова и других применялись беспощадные избиения, это была настоящая мясорубка". Приводя избитого Мерецкова в чувство, следователь мочился ему на голову. В 1965 г., рассказывая о допросах новгородскому краеведу Н.И.Орлову, К.А.Мерецков произнес: "Если бы вы знали, как меня били", уронил голову на руки и заплакал...

28 октября 1941 г. всех обвиняемых расстреляли, кроме Ванникова и Мерецкова. Их освободили в сентябре, когда на фронте сложилось критическое положение, исправить которое могли только настоящие специалисты, политика отошла временно на второй план. Тихвинская операция подтвердила способности Мерецкова как полководца и теперь ему поручили важнейшее дело — спасение Ленинграда. 17 декабря 1941 г. Мерецкова назначили командующим Волховским фронтом.

Новый фронт не только усиливался двумя свежими армиями, ему передавалась и большая часть Новгородской армейской группы (НАГ) Северо-Западного фронта. Группа была образована из отдельных частей в конце августа 1941 г. непосредственно у стен Новгорода. Перед ней стояла задача вернуть город, а когда сделать это сразу не удалось, НАГ получила приказ держать фронт протяженностью 148 км по реке Малый Волховец. Командовал группой генерал И.Т.Коровников. В боях за Новгород отличилась 305-я стрелковая дивизия НАГ под командованием полковника Д.И.Барabanщикова. Формировалась она в Дмитрове, в ней служило много москвичей, жителей Московской области и соседней — Калининской. Мало кто знает, что прибыв под Новгород в августе

1941 г., она с ходу опрокинула врага, 16 августа ворвалась в Новгород и дошла до реки Волхов, которая делит город на две половины. Только подавляющее огневое превосходство противника, в том числе войск СС, заставило дивизию отойти назад. Она продолжала удерживать рубеж на Малом Волховце, но в середине октября немцы выбили ее батальоны из деревень Шевелево, Змеиско и Посад, открыв дорогу к переправам на реке Мета. В декабре штабы Северо-Западного фронта и НАГ вместе разработали операцию по восстановлению позиций 305-й дивизии. За четыре дня боев 305-я дивизия с помощью истребительных отрядов фронта и отдельных отрядов НАГ вернула утраченные позиции, причем впервые столкнулась с 250-й испанской "голубой" дивизией, которую диктатор Испании Франко послал помогать Гитлеру на советский фронт. Шесть батальонов "голубой дивизии" под командованием генерала А.М.Грандеса бежали, оставив большие трофеи и потеряв более тысячи человек. Это явилось вторым поражением испанских фашистов на земле России. Первое у тех же деревень им нанесли части 25-й кавалерийской дивизии и три истребительных отряда Северо-Западного фронта в первой половине ноября. Тогда была сорвана попытка вражеского наступления. Теперь удар нанесла 305-я. Пройдет еще немного времени и она заставит испанских фалангистов навсегда исчезнуть с советско-германского фронта.

Одновременно с директивой Ставки о подготовке общего разгрома немцев под Ленинградом командование Ленинградского фронта не прекращало попыток самостоятельно прорвать блокаду. 20 декабря 55-я армия Ленфронта начала наступление с целью выдти в тыл мгинской группировке противника, но успех имела незначительный. Спустя несколько дней ей навстречу нанесла удар 54-я армия, но больших результатов тоже не достигла ввиду несогласованности действий с 55-й армией. Неудача операции лишней раз подтвердила, что одни ленинградцы прорвать окружение не могут, необходим сильный удар извне блокадного кольца. В связи с этим, учитывая тяжелое положение Ленинграда, Ставка держала под постоянным контролем выполнение своей директивы от 17 декабря 1941 г.

24 декабря 1941 г. последовала новая директива Ставки: 4-й и 52-й армиям завершить разгром врага на восточном берегу Волхова, овладеть мостами и захватить плацдармы на западном берегу, чтобы обеспечить развертывание 26-й и 59-й армий. На Волховский фронт прибыл в качестве представителя Ставки

Л.З.Мехлис. Участник Первой мировой войны, он в 1918 г. вступил в РКП(б) и с тех пор находился в армии на политической работе. Коммунистическим идеям он был предан до фанатизма. Непокколебимый фанатизм сочетался у Мехлиса с безграничной самоуверенностью. Эти свойства натуры повлияли и на остальные черты характера. Ответственность за порученное дело превратилась в стремление выполнить приказ любой ценой, не считаясь ни с собой, ни с другими. Это вполне соответствовало сталинскому стилю руководства, тем более, что Мехлис всецело разделял сталинские методы коммунистического строительства. Люди, подобные Мехлису, несмотря на всю их самонадеянность, способны реализовать себя лишь как исполнители чужой воли, которая таким образом становится для них святой. Отсюда его личная преданность Сталину, который знал это и потому ценил Мехлиса. В армии Мехлиса боялись. Самоуправство и произвол снискали ему дурную славу. Выполнение решений Ставки он обеспечивал не только окриками и угрозами, но и показательными расстрелами комсостава, как, например, на Северо-Западном фронте, где он побывал перед Волховским. Можно представить чувства Мерецкова, недавнего узника НКВД, когда он узнал о приезде Мехлиса! Частые визиты Мехлиса на Волховский фронт, несомненно, отрицательно сказывались на руководстве Любанской операцией.

В войсках фронта хорошо понимали необходимость форсировать Волхов как можно быстрее, чтобы не дать врагу закрепиться на новом рубеже. 24 декабря, едва выйдя на Волхов, 4-я рота лейтенанта Г.Печеркина из 60-го полка 65-й стрелковой дивизии 4-й армии первой из волховцев с ходу форсировала реку. За нею последовал 2-й батальон 311-го полка той же дивизии. 25 октября южнее 4-й армии передовые части 52-й армии захватили небольшие плацдармы севернее села Грузино, у деревень Зеленцы, Лезно и Водосье, но развить успех не удалось. Причина заключалась в том, что 23-24 декабря, накануне нашего наступления противник завершил отвод войск за Волхов на заранее подготовленные позиции, подтянул резервы живой силы и боевые средства. Более того, он в свою очередь сумел удержать плацдармы на восточном берегу (Кириши, Грузино, Дубцы). В ночь на 31 декабря во исполнение приказа Ставки о захвате плацдармов на западном берегу перешли в наступление вместе с 52-й армией отдельные прибывшие части 59-й армии. 376-й Кузбасской стрелковой дивизии, только что поступившей в состав 59-й армии, приказали разгромить чудовскую группировку противника, взять город Чудово, а затем наступать вдоль Ленинградского шоссе

на Любань. Вместе с дивизией наступала 166-я отдельная танковая бригада. На левом фланге дивизии наносил удар на деревню Пертечно 1250-й стрелковый полк майора Н.П.Глушкевича, сформированный из шахтеров г. Прокопьевска. На правом фланге у деревни Пехово действовал 1248-й стрелковый полк дивизии, сформированный из химиков и горняков г. Кемерово. Полком командовал Герой Советского Союза батальонный комиссар (затем майор) В.Д.Доценко, участник финской войны. Во втором эшелоне дивизии находился 1252-й стрелковый полк, сформированный из металлургов и горняков г.Сталинска. Передовые полки форсировали Волхов. 2-й и 3-й батальоны 1248-го полка несколько часов вели жестокий бой за селение Рыбачий домик. К полудню 31 декабря 2-й батальон ворвался в Пехово, но дальше продвинуться не смог и почти весь погиб. В 3-м батальоне соседнего 1250-го полка к концу дня осталось в строю всего 25 человек. Тем не менее у Пехово и Пертечно образовался небольшой плацдарм. Сибиряки не прекращали атаки, стараясь его расширить. Только за один день 6 января 1942 г. они атаковали врага семь раз, но неприятель превосходил их огневой мощью. При этом немцы не отсиживались в теплых блиндажах, а сами непрерывно контратаковали. Особенно тяжело приходилось нашим бойцам на рубеже реки Мекша и на лесной поляне в 1,5 км южнее деревни Тушин Остров. Около месяца 376-я дивизия вела здесь наступательные бои. Потери были очень большие, особенно в 1252-м стрелковом полку майора Шурова, который из второго эшелона перевели в первый.

Прочность вражеской обороны подтвердила новая попытка форсировать Волхов. Ее предпринял по своей инициативе и.о.командира 844-го стрелкового полка 267-й черниговской стрелковой дивизии 59-й армии капитан Б.Г.Назирова. В ночь на 1 января 1942 г. он послал полк в наступление с рубежей деревень Горелово и Шевелево на западный берег, на деревню Плотишно. На рассвете 4-я рота старшего лейтенанта В.Жачко ворвалась в Плотишно. Южнее 1-й батальон полка в рукопашном бою захватил деревню Ямно. Короткая артподготовка — и полк двинулся к деревне Копцы, которая располагалась на второй линии немецкой обороны у шоссе Новгород — Чудово, но враг опомнился и окружил полк. Пришлось пробиваться назад. Потери в полку были большие. За самовольство и.о. командира дивизии полковник И.Ф.Глазунов снял Назирова с должности и заменил капитаном В.А.Поспеловым.

Командованию фронта стало ясно, что время упущено. Преодолеть рубежи врага с ходу, без подготовки, без оперативной паузы невозможно, тем более если вводить в бой прибывающие войска прямо с марша. Волховский фронт не был готов к наступлению. Но Мехлис торопил Мерецкова. А Сталин прислал Мерецкову личное письмо, написанное собственноручно:

"Уважаемый Кирилл Афанасьевич!

Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха.

И.Сталин. 29.12.41 г."

После такого письма промедление с началом операции становилось равносильно смертному приговору, особенно если учесть, что наступление волховцев поддерживали не только соседние Ленинградский и Северо-Западный, но и все другие фронты. К концу 1941 г. обстановка на фронтах была в целом благоприятна для Красной Армии. На главном направлении — западном — ударные группировки немецкой группы армий "Центр" потерпели поражение в Московской битве и поспешно отходили, наши войска охватили фланги противника, создавалась возможность окружения и разгрома главных сил врага. На юге противник потерпел поражение под Ростовом, на севере — под Тихвином. 5 января 1942 г. в Ставке состоялось совещание по разработке плана зимней кампании 1942 г. И.В.Сталин под впечатлением последних побед Красной Армии настаивал на переходе в общее стратегическое наступление. Руководство Красной Армии предлагало иной вариант: сосредоточить главные усилия на западном направлении, где враг не успел восстановить боеспособность своих частей, пополнить здесь наши войска резервами и техникой и завершить разгром центральной группировки немцев. Относительно других направлений командование РККА считало, что на юге и под Ленинградом противник успел создать прочную позиционную оборону, для ее взламывания необходимы мощные артиллерийские средства, которыми Красная Армия временно не располагает и, следовательно, на этих направлениях необходимо ограничиться частными операциями, т.к. сил и резервов на все участки обширного фронта не хватит.

Данную точку зрения разделяли маршал Б.М.Шапошников, генерал армии Г.К.Жуков и член ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Оборона Н.А.Вознесенский, заместитель председателя СНК СССР, один из кураторов советского военного хозяйства по вопросам оружия и боеприпасов. Последний специально подтвердил, что обеспечить общее наступление всех фронтов нет экономической возможности. План Жукова, Шапошникова и Вознесенского более соответствовал реальным возможностям войск и военной промышленности. Однако Сталин был увлечен мыслью о широком наступлении по всему фронту, он преувеличивал военное значение московской победы и других контрударов РККА зимой 1941 г. Точку зрения Сталина безоговорочно поддерживал маршал С.К.Тимошенко, бывший нарком обороны СССР и председатель Ставки ВГК (до июля 1941 г.), а в то время (5 января 1942 г.) член Ставки и заместитель наркома обороны. Спорить со Сталиным было бесполезно. Совецание приняло сталинский план операций. По этому плану Западный, Калининский и левое крыло Северо-Западного фронта должны были окружить и уничтожить главные силы группы армий "Центр" в районе Смоленска, Вязьмы и Ржева. Ленинградскому, Волховскому и правому крылу Северо-Западного фронта предстояло вместе с Балтийским флотом разгромить группу армий "Север" и освободить от блокады Ленинград. Юго-Западному и Южному фронтам приказывалось разгромить группу армий "Юг" и освободить Донбасс. Кавказский фронт и Черноморский флот очищали от врага Крым и снимали осаду Севастополя. Для перехода в общее наступление отводились кратчайшие сроки.

Уязвимость плана Сталина определялась несоответствием имевшихся сил стратегическим масштабам. Идея, положенная в основу плана, ни у кого не вызвала сомнений. Она заключалась в том, чтобы не допустить оперативной паузы в зимнем наступлении, не дать немцам опомниться. Фактически она уже осуществлялась на всех фронтах в виде частных операций. Так, 25 декабря 1941 г. Закавказский фронт (с 30 декабря 1941 г. Кавказский), Черноморский флот и Азовская военная флотилия начали Керченско-Феодосийскую десантную операцию — они высадили морские десанты на Керченском полуострове и в порту Феодосии. В результате в Крыму появился новый, Крымский фронт с задачей очистить от врага Крым и деблокировать Севастополь. Однако для широкомасштабных, стратегически важных операций возможностей было явно недостаточно. К декабрю 1941 г. соотношение сил в действующих

армиях СССР и Германии было примерно равным, за исключением авиации. СССР имел на фронте 4,2 млн. чел., 22,6 тыс. орудий и минометов, 583 установки реактивных снарядов, 1954 танка и 2238 боевых самолетов. Верхмат вместе с союзниками — 4 млн. чел., 26,8 тыс. орудий и минометов, 1940 танков и штурмовых орудий, 3280 боевых самолетов. Как видим, у СССР не было значительного превосходства ни в живой силе, ни по одному виду вооружений. Более того, Германия имела подавляющий перевес в самолетах. А между тем, азбука военной науки гласит, что наступающая сторона должна превосходить противника по крайней мере в 2 — 3 раза. Причем, превосходство немецких войск определяла не только авиация. Германская промышленность в отличие от советской могла в то время сравнительно быстро восполнять материальные потери верхмата. В СССР с начала войны интенсивность труда на промышленных предприятиях и транспорте непрерывно возрастала и все-таки общий уровень производства еще не достиг довоенного, т.к. многие заводы и фабрики остались на оккупированной врагом территории, а эвакуированные предприятия не успели заработать в полную силу. Фронт не мог еще получать вооружение и боеприпасы в требуемых количествах. Из чего же исходил Сталин, планируя мощное наступление? Он надеялся на стратегические резервы, накопленные к декабрю 1941 г. Резервы были действительно велики, но по большей части они состояли не из танков и самолетов, а из живой силы. Таким образом, не полководческое искусство, не превосходство советской стратегии выдвигались на первое место, а людские массы, которыми Сталин привык распоряжаться как полномостный хозяин.

Итак, в конце 1941 г. ограниченность ресурсов не позволяла рассчитывать на успех крупных стратегических операций на всех направлениях одновременно с центральным. Не являлось исключением и северо-западное направление. Хотя внешне все складывалось здесь не так уж плохо. Погодные условия благоприятствовали — в лесисто-болотистой местности суровая зима сковала болота, реки, ручьи. Волховская группировка 18-й немецкой армии состояла из 14 пехотных дивизий, двух моторизованных и двух танковых. Волховский фронт с приходом двух новых армий (26-й и 59-й) и частей Новгородской армейской группы получал перевес над противником в живой силе в 1,5 раза, в орудиях и минометах в 1,6 раза, в самолетах в 1,3 раза¹³. На 1 января 1942 г. Волховский фронт объединял 23 стрелковых дивизии, 8 стрелковых бригад, одну

гренадерскую бригаду (из-за нехватки стрелкового оружия была вооружена гранатами), 18 отдельных лыжных батальонов, 4 кавалерийских дивизии, одну танковую дивизию, 8 отдельных танковых бригад, 5 отдельных арtpолков, 2 гаубичных полка большой мощности, отдельный арtpолк противотанковой обороны, 4 гвардейских минометных арtpолка реактивной артиллерии, зенитно-артиллерийский дивизион, отдельный бомбардировочный и отдельный ближнебомбардировочный авиаполки, три отдельных штурмовых и 7 отдельных истребительных авиаполков и одну разведывательную эскадрилью¹⁴. Внешне, на бумаге, это представляло большую силу. Однако Волховский фронт имел к началу операции 1/4 боекомплекта, 4-я и 52-я армии были измотаны боями, в их дивизиях осталось 3,5 — 4 тыс. чел. вместо штатных 10-12 тыс. Лишь 26-я и 59-я армии имели полный комплект личного состава. Но зато у них почти совсем отсутствовали прицелы для орудий, а кроме того, телефонный кабель и радиостанции, что значительно затрудняло управления боевыми действиями. В довершение всего в двух новых армиях не хватало теплой одежды и это в лютую зиму 1941 — 1942 гг.! Необходимое имущество не успели подвезти, т.к. армии только сосредотачивались на Волхове, их тылы отстали. Личный состав 26-й и 59-й армий в значительной степени состоял из жителей Поволжья, Воронежа и Средней Азии, совсем не знакомых с климатическими условиями новгородских болот. Командовавший фронтом К.А.Мерецков впоследствии отмечал: "Командармы жаловались, да я и сам видел, что на солдат и даже на офицеров, привыкших у себя в родном краю к открытым просторам, лес и болото действовали удручающе. Люди боялись потеряться, тянулись друг к другу, путали боевые порядки, скучивались, создавая тем самым выгодные цели для ударов артиллерии и авиации противника". Еще хуже было то, что формировались армии в спешке и обучить людей хотя бы азам военного дела не успели. Исключением являлись только четыре отдельные стрелковые бригады (22-я, 23-я, 24-я и 25-я). Они формировались в октябре — ноябре 1941 г. в Харьковском военном округе как ударные курсантские бригады. Ядро их составили курсанты различных военно-учебных заведений. По свидетельству ветерана 23-й бригады М.М.Агапова, эти части имели высокую для того времени насыщенность автоматическим оружием: в каждой бригаде было 529 автоматических винтовок СВТ. Весьма немногие части Красной Армии в конце 1941 г. могли похвалиться таким количеством автоматического оружия, за исключением особых формирований. Но

существенным недостатком СВТ было то, что они переставали стрелять при малейшем загрязнении. Курсантские бригады получили их взамен автоматов (пистолетов-пулеметов) ППШ и ППД, т.к. автоматов Красная Армия имела в то время весьма ограниченное количество. Например, в 327-й стрелковой дивизии находилось всего 100 автоматов ППШ, которыми вооружили отдельную роту автоматчиков, а немецкие дивизии из 14785 чел. имели 859 автоматов, из 8326 чел. — 524. Нужда в автоматах была в то время столь велика, что по воспоминаниям Г.К.Жукова, Сталин распределял их по фронтам чуть-ли не поштучно. Даже почти год спустя, в новом Уставе РККА подчеркивалось: "Автоматчиком может быть только лучший, отборный боец. Быстрота, смелость, внезапность и самостоятельность в действиях должны всегда сопутствовать автоматчику. Быстро и внезапно напасть, нанести огнем потери, посеять панику и так же быстро и бесследно исчезнуть — обычные приемы автоматчиков". То есть слабая насыщенность автоматическим оружием вплоть до осени 1942 г. заставляла смотреть на автоматчиков как на элитные десантно-диверсионные части.

В войсках фронта не хватало продовольствия, фуража, снарядов, оружейных передков, транспорта, радиостанций, телефонов, телефонного кабеля. Недостаток средств связи дополнялся тем, что даже наличную аппаратуру личный состав подразделений связи знал очень плохо и учился обращаться с нею уже в ходе боев. Это значительно снижало уровень управления войсками. К тому же новые штабы не успели сложиться в единый организм управления, их офицеры не имели опыта штабной работы, а с другой стороны — у многих строевых командиров полностью отсутствовал боевой опыт.

Артиллерия фронта перемещалась только на конной тяге, некоторое количество тягачей ХТЗ "Сталинец" появилось гораздо позже. Из-за малого числа танков почти нечем было сопровождать пехоту в наступлении. КА.Мерепков вспоминал: "Когда я просил в Ставке танки и автомашины, то в те дни порой слышал, что эта техника, скорее всего явится обузой, безнадежно застряв в лесах и болотах. Самолетов же некоторое время мы совсем не получали. Опыт первых боев показал ошибочность подобных установок. Наша пехота из-за отсутствия танковой и авиационной поддержки вынуждена была ломать оборону противника штыком и гранатой, неся при этом большие потери. Там же, где удавалось организовать поддержку пехоты танками и авиацией, потерь было меньше, а успехи

значительнее. Конечно, лесисто-болотистая местность и глубокий снежный покров создавали существенные трудности в использовании боевой техники, но они были преодолимы и с лихвой окупались".

Военно-воздушные силы Волховского фронта создавались из различных частей, переданных из состава ВВС Ленинградского фронта. В боях за Ленинград эти части понесли большие потери. Авиapolками они оставались только по названию и фактически являлись эскадрильями. Бензина и авиабомб не хватало. В начале января в ВВС Волховского фронта насчитывалось 211 самолетов, но около половины из них составляли легкомоторные У-2, Р-5, Р-зет. Боевых самолетов имелось всего 118. Из них 71 истребитель типа И-16, Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3; 19 штурмовиков Ил-2; 6 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 и 4 разведывательных Пе-2, а также 18 легких ночных бомбардировщиков У-2. Авиацией Волховского фронта командовал генерал-майор авиации И.П.Журавлев, штаб ВВС фронта возглавлял полковник И.С.Моргунов.

Командование фронта неоднократно обращало внимание Ставки на трудности в обеспечении личным составом и всеми видами материального снабжения. Тыл Волховского фронта в то время еще не сложился, тыловые части и учреждения находились в процессе формирования и все снабжение шло прямо из центра в армии. Это было удобно для "старожилов фронта" — 4-й и 52-й армий, но не годилось для прибывающих "новичков" — 26-й и 59-й армий, т.к. грузы для них из центра продолжали идти по старым адресам дислокаций, собственные запасы находились еще в пути, а помочь им из своих тыловых складов фронт не мог, т.к. тыловая служба еще не сформировалась. После многочисленных жалоб К.А.Мерецкова Ставка прислала в конце декабря на Волховский фронт начальника артиллерии Красной Армии Н.Н.Воронова. Воронов понимал трудности волховцев и на фронт приехал не с пустыми руками. По своей инициативе он взял с собой несколько вагонов с телефонным кабелем, прицелами, артиллерийскими передками. Снаряды Воронов не привез, но некоторое их количество прислал позже, опять-таки своей властью.

Воронов оказал фронту большую помощь, однако проблем оставалось слишком много. Главной, конечно, являлся недостаток техники и боеприпасов. Сталин знал об этом и обещал фронту после форсирования Волхова солидное пополнение — общевойсковую армию и 18 — 20 лыжных батальонов. Он не сомневался, что недостающие танки и самолеты вполне можно заменить десятками тысяч

человеческих жизней. Перед началом наступления 26-ю армию переименовали во 2-ю ударную армию. Смысл переименования не ясен. Вероятно, хотели придать всей операции внешнюю солидность, поскольку ударные армии действовали на важнейших направлениях и предназначались для главного удара фронта в решительном наступлении. Всего во время Великой Отечественной войны в ударные армии преобразовали пять общевойсковых армий — четыре в декабре 1941 г., пятую - в декабре 1942 г. Ударные армии превосходили общевойсковые большей численностью (9-20 дивизий) и лучшей оснащённостью. Им дополнительно придавались крупные средства усиления — танковые, механизированные, кавалерийские корпуса. Но Волховскому фронту и здесь не повезло. Его главная сила — 2-я ударная армия в конце 1941 г. состояла всего лишь из одной стрелковой дивизии, шести стрелковых бригад и шести отдельных лыжных батальонов, т.е. по численности равнялась стрелковому корпусу. В качестве средств усиления она имела 160-ю отдельную танковую бригаду, 18-й отдельный артиллерийский полк Резерва Главного командования (РГК) со 150 мм гаубицами и два авиаполка — 121-й бомбардировочный и 704-й легкий бомбардировочный. Называть такое соединение ударной армией было по меньшей мере несерьезно. Правда, в ходе операции она получила новые части, в том числе в январе - феврале 17 отдельных лыжных батальонов, ей передали в оперативное подчинение несколько дивизий и тем не менее в 1942 г. она так и не достигла состава других ударных армий.

Начать операцию предполагалось в конце декабря. Однако наступление пришлось отложить, т.к. из состава 2-й ударной и 59-й армий на фронт в полном составе прибыла к тому времени одна дивизия (327-я), но к самой линии фронта она еще не подошла, а слабые атаки 4-й и 52-й армий результатов не имели. По просьбе КА.Мерецкова наступление перенесли на 7 января. Надо было основательно подготовиться, т.к. противник успел прочно закрепиться на высоком берегу Волхова. Особое беспокойство Мерецкова вызывала подготовка 2-й ударной армии. 6 января на командном пункте 2-й ударной Военный совет фронта созвал совещание для проверки готовности штаба армии и прибывших подразделений к наступлению. Оказалось, что командарм Г.Г.Соколов не знал обстановки, не представлял даже приблизительно, где находятся прибывающие части армии, а в тактическом плане как полководец не смог подняться выше уровня гражданской войны. Современных методов ведения боя и большой операции он не

представлял. Генерал-лейтенант Г.Г.Соколов до войны являлся заместителем наркома внутренних дел и, видимо, успешно выполнял в органах известные функции, но доверить ему армию можно было только в силу явного недоразумения. Командиры частей и соединений обижались на его поверхностное руководство. По словам Мерецкова, Соколов "брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же у него ничего не получалось. Видно было, что его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах. Вот выдержка из его приказа № 14 от 19 ноября 1941 года:

"1. Хожение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак — затемно, перед рассветом, а обед — затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать — хорошо, а нет — и на этом спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем — и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода — ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!".

Ну чем не Суворов? — пишет далее Мерецков. — Но ведь известно, что Суворов, помимо отдачи броских, проникающих в солдатскую душу приказов, заботился о войсках. Он требовал, чтобы все хорошо были одеты, вооружены и накормлены. Готовясь к бою, он учитывал все до мелочей, лично занимался рекогносцировкой местности и подступов к укреплениям противника. Соколов же думал, что все дело — в лихой бумажке, и ограничивался в основном только приказами".

После совещания командование фронта постановило просить Ставку о замене Соколова другим командующим. Ставка медлила с ответом. А тем временем немецкой разведке удалось вскрыть подготовку фронта к наступлению и выявить направление главных ударов в районе Селищ, с плацдармов у Грузино и Киришей и в районе Погостья. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф.Гальдер во время войны вел дневник, где отмечал важнейшие события, происходившие на фронте и в ставке фюрера. 27 декабря 1941 г. он записал: "Ожидается наступление противника на волховском участке

фронта и из района Ладожского озера. До настоящего момента противник предпринимал только небольшие атаки, которые удавалось отбить". 28 декабря Ф.Гальдер вновь отметил: "Множатся признаки того, что противник готовит новое наступление на Волховском фронте, а также из района Ладожского озера в южном направлении. В радиопереговорах принимает участие новый крупный штаб, который, по-видимому должен взять на себя общее руководство наступлением противника".

Германское командование придавало Волховскому участку фронта огромное значение. Например, 5 января 1942 г. командир 422-го пехотного полка верхмата объявил в приказе: "Господин командующий генерал сказал мне вчера, что если мы не удержим Волхов, мы проиграем войну, удержим его — выиграем войну. Это стоит жизни...". Не теряя времени, немцы заменили потрепанные в боях части свежими, а 39-й моторизованный корпус отвели в район Любани для отдыха и пополнения. Там же в резерве находилась 285-я охранная дивизия. Оборона врага на Волхове начала создаваться 20 августа 1941 г. специально на случай контр наступления Красной Армии. Она состояла из нескольких полос. Первая шла непосредственно по западному берегу Волхова. За ней, в шести километрах западнее, вдоль железной дороги Новгород - Чудово - Ленинград проходила вторая линия. Оба рубежа были насыщены дзотами, пулеметными гнездами, артиллерийскими позициями и сильными узлами сопротивления. Причем саму насыпь железной дороги и рельсы немцы для оборонительных целей не использовали. Вероятно, берегли для хозяйственных нужд "рейха". Маскировке сооружений противник придавал большое значение. Даже дым от печных труб блиндажей отводил при помощи жестяных труб далеко в лес. Пространство между главными линиями обороны неприятель густо насытил минными полями и колючей проволокой, прикрыл пулеметным и артиллерийским огнем. Особенно тщательно прикрывались направления на Любань — Тосно, Вырица — Сиверская и на Новгород. Оборону волховских рубежей против 54-й армии Ленинградского и 4-й армии Волховского фронта держали 96-я, 269-я, 11-я и 21-я пехотные дивизии 1-го армейского корпуса верхмата; против 59-й армии — 291-я, 254-я, 61-я и 215-я пехотные дивизии и части СС; против 2-й ударной армии — 126-я, 250-я испанская (20 тыс. чел.), 225-я и 28-я легкие пехотные дивизии и весь 39-й моторизованный корпус; новгородское направление против 52-й армии прикрывали 58-я и 81-я пехотные дивизии²⁶. Автор надеется, что, сопоставляя

силы сторон, читатель помнит: германская дивизия превосходила советскую на 4 — 6 тыс. чел., а кроме того, в тот период имела лучшее техническое оснащение. Наши армии разворачивались вдоль реки Волхов с севера на юг: 4-й армии отводились позиции от Киришей до Завижи; 59-й — от Завижи до Дымно; 2-й ударной — от Дымно, Крупичино до Руссы; 52-й — от Руссы до озера Ильмень. Начиная с 3 января прибывающие войска 2-й ударной армии начали на участке в 27 км сменять на позициях некоторые части 59-й армии, которая благодаря этому смогла уплотнить свои боевые порядки и выделить небольшой резерв. Успевшие прибыть отдельные лыжные батальоны придавались наступавшим частям. 39-й лыжный батальон направили в 24-ю отдельную стрелковую бригаду; 43-й лыжбат получила 59-я стрелковая бригада; 44-й попал в 327-ю стрелковую дивизию. Батальон № 40 держали в резерве во втором эшелоне у деревни Александровское. К линии фронта войска двигались пешком по глубокому снегу. Тяжелая дорога и сильные морозы измучили людей. 3 января термометр показывал в районе Волхова - 42. Воин 327-й дивизии П.М.Герасимов вспоминал: "Шли только ночью; днем укрывались в лесу. Путь был нелегким. Чтобы пробить дорогу в глубоком снегу, приходилось колонны строить по 15 человек в ряду. Первые шли, утаптывая снег, местами доходивший до пояса. Через 10 минут направляющий ряд отходил в сторону и пристраивался в хвост колонны... На пути встречались незамерзшие болотистые места и речушки с наледью на поверхности. Обувь намокала и промерзала. Просушить ее было нельзя, так как костры на стоянках разводить не разрешалось... Выбились из сил обозные кони. Кончилось горючее, и автомашины остановились. Запасы боеприпасов, снаряжения и продовольствия пришлось нести на себе. И все же ночью 7 января наша дивизия подошла к линии фронта (...)".

7 января 1942 г., не дожидаясь сосредоточения всех частей, не завершив подготовку к операции, Волховский фронт перешел в наступление. Но форсировать Волхов и закрепиться удалось лишь двум батальонам 1002-го стрелкового полка 305-й стрелковой дивизии 52-й армии и воинам 376-й и 378-й стрелковых дивизий 59-й армии. Воины 376-й дивизии под командованием подполковника Д.Н.Угорича несколько дней держались за Волховом севернее деревни Пертечно, уничтожили около полка гитлеровцев и отошли назад по приказу командования.

Батальон 1256-го стрелкового полка 378-й дивизии овладел первой немецкой траншеей, но противник быстро опомнился, прижал атакующих к земле пулеметным огнем и контратаковал. Командир дивизии полковник И.П.Дорофеев ввел в дело вторые эшелоны полков, но огневое превосходство противника заставило вечером под прикрытием снегопада вернуться на исходные позиции. Это был первый бой дивизии, однако бойцы действовали храбро и уверенно. Например, когда вражеский снаряд вывел из строя расчет одного из орудий 944-го артполка, подносчик М.С.Лексин один продолжал стрельбу, взяв в помощники красноармейца из стрелкового взвода.

8 января 378-я дивизия предприняла новую попытку наступать после короткой артподготовки. Один батальон 1256-го стрелкового полка и рота 164-го отдельного танкового батальона вновь форсировали Волхов и захватили опорный пункт противника восточнее деревни Лезно. Неприятель неоднократно контратаковал, но батальон старшего лейтенанта И.Н.Соколова держался крепко и не сдал своих позиций.

Однако отмеченные успехи имели место на второстепенных направлениях. В главной полосе наступления добиться перелома не удалось, там наши войска на участке Крупчино - Русса продвижения не имели. Причина заключалась в огневом превосходстве противника. Жесткие рамки утвержденного плана не позволили Волховскому фронту создать необходимый перевес в силах и средствах. Подходившие войска вводились в бой прямо с тяжелого марша. Их артиллерия сосредоточиться не успела. Немалую роль сыграло и то, что штабы всех уровней оказались не на высоте современных требований по организации боя. "Командиры и штабы, — писал К.А.Мерецков, — не сумели осуществлять управление частями и организовать взаимодействие между ними". Между штабом фронта, штабами армий и соединений отсутствовала надежная связь. Особенно плохо была налажена связь во 2-й ударной армии. Из-за этого ядро 2-й ударной - четыре стрелковые бригады — начали наступление только 8 января, потому что приказы командарма поступили в части с опозданием на сутки. Можно представить, какое впечатление произвела задержка с получением приказа в штабах стрелковых бригад. Ротам и батальонам приказали немедленно начать форсирование реки. Противник их давно ждал, приготовил пулеметы и артиллерию. Перед форсированием нашим воинам предстояло еще преодолеть открытое пространство от мест расположения бригад до восточного берега Волхова. Здесь от больших

потерь мог спасти только глубокий снег, но двигаться в нем было трудно, а замедлить движение не позволяли приказы.

Немалая доля вины в создавшемся положении лежала на командовании 2-й ударной армии и лично на командарме Г.Г.Соколове. Он был обязан через работников штаба и прежде всего через начальника штаба армии генерал-майора В.А.Визжилина проконтролировать доставку важнейших приказов перед началом операции. Ведь, 2-я ударная армия в качестве главной силы фронта наступала на центральном участке. Наступление армии в соответствии с приказом командарма № 01 от 6 января 1942 г. должно было начаться 7 января в 10 часов утра. Ей предстояло прорвать первый рубеж германской обороны на стыке 126-й и правого фланга 215-й немецких пехотных дивизий, а затем разгромить 25-ю пехотную дивизию верхмата на втором рубеже обороны немцев. Войскам армии в соответствии с планом операции было приказано: 25-й отдельной стрелковой бригаде — прорвать фронт противника на рубеже Дымно — Высокое (7,5 км), в дальнейшем наступлении прикрывать правый фланг армии; 57-й отдельной стрелковой бригаде — уничтожить немцев на рубеже Высокое - Новые Бурегы (7,5 км), затем прорваться к железной дороге Новгород -Чудово западнее деревни Коляжка (Коляшка); 327-й стрелковой дивизии — наступать на рубеже Новые Бурегы — Городок (5 км) и иметь целью прорыв к железной дороге на участке Мостки — Спасская Полисть; 58-й стрелковой бригаде отводилась полоса от церкви в селе Городок до Горелова (1,5 км) с задачей овладеть затем участком железной дороги Мясной Бор - Любило Поле; 23-й бригаде -

Убито 94 96 71 50 19

Ранено 198 458 288 302 56

Пропало без вести 26 156 10 4

вместе с двумя ротами 160-го отдельного танкового батальона атаковать неприятеля на участке Горелово-Змейско (3 км) и прорваться на железную дорогу между Мясным Бором и отметкой 27,1 (Городище 2-е); 24-й бригаде приказали разгромить врага на линии Змейско — Русса (4 км), выдти к железной дороге между деревнями Любцы — Крутик и прикрывать в дальнейшем наступлении левый фланг армии вплоть до Новой Быстрицы; 53-ю бригаду держали в резерве у станции Гряды в готовности развить успех на участке Дымно — Высокое (1,5 км)³⁴.

Однако 327-я дивизия не успела полностью сосредоточиться на исходном рубеже и участия в операции почти не принимала, а наступление стрелковых бригад оказалось неудачно. Например, 23-я бригада перешла в наступление в 8 часов утра 8 января и начала бой за овладение немецким узлом сопротивления у совхоза "Красный Ударник" и на опушке леса севернее совхозного поселка на берегу Волхова. Другие бригады перешли в наступление еще позже, а 25-я бригада — только в 11 часов утра. 327-я дивизия в это время (11 часов) еще только выходила в исходное положение, сменяя части 59-й армии. Стрелковые бригады 2-й ударной армии вели тяжелые бои весь день. Артиллерийской подготовки почти не было. Идти приходилось под сильным пулеметным огнем по глубокому снегу. Из-за этого 23-й бригаде лишь к 15 часам удалось выдти на берег Волхова и продвинуться до середины реки. Столь же медленно развивалось наступление других стрелковых бригад. На западном берегу противник прижал наших воинов к земле и атаки захлебнулись. Когда стемнело, пришлось отойти назад. Хорошо еще, что потери были относительно невелики. За 7 — 8 января 1942 г. потери 2-й ударной армии составили (по материалам ЦАМО РФ):

| 25осбр | 57осбр | 58 осбр | 23 осбр | 24 осбр | 327 cd | Всего 330 1302
196*

Наступление провалилось. Однако натиск волховцев был силен. Немецкий офицер, воевавший у станции Тигода против 310-й стрелковой дивизии 4-й армии Волховского фронта, записал в дневнике 10 января 1942 г.: "Русские доставляют нам много трудов. Стоит вопрос, быть или не быть северному фронту"³⁵. Понимало эту угрозу и высшее командование Германии. Генерал Ф.Гальдер 9 января в "Дневнике" отметил: "На волховском участке отбита атака противника. Здесь и в районе Ладожского озера близится крупное наступление противника"³⁶. Из записи Гальдера следует, что враг принял наше плохо организованное наступление всего лишь за разведку боем.

Провал первой попытки заставил Военный совет Волховского фронта просить Ставку перенести операцию еще на три дня. Ставка согласилась, хотя, конечно, там понимали, что в существующих условиях нельзя за три дня подготовить войска к наступлению. Задачи войскам остались почти без изменений. Главный удар по-прежнему наносила 2-я ударная армия. Ей на помощь в район Ямно — "Красный Ударник" нацеливалась вся авиация фронта. В полосе наступления армии фронтовое командование распорядилось организовать переправу для 60-

тонных танков КВ. Стрелковым бригадам и 327-й стрелковой дивизии придали с целью усиления артполки³⁷. Но для должной подготовки времени все равно не хватило и к намеченному сроку — 10 января — фронт оказался не готов к наступлению. Однако Ставка придавала операции столь большое значение, что 10 января в разговоре по прямому проводу Сталин сам предложил Мерецкову отсрочить операцию еще на пару дней. Мерецков попросил три дня, больше не осмелился, хотя по его собственному признанию для подготовки требовалось еще 15-20 суток. В результате наступление наметили на 13 января. Вину за срыв подготовки Сталин, разумеется, возложил на Мерецкова. В телеграфном разговоре с Мерецковым Сталин заявил: "У русских говорится: поспешить — людей насмешишь. У вас так и вышло, поспешили с наступлением, не подготовив его и насмешили людей. Если помните: я вам предлагал отложить наступление, если Ударная армия Соколова не готова. Вы отказались, а теперь пожинаете плоды своей поспешности"³⁸. В этих словах — весь Сталин. Здесь и его безразличное отношение к людям, когда смерть способна вызывать только смех, и постоянное стремление переложить вину на других. Но, с другой стороны, в словах Сталина была и большая доля истины: в

Подсчитано ветераном 23 бригады М.М.Агаповым. Можно думать, что все "пропавшие без вести" тоже погибли, но не были обнаружены в сугробах в течение дня и ночи с 8 на 9 января 1942 г. и поэтому не попали в списки погибших.

то время далеко не все высшие командиры РККА владели оперативным искусством. Ведь, многие из них продвинулись на высокие посты в результате "великих чисток" и не имели соответствующего образования и опыта. Поэтому Сталин решил не ограничиваться указаниями по телеграфу и в тот же день, 10 января, за подписью своей и начальника Генштаба А.М.Василевского направил Мерецкову директиву Ставки за номером 03. Директива требовала от командиров частей и соединений прежде всего "научиться взаимодействовать". Далее в документе напоминалось о необходимости концентрировать силы в ходе наступления, в связи с чем следовал строгий приказ "запретить располагать отдельные дивизии цепочкой" и предписывалось "создавать ударные группы из 3-4 дивизий". В заключительной части директивы особо подчеркивалось, что "только соединенные действия ударных групп (...) могут обеспечить успех наступления"³⁹.

Такие оперативные группы вскоре были созданы во всех армиях Волховского фронта. Они сыграли положительную роль в управлении войсками, однако не смогли заменить столь необходимой боевой техники. Именно слабое техническое оснащение фронта явилось одной из причин неудачи первой попытки наступления. В 52-й армии, например, в нарушение довоенных норм ни одна стрелковая дивизия, кроме 305-й, не имела своего танкового батальона. Правда, германские нормативы вообще не предусматривали оснащения пехотных дивизий танками, но в то время враг имел лучшие возможности привлекать на помощь своей пехоте специальные танковые части. Нашим наступавшим войскам мог помочь только подавляющий перевес в живой силе, но такого перевеса не было. Кроме того, к 10 января войска 2-й ударной армии сосредоточиться не успели, а свежие части 59-й армии понесли потери. В еще большей степени потери сказались на боевых возможностях 4-й и 52-й армий, которые непрерывно сражались с лета 1941 г. В 52-й армии на 10 января 1942 г. имелось всего-навсего 14000 штыков и 900 сабель. То есть вся 52-я армия по количеству живой силы фактически равнялась одной стрелковой дивизии полного состава и неполному кавалерийскому полку. Из технических средств в армии имелось 110 орудий всех калибров плюс 25 противотанковых пушек, а кроме того 160 минометов, дивизион РС ("Раисы" или "Катюши") М-8 и 50 противотанковых ружей. Все это распределялось по пяти стрелковым дивизиям (267-й, 259-й, 305-й, 46-й, 225-й) и 25-й кавалерийской дивизии. Причем, войска армии развернулись для наступления в три эшелона. В первом эшелоне на рубеже Русса-Муравьи находились 267-я и 305-я дивизии, во втором эшелоне — 259-я и 46-я дивизии, в третьем — 25-я кавалерийская дивизия. 225-я стрелковая дивизия занимала оборону на рубеже деревня Муравьи — озеро Ильмень, имея основную группировку в Муравьях. Таким образом, все перечисленные технические средства (весьма ограниченные) не были к тому же собраны воедино, а рассредотачивались по трем эшелонам на фронте почти в 30 км⁴⁰. В таких условиях рассчитывать на успех было очень трудно, но люди не теряли бодрости. Они по-прежнему связывали свои надежды с двумя армиями из резерва Ставки — 59-й и 2-й ударной. Иллюзии фронтовиков вполне объяснимы. Но на что надеялись Сталин и высшее командование РККА? На возможность победить большой кровью? Или на искусство полководцев? Последнему обстоятельству Сталин, видимо придавал особое значение. На что еще оставалось рассчитывать?

Ведь по всем статьям у Волховского фронта отсутствовал решающий перевес над противником. Возможно, потому-то и прислал Сталин Мерецкову директиву № 03, чтобы в приказной форме заставить командование фронта использовать в боевой практике азы полководческого искусства. По той же причине он сделал из неудачного наступления соответствующие оргвыводы: Ставка убедилась в профессиональной непригодности командарма Соколова и 10 января его отозвали в Москву. 2-ю ударную армию принял генерал-лейтенант Н.К.Клыков, которого на прежнем посту командующего 52-й армией сменил генерал-лейтенант В.Ф.Яковлев из 4-й армии.

Одновременно с Волховским фронтом в соответствии с планом разгрома врага под Ленинградом войска Северо-Западного фронта начали 7 января операцию по окружению и разгрому главных сил 16-й немецкой армии в районе Демянска и Старой Руссы. Наступление развивалось трудно, но в целом успешно.

Ленинградский фронт не имел сил для большого удара. Его 54-я армия ждала сигнала к наступлению вне блокадного кольца в районе Погостья, чтобы двинуться навстречу волховцам.

Волховский фронт готовился к решительному удару. Самая северная армия фронта — 4-я — занимала рубеж Кириши, Лезно с главной группировкой на левом фланге. Ее измотанные боями части имели большой некомплект личного состава и слабое вооружение. Лишь две дивизии были

укомплектованы полностью. Южнее 4-й, на рубеже Завижа, Дымно, располагалась 2-я ударная армия. Ее главная группировка нацеливалась на Селище, "Красный Ударник", Спасскую Полисть. Крайний левый фланг фронта занимала 52-я армия, имея главные силы на стыке со 2-й ударной⁴¹.

Наступление Волховского фронта должны были поддержать партизаны. В начале января 1942 г. в полосе Волховского фронта действовало около 25 партизанских отрядов, численностью по 20-30 чел. каждый. Однако отряды находились в тяжелом положении. Оккупанты постоянно проводили карательные операции. Связи партизан с местным населением оказались нарушены. Бывший командир партизанского отряда В.П.Самухин свидетельствует: "Заходить в деревни и проводить беседы с народом стало почти невозможно. Множителей аппаратов у партизан не было. Отдельные листовки, написанные от руки, не могли противостоять той массовой идеологической обработке населения, которую вели немецко-фашистские захватчики на оккупированной территории". Кроме того,

прервалась связь партизан с советским тылом, т.к. в одних отрядах погибли радисты, а в других отсутствовали батареи питания для раций. Плохо обстояло дело с оружием и еще хуже с продовольствием, т.к. осенью 1941 г. шли бои и местные жители не успели убрать урожай, а многие совсем не занимались сельским хозяйством, они жили лесными промыслами и продукты покупали. Зимой 1941—1942 гг. значительная часть местного населения находилась на грани голода⁴². Таким образом, в начале операции волховские партизаны не могли оказать большой помощи фронту.

12 января генерал Ф.Гальдер записал в "Дневнике": "На волховском участке фронта — затишье перед бурей"⁴³.

Утром 13 января Волховский фронт возобновил наступление. Полуторачасовая артиллерийская подготовка не смогла подавить огневые точки противника. До вражеских окопов предстояло преодолеть 800-1000 м открытого пространства при морозе свыше 30° и глубине снежного покрова 1,5 м⁴⁴. Пехота подошла к реке в 11 часов. Четыре армии под сплошным пулеметным огнем, устилая Волхов трупами, рванулись к западному берегу. Наступление 4-й армии вскоре захлебнулось, ей пришлось отражать контратаки противника. 59-я армия продвинуться тоже не смогла. Успех наметился лишь в 15-километровой полосе наступления 52-й и 2-й ударной армий.

В 52-й армии опять отличилась 305-я стрелковая дивизия. Утром 13 января, после разведки боем, она заняла исходное положение у деревни Ситно. К концу дня воины дивизии форсировали Волхов, но на западном берегу залегли под сильным минометным и пулеметным огнем. Собравшись с силами, части 305-й завязали бои с 250-й испанской дивизией, медленно продвигаясь в направлении деревень Горка и Лелявино. Севернее, вслед за 305-й, переправились и вступили в бой на западном берегу 46-я и 267-я стрелковые дивизии 52-й армии⁴⁵.

267-я черниговская стрелковая дивизия комбрига Я.Д.Зеленкова наступала на деревню Горка. Деревня стояла на берегу Волхова. По крутому берегу немцы соорудили дзоты, окопы полного профиля, проволочные заграждения, прикрыли позиции минными полями. Утром 13 января в ходе артподготовки артиллеристам удалось взорвать в Горке склад боеприпасов. 844-й стрелковый полк дивизии атаковал высоту 130,0 между Горкой и пионерским лагерем "Онег" Полк форсировал Волхов, но у правого берега залег под ураганным огнем противника. Бойцы лежали в снегу, не смея поднять головы. А когда стемнело, немцы зажгли в

Горке десять домов, чтобы осветить подходы к деревне. Это преступление врага потрясло наших бойцов. Командир батареи 76-мм пушек лейтенант Крутиков вместе с расчетом выкатил одно орудие на прямую наводку и несколькими снарядами разбил два ближайших блиндажа, откуда вели огонь крупнокалиберные пулеметы. Воспользовавшись тем, что враг прекратил огонь, командир полка капитан В.А.Поспелов поднял в атаку 3-й батальон старшего лейтенанта З.А.Гагуева. Правее бросился вперед 1-й батальон страшего лейтенанта Ильяшевича из соседнего 848-го стрелкового полка. С двух сторон они ворвались в деревню и завязали рукопашный бой. Противник бежал, понеся большие потери. Затем 846-й стрелковый полк капитана Зуева выбил немцев из деревни Нагорное, а 848-й полк подполковника И.Ф.Козлова вторым и третьим батальонами овладел пионерским лагерем и деревнями Старые и Новые Быстрицы севернее Горки. Плацдарм был захвачен. Полкам дивизии достались трофеи: 4 миномета, 2 противотанковых пушки, 14 станковых и ручных пулеметов, винтовки, автомобиль, а также склад боеприпасов, где находилось 1500 снарядов, около 800 минометных мин, 150 тыс. винтовочных патронов, 300 гранат, осветительные ракеты⁴⁶.

В полосе наступления 2-й ударной армии удача сопутствовала 327-й воронежской дивизии полковника И.М.Антюфеева. Дивизии были приданы 44-й отдельный лыжный батальон и 839-й гаубичный артполк РК47. 1098-й стрелковый полк воронежцев, наступая с восточного берега от села Городок, к 14 часам 13 января форсировал Волхов у Красного Поселка. К вечеру 13-го и в ночь на 14-е января 1102-й стрелковый полк, наступая с восточного берега от деревни Дубовицы, завязал бой за деревню Костылево, а 1100-й полк занял высоты на западном берегу у деревни Бор. Позиции 126-й пехотной дивизии немцев на этом участке были прорваны, но занять деревню воронежцы не смогли. Потери убитыми в 327-й дивизии были невелики, но среди погибших оказался командир 1098-го полка полковник П.Я.Комаров. Фронтной поэт П.Н.Шубин описал его гибель в стихотворении "На северной реке". Много в дивизии было раненых — около тысячи. В П.Я.Комарова немцы стреляли специально, опознав в нем командира по офицерской портупее и шапке из желтой цигейки. В других частях потери в офицерском составе тоже были связаны с приметным обмундированием и вскоре все офицеры фронта в полевых условиях перешли на малоприметную одежду, стараясь внешне не выделяться среди своих солдат⁴⁸.

Левее воронежцев упорно пыталась форсировать Волхов 58-я отдельная стрелковая бригада полковника Ф.М.Жильцова. Командование фронта распорядилось придать бригаде 561-й артполк РК, но снарядов не хватало и наступление 58-й бригады развивалось с большим трудом.

Дальше к югу наступала 23-я стрелковая бригада полковника В.И.Шишлова. Бригаду поддерживал 845-й артполк. Артиллерийская подготовка на участке бригады началась одновременно с соседями — в 9 часов 30 минут. Затем 1-й и 2-й батальоны бригады приступили к форсированию Волхова, однако противник остановил их еще на восточном берегу пулеметно-минометным огнем и заставил залечь. Немецкие снаряды взломали лед и река покрылась полыньями. Подавить батареи врага наши орудия не могли из-за недостатка снарядов.

Зато на левом фланге 2-й ударной армии добилась успеха 24-я стрелковая бригада полковника М.В.Романовского. К 17 часам 13 января ее 1-й батальон достиг западного берега и начал бои за расширение плацдарма у Новой Быстрицы⁴⁹.

Утром 13 января в соответствии с планом Ставки начала наступление на Погостье и Тосно 54-я армия Ленинградского фронта. С упорными боями она шла навстречу волховцам.

На Волховском фронте на следующий день, 14 января, 2-я ударная армия расширяла захваченные плацдармы и одновременно начала наступление вглубь вражеской обороны, ко второму рубежу неприятеля. С этой целью на рассвете 14 января штаб 2-й ударной приказал ввести в прорыв на участке 327-й дивизии 59-ю саратовскую отдельную стрелковую бригаду из второго эшелона армии. Бригада имела задачу войти в тыл врага, прорвать вторую линию немецкой обороны у реки Полисть за железной дорогой и шоссе Новгород — Чудово и наступать дальше на село Спасская Полисть. Перед отправкой на фронт только что сформированная бригада получила пополнение — 500 политбойцов из числа бывших средних и младших командиров запаса — коммунистов и гражданских политработников, с которых сняли бронь и послали на укрепление фронтовых партийных и комсомольских организаций. Бригада прибыла на фронт 11 января и еще не успела привести себя в порядок после многоверстных изнурительных маршей. Вручая боевой приказ комбригу подполковнику Чернику, его заверили, что по пути следования он не встретит сильного огневого воздействия противника. Но уже при переходе через Волхов враг обстрелял бригаду шрапнелью и

причинил большие потери. На другом берегу бригада втянулась в лес и вошла в прорыв. Здесь немецкая авиация заметила ее походные колонны и бомбила их. Ночевала бригада в лесу, под открытым небом, в 40-градусный мороз. Утром 15 января она пошла в наступление, но внезапного удара не получилось, т.к. противник обнаружил ее еще накануне. К тому же немцы забросили в тыл бригады группы автоматчиков, которым удалось вызвать кое-где панику. Командир бригады, все офицеры штаба и политотдела отправились в батальоны и восстановили положение. После этого с большим трудом бригада все-таки смогла потеснить противника, однако боевую задачу в полном объеме не выполнила. Бригада оставалась здесь, у деревни Мясной Бор, до прорыва немецкой обороны, в котором участвовала вместе с другими частями фронта. Но командира бригады за потерю управления в бою Военный совет 2-й ударной армии 15 января снял с должности. Вместо него бригаду принял полковник И.Ф.Глазунов⁵⁰.

14 января стрелковые бригады 2-й ударной армии, захватившие накануне небольшие плацдармы, перевели туда свои вторые эшелоны. Наконец-то удалось форсировать Волхов 23-й и 58-й

стрелковым бригадам. 58-я бригада к 4 час. 30 мин. утра 14 января вышла на западный берег Волхова в направлении деревни Ямно. В 23-й бригаде к 13 часам форсировала Волхов рота автоматчиков (СВТ) и часть сил 3-го стрелкового батальона. Они успешно продвигались к деревне Плотишно. За ними перешли на плацдарм другие подразделения бригады⁵¹. Едва они сосредоточились на западном берегу, как 23-я бригада получила приказ командарма взять деревню Ямно, не дожидаясь полного развертывания у деревни соседней 58-й бригады. К 19 часам 14 января 1-й и 3-й отдельные стрелковые батальоны, рота противотанковых ружей, отдельный батальон связи (без одного взвода), два разведвзвода, взвод автоматчиков (СВТ), шесть 76-мм пушек, минометный батальон и саперная рота 23-й бригады заняли позиции рядом с 58-й бригадой и приготовились утром начать атаку⁵².

Тем временем 4-я и 59-я армии продолжали попытки прорвать оборону врага на своих участках. Войска 4-й армии, нацеленные на Любань и Тосно, наступали с плацдармов, захваченных еще в декабре 1941 г., но противник успел закрепиться и атаки оказались неудачны. 59-я армия пыталась форсировать Волхов между позициями 2-й ударной и 4-й армий, но успеха тоже не добилась. Главной причиной этих неудач являлся огромный дефицит снарядов. В 59-й армии имелось

всего 0,25 боекомплекта⁵³. Оставалось рассчитывать на плацдарм 2-й ударной армии и перевести туда соединения и части 59-й армии.

2-я ударная армия с утра 15 января ввела в бой для развития успеха второй эшелон: 22-ю, 53-ю и 59-ю стрелковые бригады. Но на примере 59-й бригады мы уже видели, что эти силы были слишком слабы и не могли обеспечить перелом в нашу пользу. Победа достигалась не превосходством в силах и средствах, а кровью и самоотверженностью воинов 2-й ударной и 52-й армий.

Продолжая наступление, 15 января 305-я и 46-я стрелковые дивизии 52-й армии севернее пристани Муравьи захватили деревню Заполье, завязали бои за деревни Лелявино, Теремец и начали наступление на деревню Тютницы, опорный пункт второго оборонительного рубежа противника⁵⁴. Соседняя 267-я дивизия, преодолев первый рубеж вражеской обороны, 15 января завязала бои за деревню Копцы — важный опорный пункт второй линии обороны на шоссе Новгород-Чудово. Деревню Копцы, как и другие узлы сопротивления, немцы приготовили к круговой обороне. Ее окружали бетонные надолбы против танков, бревенчатые дзоты и бетонные доты с пулеметами, пушками и минометами. Кроме обычных мин, в земле притаились фугасы⁵⁵. Чтобы взломать такую оборону требовалась артиллерия с большим запасом снарядов или сильные удары авиации. Но этими средствами фронт не располагал. Поэтому все атаки Копцев оказались безуспешны. 267-я дивизия перешла к обороне.

305-я стрелковая дивизия сражалась рядом с 846-м полком 267-й дивизии, который вел бои за северную окраину Копцев. 21 января подразделения 305-й с восточного берега реки Питьба продолжали наступление на деревню Тютницы в 1,5 км южнее Копцев. После неудачных атак 305-й дивизии приказали сосредоточиться в лесу северо-восточнее Тютниц у отметки 37,0 и на рассвете 24 января быть в готовности развить прорыв 261-й дивизии, которая опять пыталась ворваться в Копцы, на этот раз вместе с 259-й стрелковой дивизией. Но противник сумел отстоять второй рубеж обороны перед атаками 267-й дивизии и других частей 52-й армии, наступавших на южном фланге плацдарма⁵⁶.

Зато в этот день, 24 января, расширился прорыв первой полосы обороны противника. В 1 час ночи 24 января под ударами 305-й дивизии подразделения 250-й испанской дивизии оставили Теремец и начали отход в западном направлении. В результате вместо взаимодействия с 267-й дивизией, 305-я продолжала бой за деревню Лелявино, а соседняя 46-я дивизия, используя успех

305-й и действуя из-за ее правого фланга, 24 января овладела деревней Тютницы. В брешь, пробитую в первой полосе вражеской обороны 305-й и 46-й стрелковыми дивизиями, командование 52-й армии ввело свой третий эшелон — 25-ю кавалерийскую дивизию. Она вошла в прорыв восточнее деревни Никитино с задачей развить успех стрелковых дивизий прямо на запад, по направлению на Подберезье, Некохово, станцию Татино, Заполье, а далее повернуть южнее и захватить станцию Люболяды. Тем самым 25-я кавдивизия перехватывала в тылу врага железную дорогу Новгород — Батецкая - Ленинград, расположенную параллельно железной дороге Новгород - Чудово - Ленинград, и должна была обеспечить стрелковым частям 52-й армии захват Новгорода. Но до этого пехоте еще предстояло прорвать оборону врага западнее деревни Тютницы, у Копцев и южнее⁵⁷.

Тем временем во 2-й ударной армии 24-я бригада, воевавшая на стыке с 52-й армией, в течение 15 января отбивала вражеские контратаки в районе Горелово-Русса. А на главном рубеже 2-й ударной армии в ночь на 15 января 1-й и 3-й батальоны 23-й бригады ворвались в деревню Ямно и, неся значительные потери, продвигались через деревню на ее западную окраину. Первыми в Ямно ворвались бойцы 1-го батальона Бычков и Меркулов. Они забросали гранатами несколько блиндажей, убили немецкого офицера и захватили его сумку с документами⁵⁸.

Штаб 2-й ударной армии для развития наступления приказал командирам 58-й и 23-й бригад пропустить через их позиции 2-й батальон резервной 53-й бригады. В 12 часов дня 15 января батальон двинулся через боевые порядки бригад, но в этот момент противник предпринял контратаку силою до 500 автоматчиков при поддержке минометов. Вошедший в прорыв батальон 53-й бригады не выдержал внезапного удара и побежал назад, причем увлек за собой бойцов 1-го и 3-го батальонов 23-й бригады. Старший инструктор политотдела 23-й бригады батальонный комиссар А.Д.Герашенко, находясь в боевых порядках, остановил часть бойцов, организовал из них группу и повел ее в бой. Они вновь захватили блиндажи на окраине Ямно. Приказом комфронта Мерецкова 1 февраля 1942 г. А.Д.Герашенко награжден орденом Красного Знамени⁵⁹. В группе Герашенко отличился красноармеец М.Т.Яковлев. Под сильным минометным и пулеметным огнем он забросал гранатами немецкий дзот и, убив 12 немцев, захватил огневую точку, что позволило удержать окраину деревни. Приказом командующего 52-й

армией № 08 от 21 апреля 1942 г.* М.Т.Яковлев награжден за этот бой медалью "За отвагу"⁶⁰.

Упорные бои 15-16 января вела 327-я стрелковая дивизия. В ночь на 16 января она освободила деревни Бор, Костылево, Арефино, Красный Поселок. Брешь в немецкой обороне значительно расширилась. Командование 2-й ударной армии решило воспользоваться этим для ликвидации сопротивления врага в районе Ямно и завершить прорыв на своем участке первой полосы немецкой обороны⁶¹. 16 января командарм Н.К.Клыков распоряжением № 056 приказал командиру 58-й бригады полковнику Ф.М.Жильцову объединить под своим командованием 23-ю, 58-ю и 53-ю бригады (так наз. "южная оперативная группа") и выбить немцев из Ямно. Командование армии предоставило Жильцову чрезвычайные полномочия и потребовало виновных в срыве операции расстреливать на месте. Операция планировалась с участием главной силы 2-й ударной армии — 327-й стрелковой дивизии. Ей предстояло наступать в южном направлении навстречу стрелковым бригадам, как бы "сматывая" немецкую оборону вдоль Волхова. В боевом распоряжении штаба армии командиру 327-й дивизии приказывалось: "Противник, оказывая упорное сопротивление на участке 23 и 24 сбр, удерживает западный берег р. Волхов. На участке Ямно, исключительно Коломно фронт противника прорван. 327-й сд одним с/стрелковым/ п/олком/ с ротой танков Т-60, прочно сковывая и прикрывая Бор, Костылево, Арефино, /.../ двумя с/стрелковыми/ п/олками/ с частями усиления ударом по восточной опушке леса западнее населенных пунктов вдоль р. Волхов на юг и юго-запад совместно с 23,24 и 58 стрелковыми бригадами окружить и уничтожить противника в районах совхоза "Красный Ударник", Русса с последующим выходом /на/ Мясной Бор, Любцы. 23,24 и 58 стрелковым бригадам с выходом на рубеж Любцы составить второй эшелон армии /.../ Действия начать с 9.00. 17.01.42 г."⁶².

Пока шли бои за Ямно, саперная рота 23-й бригады за три дня —15-17 января построила через Волхов зимние переправы в районе Ямно-Шевелево. В 14 часов 17 января по этим переправам рота малых танков Т-60 (10 машин) форсировала реку и вышла на восточную окраину Ямно. И хотя глубокий снег и пожары в деревне весьма ограничивали действия легких танков, их прибытие укрепило боевой дух бойцов⁶³. Встречные удары стрелковых бригад и 327-й дивизии начались одновременно. Но наступление дивизии успеха не имело, а стрелковые

бригады одни разгромить врага не смогли, хотя и сковали своими ударами противостоящий 14-й пехотный полк и другие части 126-й пехотной дивизии верхмата.

Упорные бои 2-й ударной и 52-й армий помогли частям 59-й армии форсировать Волхов. Фронт наступления 59-й армии находился меж деревнями Лезно на севере и Дымно на юге, между левым флангом 4-й армии и правым флангом 2-й ударной. 59-й армии временно передали из 4-й армии 111-ю и 288-ю стрелковые дивизии, т.к. они оказались в полосе наступления 59-й армии. Кроме того, командование фронта усилило 59-ю армию тремя танковыми и семью отдельными лыжными батальонами и тремя гвардейскими минометными дивизионами. Главный удар армия наносила

севернее села Грузино силами 372-й, 378-й, 376-й и 111-й стрелковых дивизий в направлении деревень Водосье и Пертечно у шоссе Новгород — Чудово, чтобы обойти Чудово с севера и северо-запада и, отрезав немцам отход, захватить город. В первых боях в 59-й армии отличилась 382-я красноярская стрелковая дивизия полковника Г.П.Сокурова. Она находилась во втором эшелоне армии⁶⁴, однако напряжение боев заставило ввести ее в дело уже 17 января. В 2 часа ночи 17 января она форсировала Волхов. Левый фланг полосы наступления дивизии граничил с полосой наступления 2-й ударной армии и в ходе боев два полка дивизии — 1265-й и 1267-й передали ударной армии для лучшего оперативного руководства при взятии большого села Спасская Полнеть. В распоряжении 59-й армии остался третий по счету стрелковый полк дивизии — 1269-й, его подчинили непосредственно штабу армии и оставили в резерве. А принимавшие участие в боях 1265-й стрелковый полк майора Дормидонтова и 1267-й майора Красуляка освободили поселок совхоза "Большевик" и стали пробиваться к Спасской Полисти⁶⁵.

Наступление Волховского фронта развивалось в целом успешно, но очень медленно, с большими потерями, часто неоправданными из-за низкого тактического уровня командного состава. И вместе с тем наступательный порыв волховцев серьезно встревожил противника. 15 января генерал Ф.Гальдер среди важнейших событий войны отметил продолжение Московского контрнаступления, успешное развитие Ржевско-Вяземской наступательной операции Западного и Калининского фронтов и прорыв Северо-Западного фронта под Старой Руссой. "На Волховском участке, - записал он, — также отмечаются вклинения противника".

Немцы направили на Волхов один полк 218-й пехотной дивизии и начали перебрасывать войска из-под Ленинграда⁶⁶. Причем, одни соединения враг перебрасывал целиком, например, 96-ю пехотную дивизию. Ее перевели из-под Ям-Ижоры к Виняголову против наступавшей 54-й армии. Из других соединений перебрасывались отдельные части. Например, один полк 122-й пехотной дивизии из-под Колпино направили против 2-й ударной армии, остальные полки дивизии оставили на прежних позициях. Некоторые дивизии немцы делили сразу между тремя фронтами: 333-й полк 225-й пехотной дивизии остался под Ленинградом, 337-й полк направили под Любань, а 376-й — против Северо-Западного фронта. Делалось это с целью ввести в заблуждение советское командование в вопросе о составе и группировке германских войск. Но советская разведка быстро разобралась с истинным положением дел⁶⁷.

Наступление Волховского фронта и 54-й армии заставило германское командование отложить намеченный штурм Ленинграда. 16 января Ф.Гальдер записал: "Тяжелые бои под Волоколамском и на Волхове, где противник наступает на удивительно узком участке фронта". Гитлер забеспокоился. 16 января он заменил фельдмаршала фон Лееба на посту командующего группой армий "Север" генерал-полковником фон Кюхлером (принял командование 17 января), а начальника штаба группы генерала Бреннеке заменил на Хассе⁶⁸.

В советской ставке недовольство вызывали медленные темпы наступления. 17 января маршал А.М.Василевский в переговорах из Москвы с Военным советом Волховского фронта категорически настаивал: "Учитывая исключительно тяжелое положение в Ленинграде, необходимо принять все меры к быстрейшему продвижению вперед". Ставка была весьма обеспокоена тем, что пока 2-я ударная и 52-я армии в тяжелых боях прогрызали немецкую оборону, 4-я и 59-я армии продвижения совсем не имели. Стало ясно, что атаки всего правого крыла Волховского фронта перспективными считать нельзя. К тому же, соседняя с ним 54-я армия Ленинградского фронта израсходовала боеприпасы и 17 января прекратила крупные боевые действия. Она остановилась на рубеже гора Пушечная, Лодва, станция Малукса, станция Погостье, Посадников Остров, поселок Новые Кириши и прорвать вражескую оборону не смогла. С разрешения Ставки Волховский фронт сконцентрировал усилия на центральном участке в полосе наступления 2-й ударной армии. 52-й и 59-й армиям вместо решения самостоятельных задач предстояло расширять прорыв и обеспечивать фланги 2-й

ударной армии. Поэтому 59-я армия передала 4-й армии северный фланг своих позиций (Завижа, Выя), а сама переместилась ближе к району села Спасская Полнь, где вскоре приняла от 2-й ударной армии участок Крупичино, Коломно. По новому плану тесная группировка трех армий должна была после прорыва вражеской обороны обойти с тыла укрепления врага на Волхове и прорываться вдоль них на 80 км севернее, к Любани, а затем вместо фронтальных атак ударами с фланга и тыла уничтожить волховские рубежи немцев. В случае успеха создавалась возможность решать основные задачи операции, имея надежный тыл на обширном плацдарме. Планируя

В марте-мае 1942 г. 23-я отд. стрелк. бр. входила в состав 52-й армии, затем вернулась в состав 2-й уд. армии.

наступление на Любань, командование фронта рассчитывало главным образом не на 2-ю ударную армию, сил которой было явно недостаточно, а на новую, обещанную Ставкой общевойсковую армию⁶⁹.

А тем временем волховцы продолжали настойчивые атаки. "Положение на Волховском фронте очень напряженное", — отметил в "Дневнике" генерал Ф.Гальдер 18 января⁷⁰. Для развития наступления К.А.Мерецков приказал создать новую оперативную группу ("северную"). В нее включили 327-ю стрелковую дивизию с 44-м лыжным батальоном и 59-ю стрелковую бригаду с 39-м и 43-м лыжными батальонами из 2-й ударной армии и 382-ю стрелковую дивизию с 40-м лыжным батальоном из 59-й армии. Командовать группой поручили генерал-майору И.Т.Коровникову. Группе поставили задачу прорвать вторую полосу вражеской обороны и к 15 часам 19-го января выйти на рубеж реки Полисть в 3-4 км северо-западнее шоссе Ногород-Чудово, завершив тем самым прорыв второй полосы, затем к исходу 20 января пробиться к реке Кереть и взять деревни Сенная Кереть и Ольховка⁷¹. От шоссе до Ольховки примерно 12 км. Значит, группа должна была не только прорвать вражескую оборону, но и глубоко вклиниться в расположение противника. Командование фронта, как видим, было уверено в успехе, если ставило перед стрелковыми частями такую задачу без соответствующих средств усиления. А ведь прорывать вражеские позиции предстояло у Спасской Полисти, где противник оборудовал сильный узел обороны. На что же надеялся Мерецков? Объяснение может быть лишь одно: сроки назначала Ставка без учета реальных возможностей, полагаясь на исполнительность и выносливость российских воинов.

Готовясь к новому этапу операции, командование фронта усилило 2-ю ударную армию 366-й томской стрелковой дивизией полковника С.И.Буланова. Ночью 19 января штаб 2-й ударной армии приказом № 07 распорядился начать наступление дивизии на рассвете 19 января. Наступать надо было вдоль восточной опушки леса западнее Арефино и Красного Поселка, чтобы вместе с 23-й, 24-й и 58-й стрелковыми бригадами уничтожить врага в районе деревни Борисово и полностью ликвидировать Ямно-Борисовский узел сопротивления. Затем дивизии предстояло наступать на вторую линию немецкой обороны у Мясного Бора. Получив приказ, дивизия приступила к форсированию Волхова и в 6 часов 30 минут утра 19 января одним полком уже вступила в бой на западном берегу. Развертываясь на плацдарме, 1222-й стрелковый полк очищал от врага лес западнее Ямно для дальнейших действий по восточной опушке в сторону Мясного Бора. На других направлениях полк вел активную разведку⁷². От успешных действий дивизии во многом зависел успех фронта, поэтому К.А.Мерецков решил усилить ее танками, перебросив на плацдарм тринадцать средних танков Т-34 и девятнадцать легких танков Т-60 из 160-го и 162-го отдельных танковых батальонов⁷³.

К 11 часам утра 20 января под ударами наших войск противник, опасаясь окружения, оставил Ямно. После этого 1-й и 3-й батальоны 23-й стрелковой бригады вместе с десятью приданными ранее танками Т-60 двинулись к деревне Борисово, а 2-й батальон атакой с востока занял деревню Плотишно севернее Борисова. В бою за Плотишино погиб всего один воин бригады и трое получили ранения. К концу дня 20 января подразделения бригады захватили Борисово и вышли на дорогу, соединявшую прибрежный совхоз "Красный Ударник" и деревню Мясной Бор — опорный пункт второго рубежа немецкой обороны⁷⁴.

Позиции у Ямно 23-я бригада передала 58-й бригаде, которая в свою очередь двинулась в северном направлении и начала окружать немцев в "Красном Ударнике". Одновременно в 17 часов 30 минут 20 января 327-я дивизия вместе с 57-й бригадой полковника П.М.Веденичева освободила деревню Коломно, где находился штаб 14-го немецкого пехотного полка. В районе Коломно — Красный Поселок противник потерял до тысячи человек убитыми. 327-я дивизия захватила 19 орудий, 50 минометов, 82 пулемета, 200 автоматов, 4 радиостанции⁷⁵.

К 20 января плацдарм расширился до 25 км по фронту и около 5 км в глубину. На плацдарм перешла 59-я армия. Вместе со 2-й ударной она развернула

наступление на участке Мясной Бор — Спасская Полисть. 19 января 111-я дивизия С.В.Рогинского из 59-й армии вместе с 22-й стрелковой бригадой подполковника Р.К.Пугачева из 2-й ударной армии взяли деревню Мостки, важный опорный пункт немцев на шоссе Новгород — Чудово. Левее Мостков наступала 191-я стрелковая дивизия генерал-майора Т.Н.Лебедева, которую передали во 2-ю ударную из состава 4-й армии. Она захватила деревню Любино Поле в 2 км севернее Мясного Бора⁷⁶. Другие соединения и части

продвинуться не смогли. Командование фронта решило сосредоточить усилия на развитии успеха в районе Мостков. К Мосткам и Мясному Бору стянули всю артиллерию 2-й ударной армии и артиллерийские средства фронтового подчинения, но снарядов не хватало. Командарм Н.К.Клыков приказал взять снаряды из неприкосновенного запаса армии⁷⁷. Противник тоже перебросил к этому участку дополнительные орудия и минометы, но в большем числе и с гораздо большим запасом снарядов и мин. Кроме того, германское командование усилило здесь оборону взятыми из резерва частями 254-й пехотной и 20-й мотопехотной дивизий (группа "Яшке") и перенацелило сюда авиацию⁷⁸. В свою очередь всемерно старалась поддержать наши войска авиация Волховского фронта. 1500 вылетов совершили летчики только за первую половину января, но господство в воздухе оставалось у противника⁷⁹.

Командующий фронтом К.А.Мерецков 20 января изменил состав оперативной группы генерал-майора И.Т.Коровникова. Теперь в группу включили три стрелковых дивизии из 52-й армии и 4-ю гвардейскую стрелковую дивизию из 4-й армии. Эти соединения дрались рядом со 2-й ударной армией. Состав группы в дальнейшем продолжал меняться, но главная ее задача оставалась неизменной: наступать на правом фланге 2-й ударной, ликвидировать крупный узел вражеской обороны в селе Спасская Полисть и через Апраксин Бор выйти к Любани, отрезав возможность отхода чудовской группировке немцев.

Ожесточение боев нарастало. Противник не только упорно оборонялся, но и предпринял контратаку силами двух пехотных полков с танками и артиллерией, чтобы одновременно с двух направлений срезать наступающий клин 2-й ударной армии у Мясного Бора. С юга атака велась от села Подберезье на Мясной Бор, с севера - от села Трегубово и Спасской Полисти на Коломно-Костылево. Коломно нашим войскам удержать не удалось, немцы захватили деревню и подошли к Костылеву. Для ликвидации прорыва командарм Клыков снова ввел в бой из

резерва 22-ю стрелковую бригаду и оказал ей помощь гвардейскими минометами. Два залпа реактивных снарядов из-за Волхова и контрудар бригады отбросили немцев⁸⁰.

Несколько раз 2-я ударная прорывала немецкие позиции севернее Мясного Бора, но откатывалась назад из-за недостатка снарядов и сильного воздействия вражеской авиации⁸¹. Кроме того, нашим войскам не хватало танков, а те, что имелись на плацдарме, были в основном легкие типа "БТ" или Т-60, которые не имели достаточной проходимости и вязли в сугробах.

21 января 366-я дивизия, продолжая бои, вышла одним батальоном 1222-го стрелкового полка к освобожденной накануне деревне Борисово, а другим батальоном — на дорогу совхоз "Красный Ударник" — деревня Мясной Бор, чтобы занять позиции для наступления к шоссе вдоль дороги. Противник пытался освободить дорогу, но 1222-й полк отразил врага и в ночь с 21 на 22 января перешел в решительное наступление на Мясной Бор. Рядом с ним пробивался второй стрелковый полк дивизии — 1220-й⁸². В 1 час ночи 22 января на одном из промежуточных рубежей у отметки 0,6 неприятель еще раз пытался остановить бойцов 1222-го полка. Немцы подбросили сюда подкрепление на трех грузовиках, но красноармейцы опрокинули врага и устремились к шоссе. Видя успех 366-й дивизии, командарм Н.К.Клыков официально приказал ее комдиву С.И.Буланову овладеть Мясным Бором и соседним селением Теремец-Курляндский и прорвать на этом участке второй рубеж вражеской обороны. Тем же приказом 23-й, 24-й и 58-й стрелковым бригадам предписывалось захватить деревню Любцы, которая находилась на шоссе в 2,5 км южнее Мясного Бора.

Но в тылу наших войск еще оставался немецкий гарнизон в совхозе "Красный Ударник". 22 января в 6 часов утра 23-я бригада атаковала совхоз с запада, со стороны дороги, и вместе с наступавшими отдельными подразделениями 24-й и 58-й бригад бойцы 23-й бригады захватили совхозный поселок. Затем 1-й и 2-й батальоны 23-й бригады к 11 часам выбили врага из соседней деревни Лобково⁸⁴. Теперь Ямно-Борисовский узел сопротивления гитлеровцев был полностью ликвидирован.

В боях за плацдарм проявили героизм многие воины 2-й ударной армии. Только в 23-й стрелковой бригаде представили к награждению около 600 чел. Из них получили награды 67 человек, в том числе пятерых воинов наградили орденом Красного Знамени. Среди награжденных орденом красноармейцы М.И.Мурза и

А.П.Анинекий. Связист отдельного батальона связи М.И.Мурза в бою за Ямно ночью протянул телефонный кабель через Волхов к наблюдательному пункту бригады. На рассвете сильный минометный огонь нарушил связь и Мурза отправился

устранять обрыв. Сращивая кабель в снегу под огнем, он был ранен в ногу, но продолжал боевую работу. Не остановило его и второе ранение — отважный воин выполнил боевой приказ. Третье ранение он получил, возвращаясь с задания. Боец 2-го стрелкового батальона 23-й бригады А.П.Анинекий отличился в бою за Ямно: принял после гибели командира командование на себя и дважды водил роту в атаку, обеспечив выполнение боевой задачи⁸⁵.

366-я стрелковая дивизия, преодолевая минные поля и траншеи противника, пробивалась ко второй линии вражеской обороны. 22 января в 12 часов 20 минут ее 1222-й стрелковый полк прорвался к Мясному Бору. Морозы временно пошли на убыль и температура воздуха 22 января повысилась до — 18°⁸⁶. Шел густой снег. Неприятель воспользовался снегопадом и подбросил из фронтового тыла к Мясному Бору подкрепление — около батальона пехоты и танки.

В атаку на деревню двинулся 1-й батальон 1222-го полка. Комбат лейтенант Кагарницкий рассчитывал подойти незаметно, используя для укрытия сугробы. Однако немцы обнаружили красноармейцев и открыли с чердаков пулеметный огонь. Командир полка полковник П.Г.Клюнников приказал подтянуть полковые 76-мм пушки и уничтожить пулеметные гнезда. После работы артиллеристов пехота снова поднялась в атаку. Но когда до первых домов оставалось около 50 метров, навстречу вышли два легких танка противника. Расчеты противотанковых ружей подожгли один танк, второму перебили гусеницу, он завертелся на месте. Бойцы с криком "ура!" ворвались в деревню, но тут из-за угла сгоревшего дома выполз третий танк. Помощник начальника штаба полка лейтенант Кузьмин не растерялся и подбил его гранатами. Командование дивизии отметило Кузьмина медалью "За отвагу".

С южной окраины деревни немцы предприняли контратаку. 2-й и 3-й батальоны полка отразили ее минометным огнем⁸⁷. Продвигаясь вперед, полк преодолел шоссе, захватил железнодорожную станцию Мясной Бор и западнее станции — селение Теремец-Курляндский. В ночь на 24 января главная полоса немецкой обороны была прорвана. На станции у водокачки наши бойцы увидели

неповрежденный паровоз. Открытый семафор символично указывал направление на север, к Чудову и Ленинграду⁸⁸.

Форсирование Волхова и прорыв у Мясного Бора означали несомненный успех в выполнении плана Ставки. Но Волховский фронт понес большие потери, вторые эшелоны были израсходованы, танков и снарядов почти не осталось⁸⁹. Свирепые морозы измотали людей, разводить костры запрещалось по условиям маскировки, из-за этого в 23-й бригаде с 7 по 26 января произошло 202 обморожения. Усталые люди падали в снег и замерзали. Только в 59-й бригаде в ночь после форсирования Волхова отмечено более десяти таких случаев⁹⁰. Ленинградский фронт (если не считать 54-й армии) по-прежнему не мог начать встречное наступление и это позволяло немцам маневрировать силами и резервами. Генерал Ф.Гальдер 24 января записал в "Дневнике": "Противник наносит удар на направлении, куда мы подтягиваем силы. В противном случае мы не смогли бы удержать фронт у Ленинграда"⁹¹.

На других фронтах в конце января 1942 г. Красная Армия успешно наступала от Старой Руссы до Крыма. На многих направлениях немецкие позиции были прорваны на значительную глубину. Но развить успех Красная Армия нигде не смогла, ее наличных сил не хватило, резервы оказались израсходованы. С начала февраля обстановка постепенно начала меняться в пользу противника. Первый сигнал тревоги прозвучал с Западного фронта, где в сторону Вязьмы протянулся узкий клин наступления 33-й армии. В ночь со 2 на 3 февраля германские войска ударили под основание клина и окружили четыре дивизии во главе с командармом М.Г.Ефремовым. Окруженные сражались до середины апреля, когда командовавший фронтом Г.КЖуков наконец-то отдал приказ о прорыве. Однако встречного удара фронт не нанес, а пробиться самостоятельно ефремовцы уже не могли. Почти все они погибли в боях, в плен попали немногие. Генерал-лейтенант М.Г.Ефремов застрелился. Так был открыт трагический список неудачных операций 1942 г., которые проводились по плану И.В.Сталина. Воинов Волховского фронта тоже ждали нелегкие испытания, но в начале февраля судьба еще оставалась к ним благосклонна.

На оси замерзает компас -Ногтем в стеклышко барабань! Прорубается конный корпус Из-под Вишеры на Любань. П.Н.Шубин. "Снег идет".

Когда войска 2-й ударной армии с боями преодолели шоссе и железную дорогу у деревни Мясной Бор, перед ними оказался густой, дремучий лес. Местные жители называли его также, как и деревню — Мясной Бор. В глубине леса стояли могучие сосны. Теперь их нет, они погибли в войну. Но в свое время они послужили основой для названия местности и деревни. Ведь слово "бор" очень древнее, в славянских языках оно значит "сосна", а слово "сосна" пришло в русский язык гораздо позже, из финно-угорской языковой группы, однако быстро прижилось и даже вытеснило предшественника. Словосочетание "Мясной Бор" гораздо ближе к нашему времени. Его происхождение уходит в XIX в. Тогда здесь располагалась база для скота, который гнали в Петербург. Вскоре рядом с базой возникла деревня Мясной Бор. В 1941 г. она состояла из 38 дворов. В 1 км южнее деревни находились хутора и латышское селение Теремец-Курляндский. Их основали переселенцы из Прибалтики в 1878 г. В те времена название латышской деревни произносилось в женском роде: Теремец-Курляндская¹.

В лес за хуторами вела дорога. Она начиналась у самого шоссе и шла за Теремец-Курляндский, мимо мельницы, а затем по просеке через весь Мясной Бор, площадь которого 8х 10 км. И чем дальше уходила в лес дорога, тем выше становился рельеф местности и тем на удивление обширнее делались болота, которые располагаются здесь даже на возвышенных участках рядом с сухими местами, поросшими старым лесом.

Вдоль этой дороги и начала стремительно продвигаться на северо-запад 2-я ударная армия. Сбивая заслоны в редких деревнях, уничтожая крупные гарнизоны противника, она за пять дней прорвалась более чем на 40 км. Первой в прорыв ввели 59-ю стрелковую бригаду, но вскоре у деревни Горки ее обогнал 13-й конный корпус генерал-майора Н.И.Гусева. В ночь на 25 января корпус передали из резерва фронта во 2-ю ударную армию и он стал ее главной силой. 59-ю бригаду оперативно подчинили корпусу. Таким образом в составе армии возникла ударная группа, которая шла впереди армии². Непосредственную поддержку группе оказывали лыжные батальоны и четыре стрелковые бригады (23-я, 25-я, 53-я и 57-я), а также другие части армии. Они закрепляли достигнутые рубежи и вели бои за расширение прорыва. "Глубокие обходы по снежной целине, — писал К.А.Мерецков, — сильно изнуряли людей и снижали темпы наступления. Тогда я приказал ввести в прорыв вслед за 13-м корпусом

соединения 2-й ударной армии, чтобы они сменили кавалерийские части на фланговых направлениях и высвободили их для развития наступления непосредственно на Любань"3.

Наступление развивалось успешно. 27 января генерал Ф.Гальдер отметил в "Дневнике": "На фронте группы армий "Север" противник добился тактического успеха на Волхове". 28 января Ф.Гальдер снова выделил среди других событий "успешные действия противника у Волхова". 30 января он с тревогой записал: "Чрезвычайно напряженная обстановка на волховском участке", а 31 января был вынужден констатировать, что "на севере, в районе Волхова, обстановка еще более обострилась. Наши контратаки будут продолжены завтра"4. Но немецкие контратаки не могли сдержать боевой напор наших воинов.

Командование Волховского фронта и 2-й ударной армии, организуя наступление, уделяли большое внимание обеспечению коммуникаций, проходивших через узкий коридор в Мясном Бору и старались расширить горловину прорыва. 24 января командарм Н.К.Клыков в 8 час. 30 мин. утра приказал группе Ф.М.Жильцова (23-я, 24-я и 58-я осбр) войти в прорыв и, действуя из немецкого тыла, захватить у основания коридора, на его левом фланге, деревню Любцы, превращенную оккупантами в сильный опорный пункт. Овладев деревней, группа Жильцова должна была передать свои позиции 52-й армии и следовать в распоряжение Н.К.Клыкова. 23-я бригада заняла исходные позиции в 800 м северо-восточнее и восточнее Любцев, 24-я бригада — восточнее и юго-восточнее. 53-я бригада находилась в резерве. Ночь красноармейцы провели, зарывшись в снег под открытым

небом, в сильный мороз — температура воздуха опять опустилась и дошла до — 34°. Утром 25 января стрелковые бригады атаковали Любцы. Снарядов для артподготовки было выделено очень мало, систему обороны противника никто не знал, поэтому наши артиллеристы не смогли подавить немецкие огневые точки, атака Любцев захлебнулась. 26 января командарм Н.К.Клыков приказал бригадам выделить часть сил на прикрытие Теремца-Курляндского и Мясного Бора, сменить там 366-ю дивизию и занять круговую оборону, чтобы закрепить южный фланг коридора5. При этом за бригадами сохранялась еще и прежняя задача - овладеть Любцами. Однако ее выполнение затруднялось большими потерями, которые понесли бригады в предшествовавших боях. Только 23-я бригада с 7 по 26 января потеряла убитыми 399 чел. и ранеными 886 чел., не считая 202 обмороженных и

318 пропавших без вести (подсчитано ветераном 23-й бригады М.М.Агаповым по материалам ЦАМО РФ). Большое число пропавших без вести объясняется тем, что значительную часть из них составляли раненые, эвакуированные в тыл, минуя медсанроту бригады и потому не попавшие в соответствующие списки.

27 января Н.К.Клыков приказал 23-й и 58-й бригадам изменить направление главного удара и наступать в южном и юго-западном направлениях на д.Земтицы и Земтицкие хутора (Земтицы северные). Деревня Земтицы находилась в 1,5 км западнее Любцев на дороге Некохово-Мясной Бор, а Земтицкие хутора располагались в 1 км севернее Земтиц, на западной стороне той же дороги и граничили с Теремецкими хуторами. Вместе с тремя бригадами по-прежнему взаимодействовали 44-й отдельный лыжный батальон, 561-й артполк РК и группа танков КВ. После захвата Земтиц и Земтицких хуторов 23-я и 58-я бригады получали возможность ударить по Любцам с запада, со стороны немецкого тыла, а 24-я бригада в соответствии с новым планом наступала на Любцы с востока. Н.К.Клыков приказал начать атаку Земтиц в 8 часов утра 28 января.

Перед наступлением и.о. командира взвода старший сержант А.И.Малеванный и помощник командира взвода отдельной разведроты 23-й бригады старший сержант А.Г.Шмалько получили задачу выявить систему огня и расположение огневых точек противника. Во главе отделения разведчиков они под огнем врага выполнили приказ и добыли необходимые сведения. По указанным ими целям открыл огонь 1-й дивизион 561-го артполка. Но едва после артиллерийской подготовки бойцы поднялись в атаку, противник вызвал авиацию. Группы по 5-10 самолетов непрерывно бомбили и штурмовали атакующие войска. И все же к 18 часам 28 января 2-й батальон 23-й бригады овладел Земтицкими хуторами⁷.

В бою за Земтицы минометный взвод лейтенанта П.Н.Черникова подавил 11 огневых точек, а когда был ранен пулеметчик, Черников заменил его и огнем станкового пулемета уничтожил около 20 немцев. За проявленную отвагу А.И.Малеванному, А.Г.Шмалько, П.Н.Черникову и другим героям боев за Земтицы командование фронта вручило боевые медали.

С утра 29 января 1-й и 2-й батальоны 23-й бригады атаковали саму деревню Земтицы, но были остановлены сильным минометным огнем⁸. В бою на нашей стороне участвовали восемь немецких 105 мм гаубиц. Красноармейцы обнаружили их у Теремца-Курляндского. Снарядов к ним оказалось 2000. Немцы при отступлении привели в негодность замки и панорамы орудий, но орудийный

мастер 23-й бригады старший сержант Макеев за одну ночь исправил три гаубицы. Утром 29 января орудийный расчет в составе командира орудия Склера, наводчика Степанца и замкового Короткого открыл из трофейных орудий огонь по немцам. Снарядов не жалели: в первый день выпустили 200 штук, на следующий день - 300, а 31 января - еще 200 снарядов. Вскоре мастер Макеев подчинил еще три немецких гаубицы и они тоже приняли участие в боях⁹. Помимо перечисленных трофеев, 23-я бригада захватила с 13 по 26 января еще 9 вражеских 75 и 37 мм пушек, 10 тыс. снарядов к ним, 12 ручных и один станковый пулемет.

Овладеть Земтицами все же не удалось из-за сильного огневого превосходства противника и больших потерь. Бригады остро нуждались в пополнении. Приказами по армии от 30 января — 1 февраля 1942 г. 23-й бригаде в качестве средства усиления передали три лыжных батальона (48-й, 50-й и 95-й), но в распоряжение бригады они поступили позже, т.к. несколько дней доукомплектовывались лошадьми и материальной частью в Плотишно, Борисове и "Красном Ударнике". 4 февраля распоряжением Н.К.Клыкова № 0016 22-ю, 23-ю и 58-ю бригады направили в прорыв для обеспечения флангов наступавших соединений. 24-я бригада осталась у Любцев. Севернее, в лесу Мясной Бор, сражалась за расширение коридора 53-я бригада. Вскоре 53-я, а вместе с нею 25-я и 57-я бригады в свою очередь вошли в прорыв и заняли позиции на флангах кавкорпуса: 25-я бригада на левом фланге, 53-я и 57-я — на правом, за 22-й бригадой.

Стрелковые бригады и лыжников ввели в прорыв по просьбе комкора Н.И.Гусева. Он понимал, что лыжники незаменимы при наступлении в условиях зимнего бездорожья. Лыжные батальоны поступали на Волховский фронт из Уральского военного округа, из Челябинска. В батальон входило 578 чел. Их отбирали из коммунистов, комсомольцев и спортсменов-лыжников. К.А.Мерецков с пониманием отнесся к просьбе Н.И.Гусева и 25 января приказал командарму Н.К. Клыкову: "Поскольку сейчас введено и будет вводиться несколько лыжных батальонов, командующий фронтом считает возможным согласиться с просьбой Гусева, с тем, чтобы с нашей стороны были все меры для скорейшего ввода в прорыв стрелковых бригад с лыжными батальонами. Одновременно сообщая для сведения, что кроме 11 лыжных батальонов, уже переданных в Ваше распоряжение, Вам будет направлено еще 6 лыжных батальонов. Мы считаем, что

за счет поступивших и Ваших 11 лыжных батальонов укомплектованы 57-я, 59-я, 23-я и 58-я бригады"10. Из текста приказа следует, что слабая огневая мощь стрелковых бригад и большие потери заставили командование фронта рассматривать лыжные батальоны не только как мобильные подразделения, но и в качестве обычных маршевых пополнений для наступавших частей.

А между тем условия развития удара в глубину вражеской обороны были далеко не благоприятны. Общая ширина плацдарма на Волхове достигала 25 км, но ширина прорыва у Мясного Бора составляла всего 3-4 км. Неприятель мог перекрыть горловину и тогда в западню попадала целая армия. Вот что писал КА.Мерецков: "К этому участку, простреливаемому всеми видами огня, нами подтягивались основные силы фронта: войска 2-й ударной армии и часть соединений 59-й и 52-й армий. Они нацеливались на расширение прорыва в стороны флангов и на развитие наступления на Любань, до которой надо было пройти еще около 80 километров.

Принимая решение на перенесение усилий к району прорыва, — продолжал Мерецков, — командование фронта опять исходило из того, что скоро придет обещанная общевойсковая армия. Поэтому задача по расширению прорыва обороны противника решалась одновременно с задачей по развитию наступления в глубину. Но армию мы не получили. Своих же сил для одновременного решения этих двух задач фронту не хватало. Я известил об этом Ставку, однако она не внесла исправлений в план операции"11.

Таким образом, из воспоминаний Мерецкова следует, что ввести 2-ю ударную армию в узкий коридор прорыва приказала Ставка, т.е. Верховный Главнокомандующий Сталин. Значит, на Сталине лежит большая доля ответственности за весь ход операции. Но, с другой стороны, кто же тогда мог представить, что две советские армии окажутся неспособны отобрать у немцев десяток деревень по обе стороны Мясного Бора? Сомнения здесь исключались и Мерецков был обязан выполнить приказ.

Снабжение Волховского фронта боеприпасами и продовольствием по-прежнему оставляло желать лучшего. Общая скудость снабжения дополнялась частыми срывами графика перевозок. Военный совет фронта неоднократно жаловался в Ставку. Там обещали разобраться, но положение не менялось. И лишь после прорыва вражеской обороны у Мясного Бора Ставка вняла мольбам волховцев и прислала к ним заместителя наркома обороны, главного интенданта РККА

генерала А.В.Хрулева. 28 января он приехал в штаб фронта, который располагался в городе Малая Вишера. Хрулев помог наладить регулярное снабжение. Кроме того, фронт получил автотранспортные и дорожные части. Обеспеченность войск на плацдарме значительно улучшилась¹². Но произошло это позже, а до февраля машин не хватало даже для медсанбатов. 25 января ведущий хирург Волховского фронта А.А.Вишневский, сын известного врача-анестезиолога, изобретателя знаменитой мази А.В.Вишневского, записал в дневнике: "Приезжаем в Большое Вязьмище. Здесь развернулся медсанбат 460. У них неприглядная картина: нет автотранспорта, эвакуировать не на чем. В перевязочной всего один стол. Говорят, что работать начали всего 2 дня назад, а до этого шли пешком через всю Вологодскую область". По-прежнему донимали людей сильные морозы. В тот же день, 25 января, А.А.Вишневский выезжал на плацдарм, где посетил медсанбат № 468. Вот еще строки из его дневника: "Холод дикий. На дороге стоит человек на коленях. Он тихо склоняется и падает, видимо, замерзает. А в десяти минутах ходьбы развернут медсанбат. Мы с шофером подхватили замерзающего под руки и отвели туда/.../ Раненых с фронта везут на лошадях.

Лошади по дороге останавливаются, иногда падают. Одеял нет, раненые укрыты шинелями, в лучшем случае — одним одеялом". Замерзли не только наши воины, замерзли немецкие снайперы-"кукушки", А.А.Вишневский писал, что их находили мертвыми на деревьях¹³. И все-таки противнику было легче. Он предпочитал вести огонь из теплых блиндажей и землянок. В траншеи немцы выходили редко, только при отражении большой атаки, когда пулеметного огня из блиндажей оказывалось недостаточно.

В начале февраля 59-я бригада и 43-й лыжный батальон, продвигаясь на северо-запад, с боями взяли деревни Финев Луг, Радофинниково, Горка. 6 февраля освободили деревню Дубовик, где бригада уничтожила карательную роту эстонских айсаргов, командир роты был взят в плен и расстрелян. В Дубовике бригада получила небольшой отдых. Здесь к ней присоединились 169-й, 170-й и 171-й отдельные лыжные батальоны. В дальнейшем, когда почти весь личный состав батальонов погиб, их остатки в апреле 1942 г. влились в состав бригады.

После боев за Дубовик 59-я бригада по единственной дороге, которая тянулась через лес на 15 км, подошла к деревням Большое и Малое Еглино. На опушке леса противник остановил бригаду сильным огнем. Правее деревень находилась

железная дорога Новгород — Батецкая — Ленинград. Разъезд Еглинка явился северной точкой этой дороги, перерезанной вскоре частями ударной армии на протяжении более 40 км, от Еглинки до района деревни Гаренка на юге. Вдоль линии железной дороги немцы оборудовали тыловой рубеж. Преодолеть его сходу бригада не смогла, так как артиллерия и тылы отстали. За те несколько дней, что бригада ждала отставшие подразделения, противник успел лучше подготовиться, но зато бригада получила пополнение — два маршевых батальона уральских лыжников. К сожалению, прибыли они почти без оружия и времени на подготовку их к наступлению было крайне мало. Наступление началось утром 10 февраля. Правее 59-й бригады наносили удар части 13-го кавкорпуса, левее — 25-я бригада. Атакующим предстояло преодолеть большое открытое пространство и потери могли быть велики. Чтобы свести их к минимуму, командование 59-й бригады объединило остатки своих стрелковых подразделений в один батальон, собрало для него имевшиеся в бригаде автоматы и направило этот сводный батальон через лес в обход деревни Большое Еглино. Он атаковал врага с фланга и тыла, одновременно уральские лыжники ударили с фронта. Противник бежал из Большого Еглина, опасаясь окружения. Бригаде досталось много трофеев, в том числе склады с продовольствием и штабной автобус. При осмотре деревни стало ясно, что не только бригада, но и враг понес большие потери, причем еще при первых штурмах: бойцы бригады обнаружили в подвалах домов и на огородах большое количество немецких трупов, собранных до будущего погребения в аккуратные штабели.

После взятия Большого Еглина бригада, опять создав угрозу окружения, вынудила противника оставить Малое Еглино и железнодорожный разъезд. Но за разъездом неприятель смог удержать железнодорожный мост-виадук и не пустил бригаду дальше на север. Тогда она перешла к преследованию врага, отходившего на запад, но у деревни Каменка встретила новый оборонительный рубеж, сооруженный в насыпи недостроенной железной дороги Чудово — Веймарн. Наши бойцы захватили несколько огневых точек, однако силы бригады были уже исчерпаны и наступление остановилось. Противник предпринял контратаку силою до роты с тремя танками "Рено-35". Наши пулеметчики отсекали вражескую пехоту от танков, но три "Рено" ворвались в Большое Еглино. Здесь их встретил расчет противотанковой 45-мм пушки старшего сержанта Жукова.

Танки "Рено" достались немцам в 1940 г. при оккупации Франции. В нашей армии знали, что это устаревший легкий танк с экипажем из двух человек, весьма тихоходный (19 км/час). Вооружен 37-мм пушкой, к которой имелось 58 снарядов и пулеметом с запасом в 2500 патронов. Было известно, что броня "Рено"(лобовая — 32 мм, бортовая — 40 мм, башенная — 45 мм) доступна для советских танковых и противотанковых пушек. Однако здесь случилось непредвиденное. Снаряды нашей пушки попадали в танк, но отскакивали рикошетом. Впоследствии оказалось, что "Рено" дополнительно экранированы броней и снаряды "сорокопятки" пробить ее не могут.

Трудно представить, какие чувства испытали артиллеристы сержанта Жукова, когда им стала ясна неуязвимость танка. А танк полз прямо на них. Еще оставалась возможность отбежать в сторону, залечь в укрытие, но артиллеристы стреляли до конца, пока танк не смял орудие вместе с расчетом... Другим бойцам все же удалось подбить один танк и тогда остальные "Рено" уползли прочь. После боя командир и комиссар бригады написали на артиллеристов Жукова посмертные представления к наградам, а на командира орудия - к званию Героя Советского Союза. Командование фронта такую оценку сочло завышенной и посмертно наградило Жукова орденом Ленина. Бои за Еглино продолжались до начала марта. Затем 59-я бригада занимала здесь оборону до общего отхода армии 25 мая¹⁴.

13-й кавалерийский корпус состоял из двух кавалерийских дивизий — 25-й подполковника Д.М.Барина и 87-й полковника В.Ф.Трантина и 366-й стрелковой дивизии. Ее передали в корпус из состава 59-й армии, т.к. одной кавалерии в лесу воевать трудно. В лесных условиях и самим конникам приходилось сражаться в пешем строю. Действиям корпуса мешали не только природные условия. В.Н.Соколов, бывший помощник начальника 4-го, строевого отдела штаба корпуса, рассказывает, что "очень скоро стал ощущаться недостаток фуража, сена взять негде - все, что было раньше в колхозах, отобрано немцами /.../. День ото дня увеличивались потери конного поголовья как боевые, так и от скудного питания"¹⁵.

Сначала все части корпуса двигались строго на северо-запад. 26 января 98-й кавполк 25-й кавалерийской дивизии с ходу захватил деревню Новая Кереть в 14 км от Мясного Бора. Вечером того же дня полк ушел в морозную ночь, чтобы преследовать врага, не дать ему закрепиться на тыловом рубеже у платформы Глухая Кереть и станции Рогавка на железной дороге Новгород — Батецкая —

Ленинград. Ранним утром саперы 98-го полка взорвали рельсовый путь южнее платформы Глухая Кересть, а 1-й эскадрон полка захватил деревню Чауни в 3 км юго-западнее платформы. К 14 часам 23-я бригада вместе с 48-м и 50-м лыжными батальонами при содействии кавалеристов овладела Глухой Керестью, причем захватила несколько минометов, 6 ручных пулеметов, 6 мотоциклов, 10 повозок с разным имуществом.

В этот же день в 6 км северо-западнее Керести части 25-й кавдивизии при содействии лыжников и 57-й стрелковой бригады освободили поселок Тесово и станцию Финев Луг, после чего в ожесточенном бою взяли станцию Рогавка в 3 км восточнее Финева Луга. Немцы бежали под угрозой оказаться сброшенными в Тесовское болото. Наши воины прорвались дальше на север и 29 января отобрали у противника деревню и станцию Огорели¹⁶. На станции они захватили немецкий узел связи, соединявший гарнизоны Новгорода, Оредежа и Любани¹⁷.

Вторая дивизия корпуса — 87-я барнаульская — при содействии лыжников 27 января взяла Ольховку в 6 км северо-западнее Спасской Полисти, а 28 января — большое старинное село (до середины ХГХ в. погост, т.е. центр округи) Вдицко западнее Ольховки. В бою за Вдицко было уничтожено до 200 немцев.

В начале февраля, прорвавшись за Кересть на 10-15 км, корпус развернул свои дивизии и начал наступательные операции на фронте в 30-40 км. На левом фланге действовала 25-я кавалерийская дивизия. 8 февраля она заняла деревню Язвинка и с помощью 49-го лыжного батальона перекрыла дорогу Огорели-Оредеж. Продвигаясь дальше, части дивизии вместе с лыжниками освободили деревни Поддубье, Кубалово, Пустое и Жилое Рыдно, Замежье, Березницы, Старое и Новое Почепово, Заручье, Корешно, Веряжино, Панышино. Рубежи, завоеванные 25-й кавалерийской дивизией, закрепляли и расширяли стрелковые части. Юго-западный фланг прорыва приняла от кавкорпуса 366-я стрелковая дивизия. Она вошла в прорыв вслед за 59-й бригадой, как только 23-я бригада приняла от нее рубежи у Мясного Бора. Дивизия заняла позиции у ручья Барская Канава и деревни Пятилипы. В упорных боях воины-сибиряки овладели деревнями Заболотье, Вольные Кусони, Ясно, Ушницы, Пуховежи¹⁸, освободили от врага район площадью 12 x 18 км.

Северо-западнее 366-й дивизии заняла позиции 23-я стрелковая бригада. Первоначально 23-ю бригаду вместе с 58-й направили на правый фланг прорыва, севернее д. Мясной Бор, напротив д. Мостки. Обе бригады к 6 февраля

сосредоточились в лесу южнее д. Ольховка и севернее д. Новая Кереть. Приказом штаба армии № 0017 им предписывалось обойти с юга и запада опорные пункты врага в Ольховских хуторах и захватить их общим ударом. Затем наступать на северо-восток, в тыл немецкой линии обороны, проходившей по шоссе у Мясного Бора, и овладеть там деревней Сенная Кереть, чем помочь войскам, наступавшим на шоссе с востока¹⁹. Бригады изготовились к атаке хуторов, но внезапно в ночь на 7 февраля получили новый приказ: намеченная операция отменялась. 58-я бригада некоторое время еще воевала у Ольховки, после чего прошла коридор в обратном направлении и в дальнейшем сражалась у деревень Остров и Михалево на шоссе Новгород - Чудово севернее Мясного Бора. Рядом с нею дралась 24-я бригада, переведенная туда из-под Любцев. 23-й бригаде 7 февраля приказали выйти из подчинения группе Жильцова и через Финев Луг следовать в распоряжение комкора Н.И.Гусева. Причина отказа от операции по захвату хуторов заключалась в том, что в группе Гусева осложнилась обстановка на острие прорыва в районе Еглино. Требовалось усилить натиск там, на главном направлении, а в это время два полка 87-й кавалерийской дивизии оказались скованы тяжелыми боями с 636-м пехотным полком немецкой дивизии литер "А". 23-я бригада должна была сменить кавалеристов 87-й дивизии на рубежах д. Вережино, Паншино, Филипповичи. Выполняя приказ, 23-я бригада в 6 часов утра 7 февраля по глубокому снегу вышла в поход²⁰. Поздно вечером 8 февраля, когда она подходила к с.Вдицко, комбриг В.И.Шишлов получил второй приказ с уточнением задачи. Распоряжением № 40/кк, отданным в 21 час 50 минут 8 февраля, командир корпуса приказал: "Командиру 23-й ос бригады форсированным маршем выйти в район Поддубье, Жилое Рыдно, Язвинка, выдвинув не менее усиленного батальона на рубеж Паншино — Волкино для смены частей 25-й кд (98 и 104 кп) и 87-й кд (256 кп) с задачей не допустить продвижения противника с направления Филипповичи, Лютка...". Один стрелковый батальон, даже усиленный, не мог, конечно, заменить три кавалерийских полка. Тем не менее, определяя задачи бригаде, комкор требовал "действовать дерзко", ни перед чем не останавливаться, сурово соблюдать дисциплину и при этом "уничтожать тех (красноармейцев - Б.Г.), кто сдается в плен". Кроме того, он распорядился "не допускать ухода населения к противнику"²¹.

9 февраля командование 2-й ударной армии переподчинило 23-ю бригаду командиру 366-й дивизии полковнику С.И.Буланову. Сражаться им предстояло рядом и командарм Клыков полагал полезным их оперативное соединение. Возникновение новой оперативной группы, вслед за группами Коровникова, Жильцова и др. до известной степени восполняло отсутствовавшее в РККА в 1942 г. корпусное звено управления. 10 февраля бригада сменила в заданном районе кавалерийские части. Разведчики бригады сразу приступили к рекогносцировке немецких позиций в деревнях Филипповичи, Загородницы, Ключушицы, Донец, Замостье, Фролево, Солони. Противник вел такую же разведку со своей стороны, а 13 февраля немцы перешли в наступление. В 8 час. 45 мин. после артподготовки они силою до двух с половиной рот атаковали боевые порядки 3-го (50-го) отдельного стрелкового батальона бригады в деревнях Паншино и Волкино, но были отброшены и залегли в 300-400 м от деревень. В этот день немцы атаковали еще несколько раз, однако отступали с большими потерями. В бою отличился красноармеец И.И.Ивлев, артиллерийский орудийный наводчик отдельного артдивизиона. Его орудие расстреливало немцев картечью в упор. Когда враг подошел на 30-40 метров, Ивлев продолжал наводить орудие, вдохновляя примером товарищей. Перед его позицией остались лежать 35 гитлеровцев.

Потерпев неудачу, немцы мелкими группами сосредоточились в роще в 500 м юго-восточнее Волкино и вызвали авиацию. Прилетели три бомбардировщика, посыпались бомбы, открыли огонь немецкие орудия и минометы и под их прикрытием около 17 часов неприятель начал "психическую" атаку силою до батальона. Отражая вражеский натиск, многие бойцы бригады проявили героизм. Например, сержант Н.А.Игнатенко, командир отделения отдельного минометного батальона 50-мм минометов со своим расчетом вел огонь, пока враг не подошел на 50-100 м и стрелять из миномета стало невозможно. Тогда Игнатенко взял ручной пулемет, меткими очередями разрезал немецкую цепь и уничтожил до 15 врагов. Будучи ранен, он не вышел из боя. Стрелок роты противотанковых ружей А.К.Рощин, раненый в руку и ногу, не покинул поле боя, он собирал у раненных и убитых патроны и подтаскивал товарищам. Благодаря этому бойцы продолжали огонь. Раненый телефонист минометного батальона бригады красноармеец Г.С.Мордасов не оставил наблюдательный пункт и огнем из автомата уничтожил 7 оккупантов.

Противник стремился прорваться через боевые порядки бригады в тыл 2-й ударной армии и отрезать ее от коммуникации в Мясном Бору. Но 23-я бригада не ограничилась упорной обороной и сама предприняла контратаки в направлении урочища Корбово. Не ждавший контрудара противник к 19 часам 13 февраля отошел в исходное положение. Наши воины победили, но потеряли 42 чел. убитыми и 123 ранеными. Враг потерял убитыми более 300 чел. Красноармейцы взяли 7 пленных, в том числе фельдфебеля.

Отразив удар врага на Паншино и Волкино, командование 23-й бригады решило само перейти к активным действиям против немецкой группировки у деревень Филипповичи, Загорье, Лазарево, Людка, Савлово, Загородницы. К 7 часам утра 15 февраля части бригады заняли исходное положение и на рассвете начали наступать. Немцы яростно контратаковали, но во встречном бою красноармейцы опрокинули противника и к концу дня заняли Филипповичи, Любище, Волосково, Донец, Замостье, Лахуни, Солони²³. Были захвачены трофеи: 4 спаренных миномета, 2 станковых и 11 ручных пулеметов, 2 зенитных пулемета, 2 противотанковых ружья, 9 автоматов, 30 винтовок, 9 пистолетов, 4 бинокля. Взято трое пленных.

В боях за Филипповичи и Загорье отличился командир орудия отдельного артдивизиона красноармеец П.И.Крышун. Во время вражеской атаки он заменил наводчика, был ранен в руку, но продолжал сражаться, а когда кончились снаряды, откатил пушку в безопасное место. Отважный санитар стрелковой роты красноармеец М.В.Глазунов вынес под огнем 12 раненых с оружием. Последних четырех вынес, будучи ранен сам.

К 16 февраля в 23-ю бригаду резко сократился подвоз боеприпасов, т.к. бензина почти не осталось, а лошадей не хватало. 16 февраля в бригаде сменился комбриг — вместо В.И.Шишлова командование принял полковник Н.П.Коркин. В.И.Шишлова перевели на должность командира 53-й бригады, а затем 382-й стрелковой дивизии. При новом командире 23-я бригада 18 февраля пыталась продолжать наступление, но в этот день по личному приказу генерала Н.К.Клыкова 3-й (50-й) отдельный стрелковый батальон 23-й бригады вывели из боя и направили к Красной Горке, где начинались главные события всей операции фронта. С уходом батальона 23-я бригада лишилась значительной части личного состава, в ней осталось лишь 2290 чел. Поэтому вечером 19 февраля, едва стемнело, она прекратила атаки и перешла к обороне²⁴. Воины бригады в

минувших боях продвинулись более, чем на 10 км. В результате 23-я бригада глубже всех вклинилась в немецкую оборону в направлении Новгорода. Поэтому в конце февраля бригаду передали в 52-ю армию, которая имела задачу взять Новгород. Командование фронта еще не потеряло надежду на получение общевойсковой армии и готовилось к выполнению операции в первоначальном объеме.

На правом фланге 25-й кавалерийской дивизии у деревень Никулино, Старое и Новое Почепово, Замежье в конце января вела бои 59-я бригада. Когда наступательные возможности бригады оказались исчерпаны, кавалеристам приказали сменить ее на острие прорыва. 236-й кавполк обошел слева подразделения бригады и, выйдя вперед, атаковал неприятеля в северо-западном направлении. В тяжелейших боях воины полка взяли деревни Конечики, Порожки, Совкино 2-е, Совкино 1-е, Глебово, Нестерково, Абрамове²⁵. Участник боев бывший командир полковой батареи 236-го кавполка Д.Е.Мязин вспоминает: "Особенно тяжелые бои развивались за деревню Конечики. С одной и другой стороны участвовали тысячи солдат и офицеров. Несмотря на 25-ти градусный мороз, орудийные расчеты были в одних ватниках, а стволы пушек были красными. Деревня Конечики десятки раз переходила из рук в руки. Было уничтожено много техники и полностью была уничтожена дивизия баварского корпуса, много было взято в плен"²⁶.

Вслед за 59-й бригадой 236-й кавполк в этих боях оказался обескровлен и отведен на отдых и пополнение к Финеву Лугу. Его место заняла 25-я бригада²⁷. Она закрепилась между 59-й и 23-й бригадами, у деревень Никулино, Почепово, Замежье, западнее Жилого Рыдна и Поддубья, дальше ее позиции шли вдоль селений Олений Остров, Абрамов Клин, через замерзшее озеро Черное, а затем западнее деревень Веретье Финское и Веретье Русское и почти до самого Еглина. В результате февральских боев левое крыло 2-й ударной армии вышло на реку Оредеж на участке д.Порожки — Пристанское озеро, а у д.Нестерково удалось захватить плацдарм на правом берегу реки. Дальше на запад начиналась псковская земля. Бои здесь шли трудные. Но еще более кровопролитные сражения разгорелись северо-восточнее, у Еглино и Конечиков. Спротивление противника там, на северном фланге прорыва, нарастало. Неприятель наращивал силы, стараясь не пропустить наши войска в тыл 18-й армии верхмата, к Ленинграду. 10 февраля в "Дневнике" Ф.Гальдера появилась запись: "На волховском участке

противник не может добиться новых успехов", а на следующий день он с облегчением отметил: "На волховском участке наступательный порыв русских ослаб, что, видимо, связано со значительными потерями"²⁸.

На правом, восточном фланге прорыва 87-я кавалерийская дивизия продолжала наступление, несмотря на большие потери. Захваченные ею рубежи принимали и закрепляли 53-я и 22-я стрелковые бригады. 87-я дивизия шла прямо на Любань. Севернее Спасской Полисти и Ольховки в ночь на 30 января она вместе с 45-м, 46-м и 49-м отдельными лыжными батальонами освободила деревни Кривино и Новая. В 3 км северо-западнее деревни Новая 49-й лыжный батальон занял высоту 47,6. Противник контратаковал, но был отброшен кавалеристами и лыжниками²⁹. Под Ольховкой 22-я бригада захватила у врага 8 пушек и 10 минометов и использовала трофеи в боях.

Встревоженный нашими ударами, неприятель направил большую группу разведчиков, чтобы уточнить намерения волховцев. Группа добралась до штаба 2-й ударной армии. Охрана штаба вступила с нею в бой. К месту схватки направились командарм Н.К.Кпыков, член Военного совета дивизионный комиссар И.В.Зуев и начальник особого отдела А.Г.Шашков. В пути они встретили крытые санитарные сани с одним ездовым, а в санях под пологом обнаружили спрятавшегося немца с автоматом. Пленный показал, что под Любанью накапливаются еще пять немецких дивизий — корпус генерала Герцога³⁰.

Продвигаясь на север, 87-я кавалерийская дивизия вместе с 53-й бригадой, 169-м, 170-м и 171-м лыжными батальонами освободила д.Тигодский завод и Червино. Но дальше, у деревень Крапивно, Ручьи и Червинская Лука неприятель занял жесткую оборону и остановил наши войска. Начались затяжные, тяжелые бои. На помощь 87-й дивизии перебросили с левого фланга 25-ю кавдивизию и 57-ю бригаду. Однако добиться перелома не удалось. Тем временем 22-я бригада, 42-й, 164-й и 165-й лыжные батальоны пытались прорвать немецкую оборону западнее и вдоль реки Сычева³¹. * Продвижение корпуса, — отмечал К.А.Мерецков, — шло успешно до тех пор, пока наступление велось строго в северо-западном направлении, где силы противника были незначительны. Но стоило генералу Гусеву повернуть дивизии на северо-восток, непосредственно на Любань, как противник стал оказывать сильное сопротивление"³². 57-я бригада понесла в этих боях большие потери. Ее сменила 191-я стрелковая дивизия, которую передали 2-й ударной из состава 4-й армии. Дивизия начала наступление на деревни Коркино

и Померанье, но снаряды и бомбы противника закрыли ей дорогу на Любань. Обескровленная дивизия перешла к обороне. По решению К.А.Мерецкова стрелковые части, сосредоточенные правее кавкорпуса на линии Ручьи-Ольховка, объединили в оперативную группу генерал-майора П.Ф.Привалова. Это позволило улучшить руководство войсками, но никак не повлияло на их низкую техническую оснащенность. Любань оставалась недоступной. Темп наступления значительно снизился, чему способствовали большие потери, особенно в лыжных батальонах. Они использовались весьма активно всеми частями и соединениями. В результате к 28 февраля в 45-м лыжбате осталось 17 чел., в 46-м — 25 чел., в 49-м — 12 чел. 24 марта приказом командарма Н.К.Клыкова № 0088 эти три лыжбата расформировали, их личный состав поступил в стрелковые бригады, которым эти батальоны подчинялись прежде³³.

Утром 18 февраля на усиление кавкорпуса в район Красной Горки прибыла из 4-й армии 80-й кавалерийская дивизия полковника А.А.Асланова (с марта — полковника Н.А.Полякова). Ее сопровождали 39-й и 42-й отдельные лыжные батальоны. За ними проходили стрелковые полки³⁴. Для броска на Любань собирался ударный кулак.

В результате наступления 2-й ударной армии исчезла сплошная линия фронта. Это позволило улучшить обеспечение партизанских отрядов оружием и продовольствием, активизировать их деятельность. В начале февраля волховские партизаны были объединены в два батальона. Одним командовал Е.Ф.Тувалович, другим — К.Н.Валович. Партизаны нападали на немецкие гарнизоны и занимались диверсиями, получая задания непосредственно от командования 2-й ударной армии³⁵.

В течение января авиационный парк Волховского фронта значительно пополнился, в частности прибыли пять истребительных авиаполков. К началу февраля военно-воздушные силы фронта насчитывали уже 313 боевых машин, но легкомоторные самолеты по-прежнему составляли значительное большинство. 188 вновь поступивших самолетов У-2 командование ВВС фронта передало в начале февраля в распоряжение ВВС 2-й ударной, 4-й, 52-й и 59-й армий. Против Волховского фронта действовало в то время 385 боевых самолетов. Таким образом, превосходство врага в воздухе оставалось неизменным³⁶.

Наступление 2-й ударной обеспечивали 52-я и 59-я армии. Они не прекращали бои за расширение плацдарма и коридора в Мясном Бору. В ночь на 24 января,

сразу после прорыва немецких позиций у Мясного Бора, командование 52-й армии по распоряжению К.А.Мерецкова приказало 305-й дивизии войти в прорыв и, расширяя горловину, нанести удар в южном направлении. Целью операции являлся захват деревни Теремец-Курляндский. Для решения задачи выделялась часть сил дивизии, остальные ее подразделения продолжали удерживать рубеж перед шоссе и железной дорогой. Выполняя приказ, воины 305-й вошли в прорыв и к 1 часу ночи 24 января овладели деревней. Другие батальоны дивизии в это время отражали контратаки врага у д.Лелявино. Используя успех 305-й дивизии у Теремца-Курляндского, днем 24 января 46-я стрелковая дивизия пробилась к шоссе с востока и ворвалась в деревню Тютницы, но закрепить успех не смогла³⁷. Между 46-й и 305-й дивизиями, в 7 км южнее д.Мясной Бор продолжала бои за Копцы 267-я дивизия. Захват Копцев являлся необходимым условием расширения прорыва и обеспечения левого фланга ударной армии. Но фронтальные атаки успеха не имели. 27 января К.А.Мерецков приказал 267-й дивизии взять деревню обходным маневром с запада, а для этого пройти через коридор в Мясном Бору и сосредоточиться в лесу западнее Теремца-Курляндского, рядом с 305-й дивизией, которой также приказали перевести в Мясной Бор свои главные силы. Прежние участки перед шоссе 267-я дивизия передала соседней 259-й дивизии, а 305-я дивизия — 225-й дивизии. 305-й дивизии предстояло наступать от Теремца-Курляндского вглубь вражеской обороны, а 267-я дивизия должна была решать задачу вместе с 259-й дивизией, которая атаковала Копцы с востока. Общая атака Копцев была назначена на 14 часов 28 января³⁸. Для передислокации 267-й дивизии отвели короткий день и длинную зимнюю ночь, причем требовалось преодолеть еще немецкий рубеж под Теремцом-Курляндским, чтобы выдти в тыл Копцам. Путь дивизии по глубокому снегу прокладывал ее 848-й стрелковый полк. У Теремецких хуторов дивизию бомбила немецкая авиация, но это не помешало нашим воинам найти проход через вражеские позиции, где не было сплошной линии обороны, уничтожить несколько групп немцев, перерезать проводную связь, взять пленных и трофеи — повозки с продуктами. 844-му стрелковому полку приказали обойти Копцы с юга и перехватить шоссе и железную дорогу со стороны Новгорода, а 848-й полк пошел в атаку на деревню. Противник отбросил атакующих сильным огнем. Тяжело раненый командир роты автоматчиков младший лейтенант Петухов и санинструктор, который оказывал ему медицинскую помощь, были захвачены в плен. Враги пытали Петухова, добываясь сведений. Он

ничего не сказал и тогда перед смертью ему отрезали язык. Санинструктор вскоре бежал из плена. Поэт М.А.Дудин посвятил Петухову стихотворение "Молчание". Его опубликовала дивизионная газета "Сталинский путь". Петухова посмертно наградили орденом Красной Звезды. Взять Копцы не удалось. Более того, противостоявшая 58-я пехотная дивизия верхмата направила сюда подкрепление, 848-й стрелковый полк оказался фактически в окружении и с трудом отбивал атаки противника. В одном из боев немцы прорвались к штабу. Все штабные работники взяли оружие, сам командир полка капитан В.А.Поспелов стрелял из пулемета. Его мужество и находчивость позволили продержаться до подхода главных сил полка. В этих боях дивизия понесла большие потери³⁹.

В 300 м севернее Копцев, с правой стороны шоссе находилась в 1942 г. деревня Крутик, тоже превращенная врагом в опорный пункт. После неудачи с Копцами 267-й и 305-й дивизиям приказали взять Крутик. 305-я сосредоточилась в лесу севернее деревни Вешки, в 2 км от цели атаки. 267-я дивизия наносила удар непосредственно по Крутику, а 305-я прорывалась между Крутиком и Копцами. Узкое пространство между деревнями простреливалось насквозь и главная тяжесть боя ложилась на 305-ю. Ей предстояло отвлечь врага на себя. Обе дивизии начали наступление, но пробиться к позициям немцев не смогли. 31 января последовала новая попытка. Противник отразил ее минометным и пулеметным огнем и отбросил части 305-й дивизии в лес. 3 февраля к 305-й присоединилась 259-я стрелковая дивизия полковника А.В.Лапшова, которая действовала с востока. Вместе они атаковали северо-восточную окраину и центр Копцев, но тоже безрезультатно. Не имели успеха и последующие атаки, которые продолжались всю первую неделю февраля. Немцы контратаковали, а 2 февраля даже выбили с позиций 1-й батальон 1000-го стрелкового полка 305-й дивизии. За это отступление командование 52-й армии 7 февраля приказом № 0245 сняло с должности командира и комиссара батальона как непосредственно виновных в том, что батальон "не оказал должного сопротивления", а заодно сняли с должности командира и комиссара 1000-го полка⁴⁰. Столь суровые меры объяснялись большим значением, которое командование армии и фронта придавало взятию Копцев. Этот узел обороны препятствовал расширению коридора прорыва и закрывал путь на юг, к Новгороду. Германское командование понимало значение Копцев не хуже нашего и оборонялось умело и стойко. 6 февраля генерал Ф.Гальдер в "Военном дневнике" отметил, что "на фронте группы

армий "Север" по-прежнему напряженная обстановка"⁴¹. Немалый вклад в такое развитие событий внесли полки 52-й армии.

Прорыв на Новгород являлся для 52-й армии главной задачей. Позиции у самого Новгорода занимала 225-я дивизия полковника К.Ю.Андреева. Боевой путь она начала 2 июля 1941 г. под городом Остров у Псковского укрепленного района как 3-я танковая дивизия. Вместе с другими соединениями отходила на восток, а 14 июля участвовала в одном из первых успешных контрударов Красной Армии под городом Сольцы южнее Новгорода. Там сгорели ее последние танки. 15 августа ее перебросили в Новгород. Она обороняла его вместе с 28-й танковой дивизией, тоже лишившейся танков. 19 августа наши войска оставили Новгород и 3-я танковая заняла оборону у деревни Войны на берегу озера Ильмень и далее на север по реке Малый Волховец вдоль деревни Городище до прежних рубежей 305-й дивизии. В ноябре 1941 г. 3-ю танковую дивизию переформировали в 225-ю стрелковую и вскоре включили в состав Волховского фронта. Она постоянно вела разведку левого, вражеского берега Волхова, захватывала "языков"⁴². Дивизия готовилась освободить Новгород вместе с другими войсками 52-й армии, наступавшими с плацдарма. Кроме того, постоянные вылазки держали врага в напряжении и препятствовали переброске отсюда немецких войск против наступавших частей Волховского фронта.

У Городища можно видеть стоящие в Волхове каменные быки и насыпь на левом берегу. Это остатки железной дороги Петербург — Орел. Ее начали строить перед Первой мировой войной, но так и не закончили. Гитлеровцы устроили в насыпи дзоты. В ночь на 29 января 1942 г. 20 разведчиков 229-го стрелкового полка 225-й дивизии перебрались через Волхов и забросали дзоты гранатами. Внезапно с фланга открыли огонь два замаскированных дзота. Спасая товарищей, сержант И.С.Герасименко бросился на амбразуру первого дзота. Пулемет захлебнулся, но вскоре снова открыл огонь. Пулемет второго дзота бил, не замолкая. Тогда грудью кинулись на амбразуры ефрейтор А.С.Красилов и рядовой Л.О.Черемнов. Дзоты замолчали и разведчики гранатами уничтожили огневые точки. Герасименко был еще жив, его перевязали, но прожил он не долго. Всем троим присвоили звания Героев Советского Союза. 7 февраля 1942 г. им посвятил стихотворение "Трое" волховский фронтовой поэт П.Н.Шубин, затем написал "Балладу о трех коммунистах" ленинградский поэт Н.С.Тихонов. На месте гибели героев

поставлена стела. Их подвиг позволил дивизии захватить на берегу Волхова небольшой плацдарм для будущего броска к Новгороду⁴³.

Южнее 225-й дивизии начиналась полоса действий Северо-Западного фронта. Выполняя план Ставки, его войска 15 февраля пробились к городу Холм и окружили демянскую группировку 16-й немецкой армии, а 20 февраля образовали еще одно кольцо окружения, соединив вторые клещи у села Залучье. Разрыв между первым и вторым кольцом составлял 40 км. В окружении оказалось 70 тыс. немцев — 7 дивизий. Впервые Красная Армия окружила столь крупные силы врага. На помощь Северо-Западному фронту подошла с московских рубежей 1-я ударная армия. Но фронт имел всего 142 боевых самолета, из них 32 истребителя⁴⁴. Поэтому противник смог наладить воздушный мост к окруженной группировке и начал готовить операцию для ее деблокирования.

По плану освобождения Новгорода навстречу 225-й дивизии должна была наступать с захваченного плацдарма 305-я дивизия. Прямо на запад от позиций 305-й дивизии, за лесом у Теремца-Курляндского, лежало топкое болото — Большое Замошское. Оно тянется с севера на юг на 10 км при средней ширине 3-4 км. В центре болота два озера. Первое совсем небольшое, его называют Глухое. Величина второго (2,5 x 1,5 км) соответствует названию — Большое Замошское. К юго-западу от Большого Замошского озера, у края болота, рядом друг с другом расположены еще два озера: Земтицкое и южнее его Вешское. Они названы по именам деревень — Вешки и Земтицы. Обе деревни стояли в 1-1,5 км от болота, на дороге, которая шла вдоль леса. Она начиналась севернее станции Мясной Бор и шла на юг, параллельно железной дороге, вдоль Теремца-Курляндского, до деревни Нёкохово и дальше. У Нёкохово она соединялась с другой дорогой, накатанным большаком, который шел от пристани Муравьи через узел вражеской обороны в селе Подберезье к деревне Долгово, где резко поворачивал на север к деревням Оссия, Малое и Большое Замошье. Эти три деревни расположены сразу за болотом, на западной его стороне, напротив Копцев. Дальше лесная дорога поднималась к деревне Кречно, пересекала реку Кересть и доходила до Глухой Керести. Расположение дороги свидетельствует о ее важности для организации обороны в районе Большого Замошского болота и всей северной части лесного массива Мясной Бор. С востока на запад болото пересекают несколько хорошо найденных троп. Их еще задолго до войны проложили грибники, охотники и сборщики клюквы.

Казалось, здесь, за двумя линиями обороны, за обширным болотом с топями и озерами нет нужды строить сильные укрепления. Но в 4 км западнее д. Оссия, Замошье проходила железная дорога Новгород — Батецкая — Ленинград и поэтому здесь находился еще один рубеж противника. Он не был сплошным, как два первых, а состоял из отдельных укрепленных сел и деревень. Севернее, за рекой Кереть его уже прорвала 2-я ударная армия. Теперь 52-я армия должна была

разгромить врага у Замошья и открыть, наконец, дорогу на Новгород. Правда, крайняя узость горловины прорыва сохраняла возможность флангового удара по наступавшим на Новгород войскам. Должно быть, советское командование надеялось в ходе наступления блокировать узлы сопротивления на втором рубеже и потом уничтожить их. Но главным в тот период, пожалуй, было то, что овладение Замошьем повышало безопасность горловины прорыва, так как дорога от Мясного Бора на Кереть, по которой снабжалась ударная армия, проходила всего в 2 км севернее Малого Замошья, по краю болота.

Оборону врага у Замошья держали отброшенные с Волхова части 250-й "голубой" дивизии. Они разместились на подготовленных немцами позициях, в теплых блиндажах, дзотах. Подходы к ним прикрывались надолбами из рельсов и поясами минных полей. Враг применил здесь даже запрещенные международными соглашениями химические мины⁴⁵. По рассказам местных жителей, испанцы находились в Замошье как бы на отдыхе. В отличие от немцев, больших безобразий себе не позволяли, общих реквизиций не делали. Армейского пайка им не хватало и они съели в деревнях всех кошек, употребив на жаркое вместо кроликов. Отдельные испанцы предпочитали русским морозам сдачу в плен. Но большинство продолжало выполнять присягу и воевать за чуждые испанскому народу интересы Германии.

Взять Замошье, Оссию и Долгово приказали 305-й дивизии. Она получила приказ еще 27 января⁴⁶. Но тогда ее отвлекли бои у Крутика и Копцев и только ее разведчики из 2-го батальона 1002-го стрелкового полка ходили через болото к Большому Замошью. А в начале февраля весь 2-й батальон перешел линию фронта и проник в тыл врага на 5-7 км к западу от Большого Замошья на платформу Гаренка, и дальше, к населенному пункту Село-Гора. Батальон имел задачей разведку, диверсии, нападения на вражеские гарнизоны, организацию партизанских отрядов. В тылу противника он находился до конца февраля⁴⁷.

Действиями батальона было установлено прибытие на фронт из Западной Европы легиона голландских фашистов "Нидерланд". Легион разместился в селениях Село-Гора и Тесово-Нетыльское, а южнее занял позиции 426-й пехотный полк 126-й немецкой пехотной дивизии⁴⁸. Плотность вражеских войск оказалось такой, что организация партизанских отрядов становилась невозможна. Несколько дней спустя после боев за Копцы по пути батальона двинулись через болото полки 305-й дивизии. Противник их не ждал. Внезапной атакой в ночь с 12 на 13 февраля они захватили Малое Замошье и двинулись к Большому Замошью. Но пока они преодолевали разделявшие деревни 1,5-2 км и готовились к штурму, неприятель опомнился и на следующий день, 14 февраля, едва началась атака, наступавших встретил сильный огонь. Начались упорные бои.

Одновременно 46-я дивизия в течение трех дней за Большим Замошским болотом атаковала Земтицы (северные).

Южный фланг 305-й дивизии через Большое Замошское болото соприкасался с позициями 24-й стрелковой бригады полковника М.В.Романовского. Бригада в первой декаде февраля вела бои за Земтицы (южные). Вместе с бригадой сражался 172-й лыжный батальон, прибывший на фронт вечером 6 февраля, почти в один день со 173-м и 174-м лыжбатами. Батальоны имели хорошее вооружение: в основном автоматы ППШ, винтовки СВТ, а также карабины и пулеметы. Каждый боец был тепло одет и обут. Перед отправкой на фронт все лыжники получили кроме сапог еще и валенки, портянки простые и теплые, носки хлопчатобумажные и шерстяные, белье бязевое и теплое, шапку-ушанку и шерстяной подшлемник, чтобы одевать под каску зимой, матерчатые или вязаные рукавицы с указательным пальцем для стрельбы и меховые варежки кроличьи, заячьи или овчинные для тепла, гимнастерку и свитер, брюки, шинель и ватник, маскировочный халат. Хорошо вооруженные и тепло одетые лыжники предназначались для глубоких рейдов по вражеским тылам, для диверсий, для нападений на отдельные гарнизоны противника, но нужда и здесь заставила использовать их как обычную пехоту.

Деревню Земтицы (южные), как и другие селения на Волхове, противник превратил в мощный опорный пункт. Ветеран 172-го лыжбата Г.И.Геродник так описывает немецкую систему укреплений: "Перед избами простирается абсолютно Карта позиций 52-й армии. Февраль 1942 г.

голая снежная полоса шириной в двести, триста и более метров. Все, что мешало обзору, немцы убрали. Деревья, в том числе и плодовые, спилили и использовали для укреплений/.../ Даже плетней и заборов не оставили.

На подходе к избам — минные поля, обычные проволочные заграждения, спирали Бруно. За ними траншеи полного профиля. Они ходами соединены со вторыми и третьими рядами траншей. Между избами притаились доты и дзоты, пулеметные точки. Да и сами избы представляют собой серьезные узлы сопротивления. В этих краях во многих из них есть так называемые подызбицы. Что-то вроде нулевого этажа. В отличие от подвалов, в них имеются расположенные над самой землей невысокие оконца. Немцы укрепили эти подызбицы, вместо оконцев устроили амбразуры. Пока тихо, находятся наверху в комнатах/.../ А лишь почуют опасность — одни бегут по ходам сообщения в доты и дзоты, другие спускаются в подызбицы"49.

К моменту прибытия лыжбата 24-я бригада захватила северную половину деревни и старалась выбить неприятеля из остальных домов. Кроме того, бригаде приходилось отражать сильные контратаки немцев в северном направлении. Этими атаками враг старался закрыть наш прорыв в Мясном Бору.

Бои севернее и южнее Замощья показали, что 52-й армия своими силами не может расширить прорыв южнее Мясного Бора и пробиться к Новгороду. Командование фронта приняло меры к усилению армии. 11 февраля 24-ю бригаду передали из 52-й армии во 2-ю ударную армию, а прежние позиции бригады у Земтиц и Любцев приказали занять 65-й забайкальской стрелковой дивизии полковника П.ККошевого, которую перебросили сюда из состава 4-й армии. Затем по распоряжению командования 46-я дивизия сдала свой участок 259-й дивизии и к утру 12 февраля отошла к железной дороге Новгород -Чудово, в район юго-восточнее Теремца-Курляндского, чтобы прикрыть от возможных атак левый фланг основания коридора. 259-я дивизия, приняв новые позиции от 46-й дивизии, получила приказ перейти на этих рубежах к обороне50. Перемещения дивизий были вызваны, видимо, большими потерями в указанных соединениях 52-й армии, о чем можно судить по таблице, где приведен состав армии на 25 февраля 1942 .

Состав 52-й армии на 25 февраля 1942 г.51

Номера Кол-во Вин- Станк. Ручн. Мино- Пушки 76 Пушки ПТР дивизий людей товок нулем. нулем. меты мм 45 мм

259 4215 2305 9 201 37 18 4
225 6110 3938 22 259 14 19 5 22
267 4244 2923 10 165 27 19 3
305 4830 4126 34 194 39 25 4
65 5033 3636 44 93 17 24 22
46 4930 2631 11 303 80 22 3 _

Из таблицы видно, что вновь прибывшая 65-я дивизия даже после недельных боев за Любцы превосходила по численности все соединения 52-й армии, кроме 225-й дивизии, и это несмотря на то, что перед 25 февраля все дивизии получили маршевые пополнения. Обращает также на себя внимание острая нехватка винтовок (кроме вновь прибывшей 65-й дивизии). Такое положение объясняется с одной стороны большими потерями в личном составе и невозможностью собрать у убитых оружие и вынести его с поля боя, а с другой стороны — тем, что маршевые пополнения приходили без оружия. Еще хуже обстояло дело с противотанковой обороной. Главным средством борьбы с танками являлась в то время в Красной Армии 45-мм противотанковая пушка, маленькая, легкая (560 кг), маневренная. За маленький броневой щиток, который никак не мог прикрыть орудийный расчет, и за то, что пушку в бою ставили в самые опасные места, фронтовики называли ее "Прощай, Родина". И вот, столь необходимых противотанковых пушек в дивизиях оставалось от 3 до 5 (исключение составляла опять-таки 65-я дивизия). Противотанковых ружей, сравнительно нового тогда средства борьбы с танками, не имела в 52-й армии ни одна дивизия, кроме 225-й. Весьма мало сохранилось в дивизиях и 76 мм пушек. Это свидетельство того, какие тяжелые бои пришлось вести нашим артиллеристам, чтобы не пустить к коридору немецкие танки.

65-я дивизия имела больше всех противотанковых пушек — 22. Дивизию поставили на одно из самых танкоопасных направлений — в полях и рощах у Теремец-Курляндских хуторов и вдоль шоссе Новгород - Чудово. На правом фланге, за Теремцом-Курляндским занял позиции ее 38-й стрелковый полк; в центре, вдоль шоссе и железной дороги 311-й полк; на левом фланге у Любцев — 60-й полк. Ближайшие задачи 65-я дивизия получила те же, что и ее предшественница: взять Любцы, Копцы, Тютюцы. В ночь на 17 февраля 311-й полк атаковал Любцы вдоль шоссе, но отступил с большими потерями. Враг отбросил его пулеметным огнем из многочисленных дзотов. На другой день в бой за Любцы вступили 311-й и 60-й стрелковые полки. Перед деревней, на берегу

реки Питьбы их встретил сильнейший артогонь. Десятки раз бойцы поднимались в атаку, но немцы снова и снова опрокидывали их на снег. Бой не прекращался и ночью, все поле перед деревней усеяли тела погибших. Наконец, 8-я рота 60-го полка захватила четыре дзота на северо-восточной окраине Любцев. Бойцы роты под командованием старшего сержанта политрука А.Грудинина еще до окончания артподготовки начали выдвигаться к немецким позициям и теперь, захватив дзоты, закрепились в них и приготовились к новой атаке. Однако дальше 65-я дивизия продвинуться не смогла, а 20 февраля враг предпринял ответное наступление со стороны Любцев. Немцы шли строем, как на параде. Это напоминало психическую атаку. Но минометчики старшего лейтенанта А.Зайчикова не растерялись и с первых выстрелов накрыли врага плотным огнем. За минометами ударили пушки. Вражеские солдаты начали разбегаться. Как выяснилось позже, командиры убедили их, что русские оставили Мясной Бор и немцы не ждали сопротивления⁵².

Немцы, конечно, сознательно обманули своих солдат, но на самом деле немецкие командиры оказались близки к истине: штаб фронта уже наметил очередную рокировку и 65-я дивизия вечером 20 февраля должна была покинуть позиции. Невольно возникает мысль: являлось это совпадением или враг имел в штабе фронта своего агента? Так или иначе, командование 52-й армии создавало по приказу К.А.Мерецкова новую группировку сил для еще одной попытки разгромить врага на южном фланге 2-й ударной армии и открыть дорогу на Новгород. 20 февраля истощенной боями 65-й дивизии приказали отойти к Мясному Бору и Теремцу-Курляндскому и занять там окопы 46-й дивизии. 46-ю дивизию передавали в состав 2-й ударной армии. Одновременно 267-я дивизия сдавала участок 305-й дивизии, а 259-я дивизия передавала свои позиции 225-й дивизии. Обе эти дивизии — 267-я и 259-я получили пополнение и к 26 февраля вышли в район Малое Замошье, Гаренка для удара в южном направлении⁵³. Не дожидаясь, пока они перейдут на новый рубеж, командование 52-й армии 22 февраля приказало 305-й дивизии не позднее 26 февраля взять деревню Оссия в 3,5 км южнее Малого Замошья и наступать вдоль железной дороги Новгород — Батецкая — Ленинград, на платформы Большая и Сиверсово, прикрыв одним полком дорогу от Нёкохово на Долгово⁵⁴. Это значило, что дивизия идет на Новгород, блокируя и обходя отдельные узлы сопротивления. 305-я дивизия полностью разгромила в тех боях испанскую дивизию, но взять Оссию не смогла

из-за большого некомплекта личного состава, потому что ее не успели пополнить перед началом операции, в отличие от других дивизий. По состоянию на 22 февраля 1942 г. 305-я дивизия насчитывала всего-навсего 437 чел., не считая артиллеристов. Из 437 чел. в стрелковых полках имелось 346 стрелков и 91 автоматчик. По полкам они распределялись следующим образом: 1000-й стрелковый полк — 145 стрелков и 28 автоматчиков; 1002-й стрелковый полк — 115 стрелков и 18 автоматчиков; 1004-й стрелковый полк — 86 стрелков и 45 автоматчиков⁵⁵. По численности это не полки, а роты. И все же они разгромили врага. Испанский гарнизон в Осии заменили немецкие и голландские части. Остатки испанцев отвели в тыл.

25 февраля, накануне намеченной операции 305-я дивизия получила пополнение. Однако 26 февраля командование фронта неожиданно отменило наступление и приказало 267-ю и 259-ю стрелковые дивизии переподчинить 59-й армии и направить назад через коридор к Спасской Полисти для обеспечения правого фланга ударной армии. Вместо убывших дивизий КА.Мерепков 26 февраля передал 52-й армии 366-ю дивизию и 23-ю бригаду. Они занимали юго-восточные рубежи во 2-й ударной армии, рядом с 305-й дивизией, в направлении на Новгород⁵⁶. Это направление по-прежнему оставалось главным для 52-й армии. Но для проведения большой операции у нее не хватало сил. Накануне 25 февраля численность стрелковых полков в ее дивизиях не превышала 700-800 чел., а положенные дивизиям по штату танковые батальоны полностью отсутствовали, кроме 305-й дивизии⁵⁷. К 25 февраля 52-я армия получила маршевые пополнения, но численность личного состава так и не превысила трети или в лучшем случае половины штатного расписания. Это видно из приведенной выше таблицы о составе и вооружении стрелковых дивизий 52-й армии на 25 февраля 1942 г. Такое же положение с вооружением и личным составом существовало и в 59-й армии.

59-я армия прикрывала с севера дорогу, по которой шла в наступление 2-я ударная армия. Эта дорога в давние времена имела для местных жителей огромное значение. Она соединяла лесные деревушки с главным трактом России Москва-Петербург. Появление железной дороги Новгород — Батецкая — Царское Село — Петербург упростило связи здешнего населения с большим миром. Но люди продолжали пользоваться старой дорогой и поддерживать на ней бревенчатый настил, необходимый в сыром, заболоченном лесу. Когда сюда

пришли германские захватчики, эта коммуникация стала связывать их передовые позиции с глубоким тылом. Они укрепили несколько километров дороги песчаной подушкой, залив ее водой на морозе⁵⁸. С началом боев на Волхове значение лесной дороги еще больше возросло, а прорыв 2-й ударной армии сделал дорогу чрезвычайно важной. Она являлась единственной коммуникацией, проходившей через коридор, однако враг простреливал ее насквозь. Поэтому 59-я армия вела постоянные атаки в северном направлении, стараясь "смотать" вражескую оборону вдоль шоссе Новгород-Чудово. Борьба за дорогу стала частью общей задачи 59-й армии по разгрому Чудовской группировки противника. Но случилось так, что в сражение здесь вступила первой 327-я стрелковая дивизия 2-й ударной армии, а войска 59-й армии подошли сюда несколько дней позже. 327-я дивизия после взятия Коломно вместе с 44-м лыжбатом начала с 22 января наступление на село Спасская Полисть. Этому селу посвящена шестая глава в знаменитом произведении А.Н.Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву". Тогда, в XVIII веке, село называлось несколько иначе: Спасская Полесь, тут была почтовая станция и стоял путевой дворец императрицы Екатерины П. С 1896 г. село стало волостным центром⁵⁹. Немецкие оккупанты превратили Спасскую Полисть в мощный узел обороны. Отсюда они постоянно угрожали коридору в Мясном Бору. Взять село мешала деревня Коляжка. Она располагалась в 3 км севернее Спасской Полисти, у шоссе Новгород-Чудово. 1102-й и 1098-й стрелковые полки 327-й дивизии бросили на Спасскую Полисть, а чтобы отрезать село от других вражеских гарнизонов, 1100-й полк атаковал деревню Коляжка. Он подошел к деревне и расположился на опушке леса. Затем один батальон полка занял деревенское кладбище, обнесенное валом. Оно находилось между лесом и деревней и являлось удобным плацдармом для наступления. Противник контратаковал батальон, бой за кладбище шел весь день. Два наших легких танка Т-60 сгорели, в стрелковых ротах оставалось по 17-20 чел. Из-за больших потерь батальон покинул кладбище и отошел за 800 м на опушку леса. Здесь его бойцы впервые за много дней получили горячую пищу из полевой кухни. Людям дали немного отдохнуть и командир полка приказал вернуться на прежнюю позицию, куда уже перебросили артиллеристов с 45-мм пушкой. Однако дойти до кладбища батальон не смог, так как немцы освещали поле перед ним ракетами и вели пулеметный огонь. Нашим бойцам пришлось встретить рассвет на пол-пути в снегу на морозе. Оказалось, что это их спасло, потому что с рассветом противник

открыл по опушке леса сильный минометный огонь и вел его 40 мин., после чего позиции полка бомбили три самолета. Немецкий гарнизон в небольшой деревне мог позволить себе такую роскошь — вызвать на подмогу авиацию. Наша пехота в 1942 г. могла об этом только мечтать. После налета авиации тяжелый германский танк выполз из деревни и, прикрываясь сгоревшими советскими танками, открыл прицельный огонь по опушке. Немецкая пехота цепью пошла в наступление. Пулеметная рота 1100-го полка открыла по врагу огонь. Немецкий танк находился от наших пулеметов в 100-200 м, но первое время не замечал их. Артиллеристы 45-мм пушки расстреляли все снаряды по немецкой пехоте и не могли поразить вражеский танк. Немцы упорно атаковали, они приблизились настолько, что начался бой гранатами. Теперь немецкие танкисты заметили наших пулеметчиков и накрыли их своими пулеметами. Остатки батальона отошли к лесу и тут наконец-то заработала советская артиллерия — К.А.Мерецков прислал реактивную установку. Залп "эресов" обратил немцев в бегство, но их танк продолжал стрелять. Бой затих только с темнотой и на рассвете опять возобновился. Остатки батальона объединили в штурмовую группу и она перебежками двинулась к деревне под сплошным минометным огнем⁶⁰. В отчаянном бою воронежцы взяли деревню, но потери у них были значительны, от батальона ничего не осталось.

Большие потери понесли и полки, натупавшие на Спасскую Полисть. Каждый дом, каждый сарай в этом большом селе немцы превратили в пулеметную или артиллерийскую огневую точку. Причем многие дома были кирпичные, старинной кладки и отличались особой прочностью. Кроме того, часть танков немцы закопали в землю, они стали дотами. Для штурма такого узла сопротивления требовалась артиллерия, танки, самолеты. Но самолетов не хватало, снарядов оставалось все

меньше, а легкие танки сопровождения завязли в сугробах у реки Полисть и подойти к селу не смогли. Тем не менее, 1102-й полк прорвался к северной окраине села, но противник контратакой с танками отбросил его назад. 1098-й полк занял южную окраину Спасской Полисти, начались уличные бои. Упорная борьба продолжалась до конца января. Но дивизия не располагала средствами для штурма таких позиций. Командование фронта помочь техникой и живой силой не могло ввиду отсутствия резервов. Атаки Спасской Полисти оказались безрезультатны⁶¹.

Во время боев 327-й дивизии за Спасскую Полисть лыжные батальоны очищали от неприятеля лес в ее тылу. В 1942 г. лес начинался западнее прибрежной деревни Кузино и доходил до шоссе и железной дороги Новгород — Чудово⁶².

1 февраля 327-ю дивизию из оперативной группы И.Т.Коровникова в 59-й армии вернули в состав 2-й ударной армии. Дивизия перешла к Мясному Бору и двинулась через коридор⁶³.

После 327-й дивизии под Спасской Полистью сражались два полка 382-й стрелковой дивизии. Ночью 1267-й стрелковый полк 382-й дивизии скрытно прошел через старый сосновый лес и оказался в 200 м перед немецкими траншеями между железной дорогой и шоссе. После артподготовки красноармейцы преодолели вражескую траншею и прорвались на восточную окраину Спасской Полисти. Одновременно второй полк— 1265-й — преодолел оборону неприятеля у д. Мостки и, выйдя в немецкий тыл, начал наступление на Спасскую Полисть с запада. Против 1265-го полка немцы бросили в контратаку большую группу танков с десантом автоматчиков. Танки, взметая снег, надвигались быстро и вдруг остановились, хотя гусеницы продолжали вертеться. Стало ясно, что танки застряли в сугробах. По ним ударили наши орудия и минометы. Три танка загорелись, остальные начали медленно отходить к железной дороге. Бутылками с горючей смесью бойцы подожгли еще два танка. Противник бежал. Немцы в Спасской Полисти оказались в окружении. Однако прорвавшийся к ним в тыл 1265-й полк майора Дормидонтова тоже попал в кольцо, т.к. неприятель закрыл прорыв у Мостков. Для снабжения полка командование фронта направило самолеты.

Тем временем около 100 немцев пробрались в тыл 1267-го полка и вышли к его штабу. Их заметили, когда они уже развернулись в цепь. Офицеры и охрана штаба заставили врага отступить. Но противник вьвал самолеты. Они бомбили и штурмовали расположение штаба, осколком ранило командира полка майора Красуляка. После авиационного налета немцы снова пошли в атаку. Началась рукопашная, положение стало критическим, но в последний момент пришла помощь из полка⁶⁴. Воины 382-й дивизии продолжали бои за село. В одной из атак они прорвались к центру Спасской Полисти, но были остановлены пулеметным огнем из церкви.

С дивизией взаимодействовал 41-й лыжный батальон. Его направили в тыл врага к д.Ольховка. Но противник окружил батальон и полностью уничтожил. Уцелел лишь один взвод, который при штабе дивизии выполнял эстафетную связь⁶⁵.

Противник у Спасской Полисти неоднократно контратаковал. Наконец, ему удалось отбросить 382-ю дивизию на исходный рубеж. 17 февраля обескровленную дивизию отвели в резерв фронта, а затем передали во 2-ю ударную армию. Дивизия прошла коридор и заняла позиции на правом фланге 59-й бригады у деревень Верховье и Глубочка⁶⁶.

Нашу пехоту под Спасской Полистью поддерживал огнем 18-й арtpолк Резерва Главного Командования. Его 152-мм гаубицы крушили в щепки дзоты противника. В одну из морозных ночей разведгруппа полка во главе с лейтенантом А.Ф.Гавриловым проникла на окраину Спасской Полисти. Там среди сараев группа обнаружила немецкую минометную батарею. Разведчики отошли в лес и, дождавшись нашей атаки с фронта, ударили по вражеской батарее с тыла. В этом бою сержант Н.Клыков обнаружил в одном из блиндажей карту со схемой немецкой обороны. За умелые и отважные действия все разведчики получили ордена и медали⁶⁷. Но даже располагая столь ценными сведениями, которые добыли разведчики, наши войска не смогли сломить сопротивление врага в Спасской Полисти. Для этого требовалось гораздо больше орудий и снарядов, чем располагали 18-й арtpолк РК и арtpолки стрелковых дивизий, а кроме того, бронетехника более многочисленная и мощная, чем легкие танки Т-60, имевшиеся у нас под Спасской Полистью.

После ухода от Спасской Полисти 382-й стрелковой дивизии ее позиции там перешли к другим соединениям 59-й армии. Наряду с овладением Спасской Полистью 59-й армии предстояло завершить прорыв на своем участке немецкого рубежа по реке Волхов. 24 января соединения армии начали подготовку к продолжению операции против прибрежной обороны немцев. 27 января командарм И.В.Галанин приказал начать наступление утром следующего дня. Главный удар наносил левый фланг армии — 377-я, 372-я и 92-я стрелковые дивизии. 377-я дивизия 28 января прорвала вражеские позиции вдоль Волхова между Селищенским Поселком и деревней Прилуки и сделала попытку пробиться на запад, за шоссе и железную дорогу, к Спасской Полисти. Но преодолеть шоссе не удалось.

Первый командир 372-й дивизии полковник Н.П.Коркин был ранен еще при захвате плацдарма у деревни Водосье и его сменил полковник А.Ф.Попов. 372-я дивизия, наступавшая севернее 377-й, от деревни Порожки и болота Лебединый Мох, завязала в тяжелых боях на рубеже вдоль Волхова у деревни Кипрово. Из-за слабой артиллерийской поддержки она несла большие потери, отдельные дзоты переходили из рук в руки, а 2 февраля противник контратакой потеснил ее 1236-й и 1238-й стрелковые полки. Комдив А.Ф.Попов остановил бегущих бойцов и сам повел их в атаку. В бою он погиб, но деревня была взята. Новым комдивом стал полковник Д.С.Сорокин. Продолжая наступление, вечером 6 февраля 1236-й и 1238-й полки прорвались к деревне Малое Опочивало, расположенной у шоссе, севернее Спасской Полисти. Подтянув дополнительные силы, неприятель окружил оба полка. Командиры полков С.П.Кошкарев и В.Ф.Лепешко приказали занять круговую оборону и успешно отражали вражеский натиск. В ночь на 18 февраля окруженные прорвались на восток к деревне Кипрово, где занимал позиции второй эшелон дивизии — ее 1240-й стрелковый полк.

Удачнее действовали другие войска 59-й армии, наступавшие севернее. 6 февраля 25-я стрелковая бригада овладела прибрежной деревней Вергежа, а 8 февраля захватила соседнее селение Пересвет-Остров. Еще севернее 53-я бригада взяла деревню Дымно. Рядом с нею сражалась 92-я дивизия. В упорных боях она прорвала позиции противника, пробилась к шоссе и железной дороге, штурмом захватила деревни Овинец и Михалево севернее Спасской Полисти⁶⁸.

Внешне эти успехи кажутся более чем скромными. Но вспомним, что у наших воинов почти не было снарядов и минометных мин. Они шли в атаку в лютый мороз, при абсолютном господстве немецкой авиации. Вот как описывает эти бои их участник, бывший командир огневого взвода полковой батареи 22-го полка 92-й дивизии Н.П.Бородавка: "В одном из боев за эту железнодорожную линию командир одного из батальонов 22-го стрелкового полка Марципака попросил меня перед наступлением пехоты обработать передний край немцев пушками. Я ответил, что стрелять по площади не могу, так как у меня только 7 снарядов на пушку. Комбат разволновался, резко выругался и приказал батальону попластунски и частыми перебежками идти на сближение с противником. Пехота пошла. И немцы открыли по ним такой шквальный огонь из пулеметов, автоматов и минометов, что снег кипел вокруг наступающих. Я не выдержал и приказал обоим расчетам прямой наводкой ударить по двум дзотам, которые, как мне

показалось, вели особенно интенсивный огонь. Расчеты молниеносно выполнили мой приказ. С первого же снаряда (фугаски) полетела вверх земля и бревна правого дзота. Вторая пушка сделала три выстрела, но промазала. Видимо, испугавшись артогня, и второй дзот замолчал. Комбат, наблюдая за стрельбой из пушек, воодушевился и только просил: "Ну, добей, добей левый дзот, остальные добьет моя пехота". Но мои пушки замолчали. Стрелять было нечем. И когда пехота поднялась в атаку, дзот снова накрыл наших бегущих солдат сумасшедшим пулеметным и минометным огнем. Наступление захлебнулось. Боевое задание было не выполнено, хотя батальон потерял половину личного состава⁶⁹. После боев за Овинец и Михалево 92-я дивизия сражалась за Спасскую Полисть, но в середине февраля прекратила атаки из-за больших потерь - более 60% личного состава⁷⁰. Обескровленную дивизию отвели в резерв.

Севернее группировки, наступавшей на Спасскую Полисть, сражалась 378-я дивизия. С 23 января она тоже находилась в группе генерала И.Т.Коровникова. 1 февраля дивизия начала наступление между деревнями Вергежа и Коломно на деревню Остров, захватила ее и, продвигаясь дальше, перерезала шоссе севернее Спасской Полисти. На исходе 3 февраля 378-й дивизии приказали передать свой рубеж 92-й дивизии и наступать за шоссе, в обход Спасской Полисти, на деревню Большое Опочивалово. 378-я дивизия неоднократно пыталась выполнить поставленную задачу, но огневой заслон неприятеля преодолеть не смогла, несмотря на большие потери. 9 марта погиб полковник П.И.Дорофеев и с 10 марта командиром 378-й дивизии стал полковник Г.П.Лиленков⁷¹.

Главная цель наступления 59-й армии — взять Чудово — достигнута не была. Не удавалось решить и более близкую задачу - преодолеть вражескую оборону у Спасской Полисти. Однако в ходе этих боев 59-я армия вышла на значительном протяжении к шоссе Новгород — Чудово севернее и южнее Спасской Полисти, от Пересвет-Острова на севере до Мостков на юге. Одновременно 2-я ударная армия, прорвавшись в глубину расположения противника, развивала наступление по всем направлениям, в том числе на севере, параллельно шоссе и железной дороге Новгород-Чудово. В результате немецкие войска, расположенные вдоль шоссе, были зажаты между двумя нашими армиями. Такое же полуокружение противника, но в гораздо меньшем масштабе, создали южнее Мясного Бора части 52-й армии. Из двух этих направлений главным по значению и протяженности являлись позиции врага у Спасской Полисти. Там в

полуокружении оказались 20-я механизированная, 121-я и 212-я немецкие пехотные дивизии (группа полковника Ванделя). Они вклинивались в рубежи Волховского фронта длинным "языком" в междуречьи Полисти и Глушицы и в районе севернее р.Глушицы. Ширина вклинения местами доходила до 20 км, длина — до 40 км. Южный конец "языка" упирался в северный фланг коридора 2-й ударной армии в Мясном Бору. Теперь 59-й армии наряду с овладением Спасской Полистью предстояло ликвидировать вражеский клин. Командование фронта решило выполнить обе задачи сразу, встречными ударами: со стороны шоссе, в западном направлении и из района, занятого 2-й ударной армией, — в восточном направлении. Для этого 4-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-лейтенанта А.И.Андреева, входившая прежде в состав 4-й армии, а теперь переданная в подчинение фронта, прошла 5 февраля через коридор в Мясном Бору. Продвигаясь на север параллельно шоссе, она заняла позиции у деревни Сенная Кересть и Ольховских хуторов. В тот же день 4-я гвардейская дивизия и 59-я армия начали встречные бои. Командование фронта усилило 4-ю гвардейскую дивизию 172-м лыжным батальоном, который, таким образом, передавался из 52-й в состав 2-й ударной армии. Кроме того, на помощь гвардейцам перебрасывалась 24-я стрелковая бригада. Лыжбату и бригаде приказали передать прежние позиции 111-й стрелковой дивизии и перейти из-под Земтиц к Ольховке. 11 февраля 172-й лыжный батальон присоединился к 8-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Никитина и занял позиции на правом фланге полка прямо в замерзшем болоте Гажьи Сопки. Там лыжбат заменил один из стрелковых батальонов, где почти не осталось бойцов. Гвардейцы и лыжники упорно штурмовали Ольховские хутора. Хутора состояли почти из 50 домов, каждый из которых немцы превратили в укрепленную огневую точку, а наши войска атаковали врага прямо в лоб. Поэтому бои за хутора были затяжными и кровопролитными. Они не прекращались весь февраль, продолжались и в марте, но большого успеха не имели. Удалось отбить у врага лишь несколько домов и траншей⁷².

Одновременно с боями за Спасскую Полисть 59-я армия вела бои за прибрежную деревню Соснинская Пристань и располагавшуюся рядом фабрику "Коминтерн", где еще оставались гарнизоны противника. Фабрика и деревня находились чуть севернее имения поэта Г.Р.Державина "Званка", напротив Сенной Керести и Большого Опочивалова. В середине февраля взять Соснинскую Пристань и

фабрику приказали 1269-му полку 382-й дивизии, который по-прежнему оставался в распоряжении командования 59-й армии. Полк бросился на деревню почти без подготовки и атака не удалась. Тогда 15 разведчиков лейтенанта К.Смирнова пробрались через вражеские позиции, забросали гранатами дзот и землянку и взяли пленного. Пленный показал брешь в обороне, через которую полк ночью прошел в тыл неприятеля и ликвидировал узел сопротивления⁷³.

В середине февраля на Волховском фронте несколько улучшилось медико-санитарное обеспечение войск, наладилась эвакуация раненых и работа госпиталей. 11 февраля на фронт прибыли собачьи нартовые упряжки для эвакуации раненых с поля боя. Но противник усилил авиационные налеты. Особенно охотно он бомбил госпитали, размещенные в населенных пунктах. 15 февраля хирург А.А.Вишне夫斯基, находясь в Новой Керести в полевом госпитале № 179, записал в дневнике: "День прошел в непрерывных налетах. Раненых главным образом перевязывают, кормят, обогревают и по возможности стараются эвакуировать. Противник бомбит с большой высоты. Все нервничают. Говорят все время о том, что мало готовились к войне. А ведь в мирное время были такие, что жаловались на то, что слишком много на войну тратим"⁷⁴. Элементарные основы военного искусства в век техники не допускают размещения войск и военных учреждений на длительный срок в населенных пунктах прифронтовой полосы, где они могут подвергаться воздушным и даже артиллерийским ударам. Тем не менее в 1941—1945 гг. командование Красной Армии разных уровней нередко размещалось само и располагало войска в только что освобожденных городах и селах. Это вызывало немедленные налеты вражеской авиации и сопровождалось большими потерями, как, например, при первом освобождении Харькова 16 февраля 1943 г. Во 2-й ударной армии размещение войск в населенных пунктах у линии фронта первоначально определялось сильными морозами и высокими темпами наступления, а в дальнейшем было вызвано головотяпством и надеждой на "авось — пронесет". Зенитных средств не хватало и от зенитчиков требовалась не только смелость, но и большое умение. 13 февраля немецкие самолеты бомбили госпиталь в Новой Керести, одна бомба попала прямо в операционную, хирург, сестра и санитар погибли. Зенитчики сбили один бомбардировщик. Налет произвел большое впечатление на хирурга А.А.Вишневского, который приехал сюда накануне. Немедленно последовало его распоряжение о передислокации всех госпиталей из прифронтовых деревень под

защиту леса. Однако инерция у людей оказалась сильнее страха. Вот что писал А.А.Вишневский в дневнике на следующий день после налета: "14 февраля. Сегодня авиации противника с утра нет. Все повеселели, успокоились и начали потихонечку противиться моему распоряжению о передислокации госпиталя в лес. Палатки переносить не хочется, площадку для развертывания найти не могут и т.п. Понадобилось несколько крепких слов, чтобы заставить сделать все это". Отдав необходимые распоряжения, Вишневский отправился назад, за Волхов, но на втором километре обратного пути его машина попала под минометно-пулеметный огонь⁷⁵ — противник начал операцию против коридора в Мясном Бору.

Как только прекратились атаки Спасской Полисти, немцы перешли в контрнаступление и опять захватили деревню и разъезд Мостки и Любино Поле. Возникла непосредственная угроза горловине прорыва. К.А.Мерецков приказал 111-й дивизии выбить противника и восстановить положение. Дивизия раньше числилась в 59-й армии, теперь ее передали во 2-ю ударную. Однако в прорыв войти она не успела и пока оставалась в районе шоссе. Для обеспечения действий командование дивизии стянуло на один участок 120 орудий. Половину артиллерии комдив С.В.Рогинский выделил для стрельбы прямой наводкой. Ночью 14 февраля 111-я дивизия заняла исходные позиции рядом с 22 стрелковой бригадой. Утром 15 февраля дивизия и бригада взяли Любино Поле и Мостки внезапной атакой. Продолжая наступление, 111-я дивизия подошла вплотную к Спасской Полисти, обошла ее с запада и перерезала дорогу, которая вела к деревне Ольховка, стоявшей в 9 км от Спасской Полисти. В результате горловина прорыва расширилась до 13 км и пулеметный огонь противника перестал угрожать коридору. К тому времени несколько расширился и сам плацдарм по Волхову, ширина его достигла 35 км⁷⁶.

В эти дни на левом фланге прорыва 2-й ударной армии совершил подвиг заместитель политрука одного из лыжных батальонов Е.Загаров. Он бегло говорил по-немецки и однажды, находясь в разведке за линией фронта, захватил немецкого связного, который направлялся в штаб испанской дивизии. Загаров взял у немца донесение и явился в штаб вместо него, разумеется, в немецкой форме. В штабе он сумел объясниться с испанским офицером и получил другой пакет для германского штаба. Возвращаясь с этим пакетом через линию фронта, Загаров был ранен шальной пулей, но все-таки дошел до своего комбата майора

Рыскалова. Вскоре девятнадцатилетний Загаров отличился во второй раз. Случилось так, что рота финских лыжников вышла в наш тыл к Сенной Керести у правого фланга прорыва, прямо к штабу лыжного батальона. По приказу комиссара батальона Андиганова Загаров быстро собрал людей из хозяйственного взвода и вел бой до тех пор, пока посланный гонец не привел на помощь главные силы батальона. Загаров в бою получил ранение в голову⁷⁷.

Ввод в прорыв новых частей, развитие наступления и удлинение в связи с этим коммуникаций потребовали увеличить и ускорить доставку грузов во 2-ю ударную армию. Однако повысить пропускную способность единственной дороги через коридор не представлялось возможным. Требовалась по крайней мере еще одна дорога и тогда в феврале по соседней просеке, расположенной в 500 м правее, начали прокладывать вторую коммуникацию. Закончили ее уже в марте. Первую дорогу стали называть Южной, вторую — Северной. Так они называются и сегодня и все также идут параллельно одна другой строго на северо-запад, через лесные речушки Полисть и Глушила до реки Кереть.

17 февраля в штаб Волховского фронта приехал новый представитель Ставки маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, главком всего Северо-Западного направления. Талантов полководца он не имел, их создала ему сталинская пропаганда, немало потрудились советское искусство и литература. Ворошилов выдвинулся в гражданскую войну и на всю жизнь так и остался убежденным большевиком-комиссаром. Но в основе его карьеры лежала не ортодоксальность убеждений, а личная преданность Сталину. Дружба между ними началась еще осенью 1918 г., в период боев за Царицын. С тех пор Ворошилов и Сталин поддерживали и двигали друг друга вверх, пока оба не заняли самые высокие посты в государстве. С приездом Ворошилова Мерецков вздохнул по-свободнее - ведь Ворошилов сменил здесь Мехлиса, которого Ставка переводила своим представителем на Крымский фронт.

Рис.

Ворошилов привез требование Ставки активизировать действия на Любанском направлении. Операция получила название "Любанской". 19 февраля в присутствии Ворошилова собрался Военный совет фронта. Члены Совета полагали необходимым дать войскам небольшой отдых, перегруппировать силы, подвезти боеприпасы. В помощь командованию 2-й ударной армии решили направить начальника артиллерии фронта генерал-майора В.Э.Тарановича и начальника

бронетанковых войск фронта генерал-майора А.В.Куркина. Они должны были обеспечить наилучшее использование технических средств при наступлении на Любань, компенсировать недостаток техники ее умелым применением. Но не успели они выехать в войска, как наступление началось. Трудно сказать, почему так поторопились с наступлением. Может быть противник начал оказывать слишком сильное огневое воздействие на собранные для удара войска, а может, причиной являлся нажим со стороны Ставки и Ворошилова? Возможно и другое объяснение: приезд Ворошилова совпал с 24-й годовщиной образования РККА, а советская традиция требовала отмечать каждую годовщину какого-либо события обязательным трудовым или боевым достижением.

Как только на острие прорыва началась операция по взятию Любани, Ворошилов в сопровождении Мерецкова переправился на плацдарм. Надо отдать должное личной храбрости маршала — он не побоялся оказаться под немецкими бомбами. Ворошилов отправился в войска, стараясь узнать правду о боевых возможностях волховских армий. Войска встречали "первого маршала" исключительно тепло, как живую легенду. Его приезд значил для фронтовиков очень многое. Люди убеждались, что они не забыты, высшее командование о них помнит и сам Ворошилов приехал на помощь. Речи Ворошилова укрепляли боевой дух, поднимали веру в победу. Особенно большое впечатление произвел в войсках приезд Ворошилова во 2-ю ударную армию. Ведь для этого надо было проехать через коридор в Мясном Бору и дальше по опасным фронтовым дорогам. В глухом лесу у Новой Керести маршал Ворошилов посетил редакцию газеты 2-й ударной армии "Отвага". Она размещалась среди вековых сосен в просторной сухой землянке, где прежде укрывались партизаны⁷⁸. Отсюда на танкетке он отправился 25 февраля в деревню Дубовик в штаб 13-го кавкорпуса, чтобы лично наблюдать за операцией по взятию Любани. Кстати, там же, в Дубовике, находился штаб 366-й стрелковой дивизии. По пути от Новой Керести в Дубовик Ворошилов ненадолго заехал в село Вдицо. Одно время в этом селе после переезда из Малых Вяжищ находился штаб 13-го кавкорпуса. Затем штаб перебрался в Дубовик, а во Вдицко разместился 364-й полевой передвижной хирургический госпиталь. Упомянутый выше приказ А.А.Вишневого о передислокации госпиталей заставил начальника 364-го ППХГ Юмаева эвакуировать свое хозяйство в соседний березовый лес. Село было важным опорным пунктом и его прикрывала от немецких самолетов батарея 37-мм

зенитных пушек. В день приезда Ворошилова она сбила "юнкере", четырех летчиков взяли в плен, у пятого не раскрылся парашют. Вечером прилетели 14 "юнкерсов" и то ли в связи с приездом Ворошилова, то ли мстя за сбитых товарищей, засыпали село бомбами⁷⁹.

Находясь в Дубовике, маршал подвергал себя еще большей опасности, чем во Вдицко, так как противник, кроме налетов авиации, постоянно и методично обстреливал Дубовик из тяжелых орудий. Поэтому свой командный пункт комкор Гусев предусмотрительно расположил в лесу в 1,5 км от деревни. В связи с приездом Ворошилова Гусев пригласил для доклада командиров и комиссаров отличившихся в боях частей. По воспоминаниям комиссара И.Х.Венца. Ворошилов обратился к собравшимся со следующими словами: "Сознаете ли вы, товарищи, понимают ли ваши воины, как далеко вы забрались, как близко вы подошли к Ленинграду, чтобы помочь ленинградцам, умирающим от обстрелов, а еще больше от голода и холода?". Дальше, - сообщает И.Х.Венец, — разговор шел о том, как можно добиваться успеха⁸⁰.

Приезд маршала в Дубовик не являлся секретом для противника. Вечером 25 февраля Ворошилов уехал, а утром следующего дня семь "юнкерсов" старательно сбросили на деревню тяжелые бомбы. Немецкая разведка сработала оперативно, но отъезд Ворошилова оказался слишком внезапным.

Налет причинил значительный ущерб. Одна из бомб попала в овраг, где укрылась группа офицеров штаба 366-й дивизии, и разнесла всех на куски. "Деревня Дубовик, - вспоминал очевидец, — после бомбежки представляла собой жуткую картину горящих домов, разметанной взрывами техники и инвентаря, тут и там оставшихся трупов коней. Около сотни человек убитыми и ранеными потеряли штаб корпуса и дивизии /.../. Размещение военнослужащих в деревенских домиках во время боевых действий, — продолжает тот же очевидец, — противоречит общепринятым понятиям, но в той

быстротечной операции подготовить для всех более надежное укрытие в зимнее время просто не представлялось возможным А."/>⁸¹. Деревню Дубовик, как и село Вдицко, прикрывала батарея 37-мм зенитных пушек и несколько установок счетверенных пулеметов "максим". Однако к налетам, по свидетельству очевидца, здесь привыкли и на этот раз даже не подали сигнал воздушной тревоги. Последующие налеты и большие жертвы отучили людей от беспечности и в марте

артиллеристы-зенитчики прямым попаданием в кабину сбили вражеский самолет, который пикировал на батарею⁸².

Во время налета на Дубовик 26 февраля погиб поэт Всеволод Эдуардович Багрицкий, сын известного поэта Э.Г.Багрицкого. Он служил литературным сотрудником в редакции газеты "Отвага". До последнего времени считалось, что он погиб в тот момент, когда, находясь в избе, брал интервью у одного из раненых командиров 13-го кавкорпуса. Но недавно опубликовано свидетельство местного жителя В.Н.Николаева, в доме которого, как полагали, погиб от взрыва бомбы В.Э.Багрицкий. В.Н.Николаев рассказывает, что его дом остался цел, вылетели только стекла, а поэт погиб не в доме, а был убит пулеметной очередью с вражеского самолета в 20 метрах от избы на льду реки Тосно вместе с неизвестным офицером и девушкой-санитаркой. Погибших отнесли в дом Николаева, откуда на следующий день тело Багрицкого увезли на редакционной полуторке⁸³. Похоронили его на перекрестке фронтовых дорог у Новой Керести в гробу, сооруженном из ворот крестьянского сарая. На место Багрицкого в редакцию прибыл другой поэт — Муса Джалиль (старший политрук М.М.Залилов). Художником в редакции "Отваги" служил московский ополченец скульптор Е.В.Вучетич, уже успевший повоевать рядовым бойцом в 33-й армии. Когда Багрицкий погиб, Е.В.Вучетич вырезал на листе фанеры эпитафию для его могилы со строками стихов М.И.Цветаевой:

"Я вечности не приемлю, Зачем меня погребли? Мне так не хотелось в землю С любимой моей земли"⁸⁴.

Без обозов не пропадая, Без орудий летят полки, К гривам спутанным припадая,
Пулеметчики бьют с луки. И слышать уже вечерами В дальнем блеске лесной зари
-Отзываются им громами Ленинградские пушкири. П.Н.Шубин. "Снег идет".

Глава III. ЛЮБАНЬ

Любань, которую предстояло взять ударной армии, была небольшим городком (3,5 тыс. жителей) на старинном тракте Москва-Петербург. А.Н.Радищев упоминал ее в "Путешествии" вместе с Чудово и Спасской Полицейской. Тогда, в XVIII в., города еще не существовало, а имелось селение Любани Новгородского уезда. В начале XIX в. его называли Любынь, современное название появилось позже. В конце XIX в. возникла Любанская волость, но центром ее опередили село Померанье,

хотя уже тогда Любань (Любань-Горка) стала крупным поселком. Современное название и новый статус были официально утверждены 3 июня 1917 г., когда постановлением Временного правительства поселок Любань-Горка преобразовали в город Любань¹. Железнодорожная станция Любань размещается западнее города, в окружении огромного заболоченного леса. В северо-западной части леса располагается озеро Большие Мхи. На пути наших войск к Любани находилась Красная Горка. Так назывался холм, на котором стоял дом лесника.

80-я кавалерийская дивизия и два лыжных батальона подошли к Красной Горке утром 18 февраля. Они приготовились к наступлению и стали ждать 327-ю дивизию. Дивизия двинулась через Мясной Бор 8 февраля. В борьбе за плацдарм и Спасскую Полюсть 327-я дивизия потеряла половину личного состава и хотя получила 700 чел. пополнения, это не могло восполнить потери. Пройдя коридор, дивизия сосредоточилась в лесу у деревни Огорели в 45 км от Мясного Бора. Там находился вспомогательный пункт управления 2-й ударной армии. Комдива И.М.Антюфеева вызвали туда для доклада. Его приняли командарм Н.К.Клыков и сам комфронта К.А.Мерецков. По просьбе И.М.Антюфеева дивизии предоставили три дня, чтобы отдохнуть и подтянуть тылы.

После доклада И.М.Антюфеев верхом на коне отправился к себе в дивизию, но по дороге его догнал на машине адъютант Н.К.Клыкова и передал приказ вернуться на командный пункт армии. Выяснилось, что решение командования изменено. Антюфееву приказали немедленно, в ту же ночь, вести дивизию к Красной Горке в распоряжение комкора Н.И.Гусева. Опять воронежцам предстояло вступить в бой с ходу, после тяжелого 25-км марша по снежной целине.

Первым в назначенный район вышел 1100-й стрелковый полк и Н.И.Гусев немедленно включил его в передовой отряд для наступления. Кроме полка в отряд вошли 80-я кавдивизия, два лыжных батальона и все наличные силы 7-й гвардейской танковой бригады — около роты танков. Утром 19 февраля 80-я кавалерийская дивизия вошла в боевое соприкосновение с 454-й пехотной дивизией верхмата. 20 февраля кавалеристы овладели Красной Горкой, прорвали оборону противника и двинулись к Любани. Кавалеристов поддерживал 18-й артполк РКК, он вел сокрушительный огонь по врагу из 152-мм гаубиц. Вслед за кавалеристами в прорыв вошел 1100-й полк. 39-му и 42-му лыжбатам приказали обеспечить действия передового отряда с запада и перекрыть дорогу между деревнями Сустье Полянка и Верховье, в 5 км восточнее деревни Глубочка.

Главные силы конного корпуса остались у основания прорыва: 87-я кавалерийская дивизия по-прежнему вела бои на рубеже Крапивно-Червинская Лука. Части 25-й кавдивизии после короткого отдыха у Финева Луга подошли к Красной Горке и начали боевые действия на западной опушке леса в районе высот 76,1 и 59,3 для расширения прорыва. Тем временем на острие прорыва 80-я кавдивизия и 1100-й полк, успешно продвигаясь, вышли к реке Сычева.

К утру 23 февраля к Красной Горке и реке Сычева подошли 46-я стрелковая дивизия и 22-я бригада². Концентрация сил для удара на Любань продолжалась. "На волховском участке, — отметил в "Дневнике" 24 февраля Ф.Гальдер, — противник усиливает свой натиск на север, в направлении

Любани"³. Обеспокоенное командование вермахта перебросило к Любани из-под Ленинграда части 212-й пехотной дивизии.

Волховские партизаны не располагали достаточными силами, чтобы помочь Красной Армии встречным ударом, подобно тому, как это сделала 2-я партизанская бригада в полосе Северо-Западного фронта. Там партизаны в ожидании Красной Армии 18 января 1942 г. захватили город Холм. Волховские партизаны ограничились налетом на Любань в ночь на 23 февраля. Противник решил, что город окружен и вызвал подкрепления из Чудово и Тосно. Партизаны благополучно отошли⁴, но прибывшие силы врага увеличили гарнизон города. Удачное нападение, несомненно, подняло боевой дух партизан. Однако, данное мероприятие, проведенное в честь очередного советского праздника, могло бы иметь гораздо больше последствия в случае его согласованности с наступлением 2-й ударной армии.

А войска армии еще только готовились к штурму города. С рубежей реки Сычева разведчики 327-й дивизии вели усиленную разведку подходов к станции Любань. Разведка была особенно необходима в связи с крайней ограниченностью боевых запасов дивизии: на каждую пушку имелось только пять снарядов, патронов тоже не хватало, бесприцельная стрельба из винтовок и пулеметов категорически запрещалась. Разведчики выяснили, что с северо-западной стороны у противника нет глубокой обороны и командование решило нанести удар с этого направления. Утром 25 февраля 100-й кавалерийский полк 80-й дивизии вновь перешел в наступление на Любань, но в 4 км западнее поселка Варшавский, у сараев, его остановил пулеметный огонь немецких дзотов. С воздуха наступающие части подверглись сильному авиационному воздействию противника, причем были

убиты почти все лошади. В результате кавалеристы превратились в обычную пехоту, а пехота лишилась подвижной артиллерии, т.к. орудия передвигались на конной тяге. Затем немецкие самолеты обрушились на главные силы группы Н.И.Гусева — на 87-ю и 25-ю кавалерийские дивизии, 22-ю бригаду, два полка 327-й дивизии и танковую бригаду⁵. "Зенитных средств защиты, -вспоминал командир 327-й дивизии И.М.Антюфеев, — у нас было крайне недостаточно. Авиация противника с рассвета и до темноты буквально висела над нашими головами и все время бомбила и обстреливала, воспрещая движение даже мелких групп. Нашей авиации не было. До наступления темноты главные силы не могли выступить вслед за передовым отрядом"⁶. Таким образом, противник контрударами с воздуха не только сразу отрезал наши войска, прорвавшиеся к Любани, но и воспрепятствовал продвижению главных сил комкора Гусева. Затем 27 февраля 225-я, 254-я и 212-я немецкие пехотные дивизии перешли в контрнаступление на Красную Горку с правого фланга прорыва, со стороны Сустья Полянки, Коровьего Ручья и Верховья. Одновременно на левом фланге в 5 км восточнее Глубочки под основание прорыва нанес удар еще один пехотный полк противника. Бои шли всю вторую половину дня. 39-й и 42-й лыжные батальоны вместе с одним батальоном 22-й бригады не смогли удержать позиции на правом фланге и отступили на восток. Для стабилизации положения пришлось ввести в дело 1102-й полк 327-й дивизии. Противника остановили, однако утраченные позиции вернуть не удалось⁷. Коридор прорыва значительно сузился. Тем не менее 327-я дивизия попыталась войти вслед за своим 1100-м полком, который прорвался еще 25 февраля, но враг отразил ее сильным огнем. "Дело в том, — рассказывал комдив И.М.Антюфеев, — что у противника в районе Красной Горки (как я сам потом убедился) в лесу были сделаны рокадные дороги со специальным настилом фабричного изготовления. По ним враг быстро перебрасывал свои резервы из других районов"⁸.

Нажим неприятеля на основание прорыва у Красной Горки возрастал с каждым часом. Утром 28 февраля немцы опять нанесли сильный удар с воздуха, после чего продолжили наступление от Верховья и Сустья Полянки. Используя техническое превосходство, противник к 18 часам восстановил свою оборону у Красной Горки. Наш передовой отряд оказался в окружении и все же продолжал пробиваться к Любани. К утру 28 февраля 80-я кавдивизия и 1100-й полк продвинулись в район северо-западнее деревни Кирково. До Любани оставалось 4

км. Разведгруппы 80-й дивизии неоднократно в течение дня пробовали выдти на шоссе и железную дорогу на участке Любань — Ушаки (северо-западнее Любани), но противник не пропустил их. Тогда наши части ударили напрямую, без разведки, и пробились к юго-западной окраине Любани. Начались бои непосредственно за город, но немцы двинули танки и отбросили красноармейцев в лес за 3 км от города. Не имея снарядов, передовой отряд перешел к обороне. На второй день в радиостанциях отряда сели батареи и радиосвязь с главными силами прекратилась. Продовольствия не было.

Боеприпасы кончились. Немцы методично бомбили и обстреливали окруженных, атаки следовали одна за другой, но сломить мужество наших воинов врагу не удалось. Они держались десять дней, пока еще оставалась какая-то надежда на помощь главных сил. И только в ночь с 8 на 9 марта 80-я дивизия и 1100-й полк уничтожили тяжелое вооружение, включая пулеметы, и с личным оружием прорвались к своим⁹.

В конце февраля — начале марта к правому флангу Любанской группировки 2-й ударной армии перебросили через Мясной Бор 259-ю стрелковую дивизию. Ее предполагалось использовать для развития успеха в боях за Любань. Маршрут дивизии проходил через деревню Ольховка. Войдя в деревню, бойцы увидели на улице лишь трупы местных жителей, живых людей здесь не было. Оказалось, что после освобождения Ольховки 27 января 87-й кавалерийской дивизией там разместились тыловые службы кавалеристов. Но незадолго до прихода 259-й дивизии они покинули деревню и тогда в Ольховку ворвались гитлеровцы со стороны Спасской Полисти. Враги не пожалели ни стариков, ни детей... Неудача Любанской операции в дальнейшем заставила использовать 259-ю дивизию на других направлениях. Она сдерживала натиск гитлеровцев на правом фланге 2-й ударной армии и сражалась у Ольховских хуторов¹⁰.

Когда 19 февраля 2-я ударная армия начала наступление на Любань, ей предстояло пройти 15 км. 54-я армия Ленинградского фронта находилась от Любани в 30-40 км. При таких условиях являлась естественной координация их усилий. Однако между соседними фронтами отсутствовала согласованность. Взаимодействие фронтов должна была заблаговременно организовать Ставка, а конкретно общее руководство следовало бы осуществлять маршалу Ворошилову. В этом и заключались его функции как главкома Северо-Западного направления. По крайней мере, он должен был предложить Ставке такое взаимодействие. Но

слишком поздно, только 28 февраля, уже после провала наступления 2-й ударной, Ставка сочла необходимым уточнить первоначальный план операции. Теперь 2-я ударная и 54-я армии должны были наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани, окружить и уничтожить Любанско-Чудовскую группировку врага и затем нанести удар на Тосно и Сиверскую для разгрома Мгинской группировки и прорыва блокады Ленинграда. Начать наступление 54-й армии приказали не позднее 1 марта¹¹.

Замысел операции не вызывал сомнений. Но при этом не учитывалось, что 2-я ударная понесла большие потери, а 54-й армии необходимо время для подготовки наступления. Ставка приказала Волховскому фронту создать в армиях ударные группировки: во 2-й ударной — из пяти стрелковых, одной кавалерийской дивизии и четырех стрелковых бригад; в 59-й армии — из трех стрелковых, в 4-й армии — из двух стрелковых дивизий. "Эти группировки были созданы, — отмечал К.А.Мерецков, — но входившие в их состав дивизии имели большой некомплект в личном составе и вооружении, не хватало боеприпасов, авиационная поддержка отсутствовала. Поэтому ударные группировки, несмотря на все усилия командного и политического состава, добиться перелома не смогли. Все наши атаки на Красную Горку отбивались противником"¹².

Более того, в разгар боев за Любань германское командование начало разрабатывать операцию по ликвидации прорыва Волховского фронта в Мясном Бору, чтобы окружить и уничтожить 2-ю ударную армию. 2 марта 1942 г., на 254-й день войны, генерал Ф.Гальдер записал в "Дневнике":

"Совещание у фюрера (курсив Гальдера — Б.Г.) в присутствии командующего группой армий "Север", командующих армиями и командиров корпусов этой группы армий.

Решение: Переход в наступление на Волхове — 7 марта (до 12.3). Авиацию сосредоточить в период 7-14.3.

Фюрер требует за несколько дней до начала наступления провести авиационную подготовку (бомбардировка складов и войск в лесах бомбами сверхтяжелого калибра). Завершив прорыв на Волхове, — продолжал Ф.Гальдер, — не следует тратить силы на то, чтобы уничтожить противника. Если мы сбросим его в болота, это обречет его на голодную смерть"¹³.

А наша Ставка настойчиво требовала взять Любань. 1 марта, когда наступавшие на Любань войска оказались в окружении, К.А.Мерецков выехал в Дубовик на

командный пункт 2-й ударной армии. Оттуда вместе с командармом Н.К.Клыковым они отправились к району боев у Красной Горки. Находясь в войсках, оба командующих лично убедились в огромном огневом превосходстве противника. "Наступательного порыва не было, — вспоминал Мерецков. — Солдаты и командиры, с которыми мы встречались, жаловались на отсутствие поддержки со стороны нашей авиации, на недостаток снарядов, на губительный артиллерийский огонь противника. Вражеская авиация

буквально висела над нашими войсками, прижимая их к земле. Особенно тяжело приходилось конникам 13-го кавалерийского корпуса /.../ Под непрерывными ударами немецкой авиации кавалерийские дивизии несли большой урон, быстро теряя боеспособность". Вернувшись в свой штаб, Мерецков созвал заседание военного совета фронта и командования 2-й ударной армии. На заседании военный совет "констатировал, — продолжает Мерецков, — что одной из причин невыполнения 2-й ударной армией задач является несогласованность в работе Военного совета и штаба армии и, как следствие, отсутствие четкого и твердого руководства войсками. Имелись случаи пренебрежительного отношения к приему пополнения: маршевые роты во время пути горячей пищей не обеспечивались, пунктов обогрева для них не было. Персональный учет раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь. Начальник оперативного отдела полковник Пахомов неоднократно прибегал к ложной информации, вводя тем самым в заблуждение командование армии и фронта"¹⁴. (Последнее обстоятельство является объяснением того, почему выше не приводились цифры потерь в ходе наступления 2 УА на Любань).

5 марта начальник оперативного отдела Пахомов и начальник штаба 2-й ударной армии генерал-майор В.А.Визжилин были заменены комбригом Бурениным и полковником П.С.Виноградовым, заместителем командарма назначили генерал-майора П.Ф.Алферьева¹⁵. Кадровые перестановки, вероятно, имели смысл, однако не могли заменить танки и самолеты. Предпринимались они больше для очистки совести, да еще для создания видимости работы в случае очередной проверки сверху. Положение после них намного не улучшилось, а проверка как раз и последовала через четыре дня.

9 марта из Москвы прилетел "Дуглас". В самолете находились К.Е.Ворошилов, Г.М.Маленков, два генерал-лейтенанта — А.А.Власов и А.А.Новиков и другие командиры высоких рангов. Члены Государственного Комитета Обороны

Ворошилов и Маленков приехали координировать действия Волховского и Ленинградского фронтов в Любанской операции. Генерал-лейтенант А.А.Новиков в начале войны командовал авиацией Ленинградского фронта, в конце февраля 1942 г. был назначен заместителем наркома обороны по авиации. Вместе с ним прилетели генерал-майоры авиации А.Е.Голованов и С.И.Руденко и несколько офицеров штаба ВВС РККА. Сталин приказал Новикову поддержать наступление Волховского фронта мощными ударами с воздуха. Предстояло организовать с 10 по 20 марта массированные удары авиации по оборонительным рубежам, аэродромам и коммуникациям противника. Для воздушного наступления привлекались восемь авиаполков из резерва Ставки, авиация дальнего действия и ВВС Ленинградского фронта. Собранные силы авиации произвели в марте 7673 боевых вылета, сбросили 948 т бомб, уничтожили в воздушных боях и на аэродромах 99 вражеских самолетов. Только на одном аэродроме в Коростовичах неприятель потерял 30 самолетов¹⁶. Это была большая помощь наземным войскам. Противнику пришлось отложить переход в контрнаступление. Однако привлечение крупных сил авиации со стороны носило временный характер, далеко не все аэродромы врага удалось парализовать, немцы перебросили к Волхову резервы авиации и в целом сохранили господство в воздухе. Остро недоставало на фронте и зенитной артиллерии. Чувствуя безнаказанность, враг обнаглел, стал бомбить и обстреливать наши войска с малых высот. Тогда сами красноармейцы в борьбе с воздушным врагом стали применять залповый огонь из винтовок и приспособили обычные станковые пулеметы для стрельбы по низколетящим целям. 19 марта 1942 г. газета "Известия" сообщила на первой полосе, что за короткий срок на Волховском фронте из стрелкового оружия воины 65-й дивизии сбили 25 немецких самолетов, воины 259-й дивизии — 21 самолет. Прилетевший из Москвы генерал-лейтенант А.А.Власов в развитии Любанской операции большой роли не сыграл, но в истории Великой Отечественной войны он занимает видное место. Его имя стало нарицательным для обозначения предательства. Измена Власова, которая произошла после неудачного завершения Любанской операции, породила много легенд. Поэтому справедливость требует рассказать о нем подробнее, его тень не должна падать на живых и мертвых. Документы и воспоминания показывают, что представлял собою этот человек. Власов был сыном крестьянина-кустаря, церковного старосты. До революции он окончил духовное училище и два курса семинарии, попутно подрабатывал

репетитором. Среднее образование завершил после революции в единой трудовой школе, откуда в 1919 г. поступил на агрономический факультет Нижегородского государственного университета. Но получить высшее образование не успел — в 1920 г. его призвали в Красную Армию и послали на курсы комсостава. В тот же год по окончании курсов Власов отправился на врангелевский фронт командиром взвода. С

тех пор служил в армии на разных должностях, в 1930 г. вступил в ВКП(б). В 1929 г. окончил курсы комсостава "Выстрел", а в 1935 г. — первый курс Военно-вечерней академии РККА и с 1938 г. командовал дивизией. Но недолго — его командировали в Китай на один год военным советником, генералиссимус Чан Кай-ши наградил Власова за оказанную помощь высшим китайским орденом Золотой Дракон, супруге Власова вручил золотые часы. В 1939 г. при возвращении в СССР орден и часы отобрали наши спецслужбы. Вернувшись из Китая, Власов принял 99-ю дивизию, которую в 1940 г. признали лучшей в РККА по боевой подготовке, а Власова наградили орденом Ленина. В этом же году он получил звание генерал-майора. В начале войны Власов командовал 4-м механизированным корпусом в районе Львова. Корпус вел жестокие бои, еще на подходе к линии фронта его разбомбила немецкая авиация, потом он неоднократно попадал в окружение, но всякий раз прорывал кольцо. Высшее командование РККА обратило внимание на военные способности Власова, он получил назначение командующим 37-й армией, оборонявшей Киев. По отзывам очевидцев, на посту командарма он действовал храбро и умело. Не растерялся и в окружении, а когда 37-я армия получила приказ идти на прорыв, Власов благополучно вышел из кольца, сохранив все документы и партбилет. Он месяц скитался по немецким тылам, но остался верен присяге. После выхода из окружения его назначили командующим 20-й армией, защищавшей Москву. 20-я армия отличилась в Московской битве. После стойкой обороны она освобождала Клин, Солнечногорск. Власова наградили орденом Красного Знамени, он побывал на приеме у Сталина. Управление кадров ЦК ВКП(б) в Справке от 24 февраля 1942 г. сообщало Сталину: "Власов аттестуется всесторонне развитым, хорошо подготовленным в оперативно-тактическом отношении командиром /.../, компрометирующих материалов на т.Власова не имеется". Со своей стороны, хорошую характеристику дал Власову командовавший Западным фронтом Г.КЖуков. Сталин отметил Власова как перспективного генерала, 7 марта

вторично вызвал его в Москву и с повышением в звании и должности перевел на новое место службы — заместителем командующего Волховским фронтом¹⁷. Власов имел боевой опыт, доказал преданность Родине, его назначение должно было укрепить командование фронта. Так или примерно так считали Ставка и Верховный Главнокомандующий. Карьера Власова была обеспечена. Весной 1942 г. Воениздат даже заказал спецкору "Фронтowej правды" К.А.Токареву книгу о Власове под названием "Сталинский полководец"¹⁸.

5-6 марта 1942 г., накануне отъезда с фронта в Москву, Власова посетил корреспондент "Красной Звезды" писатель И.Г.Эренбург. Они встречались сначала в штабной избе в деревне Лудила Гора под Волоколамском, а на следующий день — во фронтовом блиндаже. И.Г.Эренбург описал эту встречу в книге воспоминаний "Люди, годы, жизнь". "Он меня изумил прежде всего ростом, — рассказывал Эренбург, — метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами — говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался и меня в то же время коробило — было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах /.../

На следующий день солдаты говорили со мною о генерале, хвалили его: "простой", "храбрый", "ранили старшину, он его закутал в свою бурку", "ругаться мастер"..."

Эренбург говорит, что Власов отдавал должное противнику, в частности, дисциплине, организованности и порядку в германской армии. Когда Власов хотел похвалить что-нибудь, то повторял: "Культурно, хорошо". "Часто, — вспоминает Эренбург, — он вставлял в рассуждения поговорки, прибаутки, были такие, каких я раньше не знал; одну запомнил: "У всякого Федорки свои отговорки". Еще он говорил, что главное — верность; он об этом думал в окружении. "Выстоим — верность поддержит...". И вот какой вывод сделал тогда И.Г.Эренбург из своих впечатлений о Власове: "Мне он показался интересным человеком, честолюбивым, но смелым; тронули его слова о верности"¹⁹.

Любопытно взглянуть, как характеризовали в то время Андрея Андреевича Власова его сослуживцы. Опубликованы показания майора Н.Кузина, адъютанта Власова по 20-й и 2-й ударной армиям. Правда, они отражают мнение одного человека, написаны уже в 1943 г. и для органов НКВД, но все же позволяют составить определенное представление о личности Власова. Кузин пишет, что "Власов очень вспыльчив и груб со своими подчиненными. Бывали случаи, когда

он не только изругает начальника отдела, а форменным образом выгонял из кабинета.

Власов очень самолюбив, считал, что только он способен и может работать, а остальных командиров без стеснения называл лодырями и дармоедами /.../".

Из этих слов Кузина можно сделать вывод, будто Власов всего себя отдавал службе, "горел на работе". Но вот дальше Кузин добавляет: "Успехи 20-й армии под Москвой по разгрому немцев вскружили ему голову, и особенно после того, как он был вызван в Москву /.../ Он рассказывал, что был у тов. Сталина, что его приняли хорошо и что он внес ряд предложений, которые тов. Сталин одобрил. Этим самым /.../ он давал понять, что с ним считаются, что слово его закон, и при крупных разговорах с подчиненными он употреблял выражение, что он может "с землей смешать".

Из рассказа Кузина Власов предстает человеком умным, но самолюбивым, весьма работоспособным, но с непомерно большим самомнением. Таким людям нравится командовать, высокий пост и внешние признаки власти составляют смысл их жизни. Именно поэтому их нельзя допускать к руководству, они подавляют своей активностью подчиненных, препятствуя здоровой инициативе и самостоятельности. Этот недостаток еще более усугублялся тем, что Власов, как и большинство недоучек, отличался излишней самоуверенностью. Самоуверенность и самомнение составляли главный стержень его натуры. Другие черты характера не меняют принципиальной оценки, но позволяют представить личность ярче и рельефнее.

"За время моего наблюдения за Власовым, — продолжает Кузин, — я убедился, что он терпеть не мог евреев, он употреблял выражение "евреи атаковали военторг" и т.п. и он форменным образом разогнал работников военторга, по национальности евреев. Власов говорил, что воевать будет кто-либо, а евреи будут писать статьи в газеты и за это получать ордена.

Власов не любил комиссаров, приезжая в дивизию, он с комиссаром не говорил, а комиссары отделов штаба армии боялись с ним встречаться, ибо он мог без всякого повода да еще при людях выругать /.../

Власов был очень щедрый на государственные средства для расходования на свои личные нужды и экономил свои личные средства".

Духовное образование, полученное в детстве, сказывалось на привычках Власова. Как сообщает Кузин, "он часто, сидя один напевал церковные богослужения"²⁰ (т.е. молитвы — Б.Г.).

В показаниях Н.Кузина содержатся и другие характеристики Власова, но они, в основном, относятся к его пребыванию на Волховском фронте и мы обратимся к ним в другом месте. Пока же, как видим, ничего необычного в рассказе Кузина нет, за исключением, пожалуй, обвинения Власова в переводе казенных средств на личные нужды. Вообще говоря, это дело для высших чинов весьма нередкое при любом общественном строе. Но в данном случае справедливость подобного обвинения весьма сомнительна. Ведь, если бы это было так, то советский трибунал в 1946 г., несомненно, включил бы в состав многочисленных преступлений Власова еще и казнокрадство. Было бы заманчиво изобразить законченного предателя еще и вором. Однако трибунал не стал грешить против истины. Что же касается Кузина, то он, вероятно, упомянул о казнокрадстве под влиянием следователя, который стремился собрать о Власове побольше компрометирующих материалов. Но вернемся в 1942 г.

Комиссия, приехавшая из Москвы (Ворошилов, Маленков, Новиков), кроме временной помощи самолетами, ничем, естественно, фронту помочь не могла, однако она ускорила прибытие маршевых пополнений. Пополнения требовались фронту постоянно, поскольку потери наступающих частей оставались большими из-за недостатка техники. Особенно возросли потери в период прорыва от Красной Горки к Любани. После неудачи кавалеристов и воронежцев Любань приказали взять 92-й стрелковой дивизии из 59-й армии. В конце февраля, отойдя от Спасской Полисти, она находилась в резерве фронта перед Мясным Бором. Здесь ее командир полковник А.Н.Ларичев заявил: "Дайте мне три тысячи штыков и я возьму Любань"²¹. Из каких расчетов он исходил — неизвестно, но заявление Ларичева стало известно командованию армии, а затем и фронта. В результате 92-я дивизия получила три тысячи пополнения и 6 марта ее направили через коридор в состав ударной армии. 8 марта она приняла от 191-й дивизии ее позиции в 10-12 км южнее Красной Горки у деревни Коровий Ручей, справа от 327-й дивизии. Н.ККлыков приказал А.Н.Ларичеву начать наступление на Любань 10 марта. Полки 92-й дивизии развернулись в одну линию и приступили к разведке вражеской обороны. Она проходила по насыпи железной дороги Чудово — Веймарн. Стоявшая здесь прежде 191-я дивизия сведений о противнике не

оставила. Глубина немецких позиций не просматривалась, оборонительные сооружения переднего края хорошо вписывались в насыпь и благодаря маскировке сливались с местностью. Разведчики 92-й дивизии не смогли вскрыть вражескую систему огня, взять языков не удалось. Двух дней для подготовки наступления оказалось недостаточно. Тем не менее 10 марта полки дивизии бросились на врага. Артподготовки почти не было из-за отсутствия снарядов. Немецкие пулеметные гнезда, расположенные через каждые 50 метров, открыли по наступающим сильный огонь. А перед насыпью еще оказалось сплошное минное поле²². Бывший начальник связи одного из полков Г.А.Бензин вспоминал: "И вот тут только мы и узнали и расположение огневых точек и минных полей противника. Несмотря на шквальный огонь, бойцы беззаветно бросались на пулеметы, на минные поля /.../ От минных взрывов взлетали вверх по два человека. Буквально в полчаса — час все было окончено. В нашем 317-м стрелковом полку осталось триста с лишним бойцов" /.../²³. Однако наступление продолжалось. Наши бойцы своими жизнями проложили дорогу через минное поле и по их телам еще несколько суток воины дивизии ходили в атаки. Каждый день они по два-три раза поднимались в наступление. Когда в стрелковых полках почти не осталось людей, их пополнили артиллеристами. В расчетах орудий оставили по два человека, которым все равно нечем было стрелять²⁴. Сосед слева - 327-я дивизия тоже перешла в наступление и 14 марта овладела Красной Горкой²⁵. В этих боях почти полностью погиб и был расформирован сражавшийся рядом с воронежцами 42-й лыжбат²⁶. Но огромные потери не могли компенсировать мизерных успехов. Людей приносили в жертву амбициям и карьере высокого начальства, которое стремилось показным усердием удержать свое место в государственной системе.

Одновременно с 92-й и 327-й дивизиями, навстречу им, перешла в наступление у Погостья 54-я армия Ленфронта. "В районе Погостья обстановка обостряется", — записал в "Дневнике" 12 марта генерал Ф.Гальдер²⁷. Удар 54-й армии сорвал намеченное на 13 марта наступление германских войск против Волховского фронта. 54-я армия прорвала оборону противника западнее Киришей и продвинулась на 10 км. Встречные бои 2-й ударной и 54-й армий продолжались до середины марта. В результате Любанская группировка верхмата оказалась в полуокружении, но 2-я ударная армия, исчерпав силы, перешла к обороне. 54-я армия продолжала активные действия. 15 марта неприятель перешел против нее в

контрнаступление и перебросил в район южнее Погостья новые войска. Тяжелые бои у Погостья не прекращались до середины апреля. Враг отразил удары 54-й армии и отбросил ее на рубеж реки Тигода²⁸. Любань оставалась недосягаема.

В период наступления ударной армии на Любань в тыл противнику направили 39-й лыжный батальон. В 7 км западнее Чудово немцы окружили батальон, но лыжники прорвались и после рейда по тылам врага вернулись к нашим позициям²⁹.

Командующий фронтом К.А.Мерецков и командарм Н.К.Клыков ввиду слабых наступательных возможностей 2-й ударной армии предложили Ставке три варианта решения вопроса: первый: усилить фронт обещанной еще в январе общевойсковой армией и до наступления весенней распутицы завершить операцию; второй — в связи с приходом весны отвести армию из болот и искать решение на другом направлении; третий — переждать распутицу, накопить силы и уже тогда возобновить наступление. Ставка склонялась к первому варианту, который позволял завершить операцию до конца зимней кампании. Но свободных войск Ставка не имела. В середине марта она снова прислала на Волховский фронт Ворошилова и Маленкова. Ворошилов опять выезжал в войска, но вопрос о 2-й ударной армии так и остался нерешенным³⁰.

В эти дни после тяжелых неудач судьба внезапно повернулась к воинам 2-й ударной армии светлой стороной. 13 марта приехали делегации от Казахстана и Киргизии. Они доставили подарки: казахи прислали 11 вагонов, киргизы — 25 вагонов продовольствия. Делегаты привезли воинам мясо, масло, сало, колбасу, сахар, мармелад, муку, сухари, крупы, сухие фрукты, яблоки, орехи, табак, кондитерские изделия, вино. В частях прошли встречи и митинги. Газета "Отвага" посвятила гостям специальный номер³¹. Но многие воины не успели получить подарки, т.к. два дня спустя после приезда гостей обстановка на флангах коридора в Мясном Бору осложнилась и доставка грузов во 2-ю ударную армию была приостановлена.

20 марта во 2-ю ударную самолетом прилетел заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Власов в качестве полномочного представителя Мерецкова. Он должен был помочь Н.К.Клыкову в подготовке нового наступления. Тем самым Власов получил возможность проявить свои способности полководца, а Мерецков избавился от постоянного контроля сталинского любимца и передал ему

значительную долю ответственности за исход операции, т.е. одновременно Мерецков укрепил свои позиции перед Ставкой.

Дивизии 13-го кавкорпуса после боев за Любань отвели на отдых в район селений Вдицко, Поддубье и Финев Луг. Многие кавалеристы получили правительственные награды. Например, в 25-й дивизии орденами Красного Знамени наградили 37 чел., Красной Звезды — 44 чел. Но люди были измучены до предела, командир 236-го кавполка 87-й дивизии Романовский не выдержал нервного напряжения и сошел с ума³³. Бои за Любань явились тяжелым испытанием, но главные события предстояли впереди.

Во время наступления на Любань стрелковые дивизии и бригады, первоначально продвигавшиеся на флангах вслед за кавалерийскими частями, могли вести бои только местного значения — резервы и техника направлялись прежде всего на решающие участки. Наши воины учились воевать малыми силами, приобретая боевое мастерство и искусство тактики. Например, разведчики 366-й дивизии в районе деревни Чауни облюбовали позицию на островке среди болота. За малые размеры они прозвали островок "Пуговка". Отсюда разведчики наблюдали за движением в тылу противника по дороге на Пятилипы и тревожили немцев пулеметным огнем. Затем на остров перебросили пулеметную роту. Но она не могла противодействовать вражеской бронетехнике, которая шла по дороге. Тогда саперы проложили к островку гать и ночью на санях доставили на "Пуговку" 45-мм противотанковую пушку. На подходе к островку немцы заметили саперов и открыли минометный огонь, но все обошлось благополучно. До конца мая пушка с "Пуговки" держала под обстрелом столь нужную немцам дорогу. Она подбила два самоходных орудия противника и легкий танк, разбила обоз, взорвала грузовик с боеприпасами. Противник расsvирепел. Он бил по острову из орудий, почти ежедневно следовали атаки немецкой пехоты. Гарнизон "Пуговки" отбивал их пулеметным огнем и шрапнелью. И только в начале июня бойцы оставили остров в связи с приказом об общей эвакуации через коридор. Героическую пушку разобрали на части и вынесли на руках по пояс в воде.

Пока шло наступление на Любань, была разработана новая операция по уничтожению вражеского вклинения между 2-й ударной и 59-й армиями. Встречные атаки группы Коровникова и 4-й гвардейской дивизии цели не достигли. К.А.Мерецков решил прибавить к 4-й гвардейской 267-ю старооскольскую стрелковую дивизию. Ее передали из 52-й в 59-ю армию, в

группу Коровникова, но наступать ей предстояло с рубежей 4-й гвардейской дивизии, поскольку гвардейцы понесли большие потери и решить задачу в одиночку уже не могли. На смену 267-й к Копцам, Любцам и Теремпу-Курляндскому перебросили из состава 4-й армии 65-ю Краснознаменную стрелковую дивизию. 12 февраля 65-я дивизия заняла новые позиции, а 267-я двинулась через коридор и 25 февраля вышла в район д. Ольховка в 5-6 км северо-западнее Спасской Полисти35. Там она заняла рубеж севернее 4-й гвардейской. Едва прибыв на место, бойцы дивизии вступили в бой, за короткий срок уничтожили зенитную батарею и два танка противника, взяли в плен 100 немецких солдат и офицеров. Затем, обойдя Спасскую Полисть с севера, части дивизии двинулись через болото Гажьи Сопки в направлении деревень, расположенных вдоль шоссе и железной дороги Новгород — Чудово. 846-й полк наступал на д. Приютино, 844-й — на Трегубово. 846-м полком вместо капитана Зуева теперь командовал старший политрук И.Я.Кисель. 848-й принял майор Б.Г.Назирев, тот самый, который будучи капитаном, послал полк форсировать Волхов в ночь на 1 января 1942 г. Бои за Приютино и Трегубово продолжались с 3 по 15 марта. Командир 846-го полка И.Я.Кисель направил свой 2-й батальон старшего лейтенанта Тухтарова и 3-й лейтенанта Бугримова в обход позиций противника. Немецкие окопы находились перед болотом в 2 км северо-западнее Приютино. Батальоны охватили врага с флангов и при поддержке 845-го артполка под командованием старшего лейтенанта В.Виноградова полностью разгромили. Было убито более 200 немцев, захвачено 40 блиндажей и землянок. В бою отличились красноармейцы Водрягин, Дудников и Осипов. Будучи ранены, они отказались отправиться в санчасть до конца боя. Командование представило всех троих к награде.

844-й полк майора В.А.Поспелова наступал на д. Трегубово, расположенную южнее, у шоссе. С боем пробился полк из болота на большую лесную поляну, где красноармейцы увидели трупы наших бойцов. Стало ясно, что накануне здесь уже погибла группа воинов дивизии, возможно, разведка соседнего полка. Наскоро похоронив погибших, 844-й полк занял оборону и, как оказалось, вовремя. Противник попытался окружить полк, но его встретил плотный ружейно-пулеметный огонь, начали стрелять полковые пушки и минометы. Немцы не привыкли к такому отпору. Они залегли, а потом бежали прочь с большими потерями. Преследуя врага, полк ворвался на немецкие позиции и захватил 15

блиндажей. В бою ранило командира полка Поспелова, его отправили в дивизионный 308-й медсанбат. Исполнять обязанности комполка стал майор Степанов.

Взять Приютино и Трегубово все-таки не удалось. Противник контратаками отбросил наши полки. Но на подступах к опорным пунктам враг был разгромлен. За умелое руководство командование 267-й дивизии объявило благодарность, наградило часами и представило к правительственным наградам командиров и комиссаров полков, командира 1-го батальона 848-го стрелкового полка старшего лейтенанта А.А.Ильяшевича, комбатов Тухтарова и Бугримова.

После 267-й дивизии на штурм Трегубова направили уральскую 377-ю стрелковую дивизию полковника КА.Цаликова, переброшенную из 4-й армии. В период боев за Трегубово в марте 1942 г. командный пункт дивизии и ее 933-го арtpолка посетил Ворошилов, вторично приехавший на Волховский фронт. Ворошилов рекомендовал интенсивнее вести огонь по противнику. Он, разумеется, был прав, но разве он не знал о состоянии дел с боеприпасами? Артиллеристы дивизии при недостатке боеприпасов старались максимально использовать возможности своего оружия. Так, батарея лейтенанта М.В.Кормилицына уничтожила несколько минометных батарей и складов с боеприпасами. 13 дзотов, более 30 пулеметных точек, десятки автомобилей и повозок, сотни немецких солдат и офицеров. Кормилицын был награжден орденом Красного Знамени. Бойцы проявляли героизм, но огневое превосходство врага не позволило взять Трегубово.

Не имело успеха и наступление 378-й дивизии. В прорыв вошли ее 1254-й и 1258-й стрелковые полки, 944-й арtpолк, 661-й отдельный саперный батальон, батальон связи и 466-й отдельный медсанбат. 1256-й полк остался на прежнем месте, на восточной стороне шоссе, у деревни Глушица, чтобы по плану операции нанести встречный удар на соединение с двумя другими полками. Пройдя горловину, дивизия оставила свой медсанбат в 500 м правее Севернее дороги и двинулась дальше. 11 марта ее авангард вышел в заданный район - к дороге между деревнями Сенная Кересть и Глушица, севернее Приютино и позиций 267-й дивизии. Части 378-й не успели сосредоточиться, они растянулись на марше на 10 км, и дорогу с ходу, без разведки, атаковал всего один ее батальон. Противник быстро выбил занявших дорогу бойцов, фактор внезапности оказался для дивизии утрачен. Она не смогла преодолеть позиции неприятеля вдоль рек Полисть и Глушица, через которые проходила дорога. Начались затяжные бои³⁸. В них

участвовал 167-й лыжный батальон. Его здесь тоже использовали в качестве обычной пехоты. Почти весь состав батальона погиб, оставшихся в живых передали в 47-й лыжбат.

16 марта Волховский фронт получил директиву Ставки о формировании к 10 апреля 6-го гвардейского стрелкового корпуса фронтового подчинения на базе 4-й гвардейской стрелковой дивизии, которую предстояло в связи с этим вывести в резерв. Она становилась ядром корпуса, другие части представляла Ставка. Корпус предназначался для усиления 2-й ударной армии в новом наступлении на Любань, по численности и вооружению он даже превосходил первоначальный состав 2-й ударной. Таким образом, фронт впервые получал возможность провести операцию со всеми необходимыми силами, за исключением авиации. К формированию корпуса приступили немедленно.

4-я гвардейская дивизия вела в то время бои рядом с 267-й дивизией за Ольховские хутора. 18 марта батальон ее 3-го гвардейского полка ворвался на хутора и захватил 10 домов превращенных врагом в огневые точки. Неприятель контратаковал танками и пехотой. Тяжелый бой шел весь день. Почти все офицеры батальона вышли из строя. Командование принял комиссар батальон Я.А.Супрун. Батальон устоял, но овладеть другими домами дивизия не смогла и перешла к обороне.

17 марта 1942 г. приказом № 22 наркома обороны СССР И.В.Сталина за воинское мастерство, массовый героизм и мужество 366-я дивизия была преобразована в 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию, ее комдиву С.И.Буланову присвоено звание генерал-майора, а 111-я дивизия преобразована в 24-ю гвардейскую. Однако сразу получить гвардейские знамена дивизии не успели.

Район, занимаемый в то время 2-й ударной армией, напоминал по своим очертаниям колбу радиусом 25 км с узкой горловиной в Мясном Бору. Одним ударом по горловине можно было отрезать армию от других соединений фронта, загнать в болота и уничтожить. Поэтому враг постоянно рвался к Мясному Бору. Менялась лишь сила натиска в зависимости от положения на других участках Волховского фронта. В начале марта, едва стало ясно, что наступление 2-й ударной армии выдыхается, а для взятия Спасской Полисти сил у русских недостаточно, немцы резко усилили давление на коридор с юга, на позиции 52-й армии. После ухода из состава армии 26 февраля 267-й и 259-й дивизий активность 52-й армии значительно снизилась. Противник почувствовал это,

собрал из резерва до двух батальонов пехоты и нанес удар на стыке 305-й и 65-й дивизии. Под прикрытием авиации и артиллерийско-минометного огня немцы вытеснили 1000-й полк 305-й дивизии с участка, принятого полком от 267-й дивизии у Большого Замошского болота. Чтобы восстановить положение, командование 52-й армии ввело в дело свой резерв — 38-й стрелковый полк 65-й дивизии и отряд из 180 автоматчиков. Но контратака оказалась безуспешной. 38-му полку приказали перейти к обороне на достигнутом рубеже, а остатки 1000-го полка 7 марта временно вывели в резерв командарма и разместили в лесу северо-западнее Теремца-Курляндского. Врага так или иначе остановили. Тогда никто еще не знал, что это была всего лишь разведка боем перед решающей схваткой. И так только прекратилось наступление 2-й ударной на Любань и стихли атаки Спасской Полисти, противник бросил войска на коридор в Мясном Бору. Наступление началось одновременно с юга и с севера.

Накануне противник подверг значительным бомбовым ударам населенные пункты на территории 2-й ударной и позиции в районе Мясного Бора. Например, госпиталь в Новой Керести, который посещал А.А.Вишневский, успел перейти в лес, но в одном из домов осталось эвакуационное отделение. 14 марта бомба попала прямо в дом, убив 50 чел. и ранив врача и медсестру. От самой деревни после бомбежки ничего не осталось. А.А.Вишневский опять проезжал здесь 15 марта, снова попал под бомбы и вот его новая запись в дневнике: "Вокруг много воронок, две — гигантские /.../ Только доехали до деревни — самолеты противника строчат из пулеметов. Кидаемся в громадную воронку, где уже устроилось до нас несколько человек. В середине воронки холм. Мы пытаемся объяснить себе, как это получилось: "От силы взрыва земля поднялась и снова опустилась", — предполагает кто-то.

Красноармеец, сидевший рядом, слушал, слушал, и заметил спокойно: "Да нет. Здесь могилу сделали: мы и сегодня засыпали здесь человек сорок гражданских". Такие свирепые налеты продолжались два дня⁴³. Одновременно неприятель наращивал концентрацию войск против Волховского фронта: с других направлений он перебросил сюда до пяти пехотных дивизий.

13 марта немцы собирались начать наступление, но нелетная погода заставила отложить его. Ведь, одно дело бомбить деревни и госпитали и совсем другое — действовать против войск. Кроме того, немцы ждали прибытия своих свежих сил в район Южной дороги. Наконец, утром 15 марта, когда к немцам подошло

подкрепление — 58-я пехотная дивизия, противник перешел в наступление при поддержке орудий и минометов. Первый удар, силой до полка, враг нанес с рубежей севернее Тютиц, Копцев и Крутика по боевым порядкам 225-й стрелковой дивизии. В результате удара подразделения 1347-го стрелкового полка 225-й дивизии оказались отброшены от шоссе на 1,5-2 км. Во второй половине дня, перегруппировав новые части, противник перешел в наступление из района Любцев и Земтиц непосредственно на Мясной Бор и Теремец-Курляндский. В то же время немцы начали атаки коридора с севера, со стороны Спасской Полисти. Прикрывавшие коридор войска стойко сдерживали нараставший натиск неприятеля. Артиллерии не хватало. Для борьбы с немецкой пехотой и танками пришлось использовать зенитные пушки. Батарею 461-го отдельного сибирского артиллерийского дивизиона РК, которая прикрывала дорогу совхоз "Красный Ударник" — Мясной Бор, перебросили в самую горловину прорыва. Зенитчики отбивали в день по 5-6 атак немецких автоматчиков. 18 марта генерал Ф.Гальдер записал в "Дневнике": "Наступление наших войск на волховском участке, ведущееся западнее железной дороги с севера, развивается с трудом. Войска, наступающие с юга, не могут продвинуться вперед, так как противник ведет здесь сильные котратаки".

Эти контратаки на левом фланге коридора вели 65-я и 305-я стрелковые дивизии против частей 58-й, 81-й и 126-й немецких пехотных дивизий. На северном фланге 372-я стрелковая дивизия полковника Д.С.Сорокина с трудом удерживала позиции под ударами 1-й полицейской дивизии СС, 215-й пехотной дивизии немцев и двух легионов голландских и бельгийских нацистов "Фландрия" и "Нидерланд". Кроме того, к Мясному Бору подходили 121-я и 61-я пехотные дивизии вермахта. Им предстояло нанести последний, решительный удар. Наступление пехоты поддерживали самолеты-корректировщики, которые вызывали орудийный огонь по любым замеченным целям.

К.А.Мерецков выехал в войска, чтобы организовать контрнаступление. Он метался по плацдарму из штаба 52-й армии в штаб 59-й, оттуда в 372-ю дивизию и снова в штабы армий. О наступлении немцев пришлось доложить в Ставку и Мерецков понимал, какие кары могут последовать, если ударная армия окажется в окружении. Ставка приказала Мерецкову лично возглавить операцию и не допустить перекрытия противником коммуникаций в Мясном Бору, для чего организовать контрудары фланговыми частями 52-й и 59-й армий. Но ближайшие

к коридору дивизии не могли самостоятельно разгромить отборные, свежие войска вермахта и СС. Мерецков лично убедился в этом. Он видел, как на окопы 65-й дивизии "противник обрушивал мощные удары авиации и артиллерии. В воздухе стоял непрерывный гул. То и дело прерывалась связь с подразделениями, нарушалось управление. Наши войска несли большие потери, — вспоминал Мерецков, — но дрались с неослабевающим упорством". Особенно трудное положение сложилось на северном фланге горловины, где оборонялась 372-я дивизия. На ее усиление направили два отряда бойцов из состава 305-й дивизии 52-й армии и все, что удалось наскрести в тыловых подразделениях 59-й армии. Мерецков приказал срочно перебросить из 4-й армии к Мясному Бору 376-ю кузбасскую дивизию полковника Д.Н.Угорича, которая только что получила пополнение. Но пока она шла с плацдарма 4-й армии к переправам на Волхове, противник 19 марта перекрыл коридор в 4-х км от деревни Мясной Бор, между реками Полисть и Глушица.

Танки и автоматчики врага прорвались в коридор с севера. Они заняли обе дороги и стремились соединиться с южной группировкой. Южную группировку непрерывно поддерживали с воздуха 15 самолетов, немцы имели огромный перевес в силах, но пробиться на наши коммуникации с юга так и не смогли. 19 марта генерал Ф.Гальдер записал в "Дневнике": "Брешь на волховском участке ликвидирована". Гальдер слишком спешил. Главная борьба за коридор была еще впереди.

Днем 19 марта 372-я дивизия, 24-я и 53-я бригады — с востока, части 4-й и 24-й гвардейских дивизий, усиленные 7-й гвардейской танковой бригадой - с запада нанесли встречный удар и очистили коридор. Но противник засыпал наши войска снарядами, забросал бомбами и опять захватил горловину.

Предвидя большие потери в боях за Мясной Бор, Мерецков обратился в Ставку с просьбой срочно до 28 марта прислать 12000 человек пополнения, а до 3 апреля еще 10000 чел.

52-я и 59-я армии стянули к коридору всю свою артиллерию, но превосходство врага было подавляющим: на каждый наш снаряд противник выпускал 50-60 снарядов. В бою за коридор неприятный случай произошел с нашими танкистами. 19 марта тяжелый танк КВ временно потерял способность двигаться. В танке имелся полный боезапас, но экипаж бросил машину. Немцы захватили танк и пушка КВ стреляла по нашим бойцам.

Проникнув в коридор, враг старался расширить прорыв и одновременно прорваться к Южной дороге со стороны Новгорода. Там позиции 65-й дивизии у Теремца-Курляндского и Мясного Бора непрерывно атаковали немецкая пехота и танки из деревни Любцы. 19 марта тяжелый бой выдержал 311-й стрелковый полк 65-й дивизии и 167-й отдельный противотанковый дивизион. Отражая танковые атаки у шоссе, отличился взвод 45-мм пушек под командованием И.Карташова. В последующие дни 167-й дивизион под командованием капитана М.Ефременко отбивал в день по 5-6 танковых атак, но позиции удержал. Враг не прошел, даже когда в строю у шоссе осталось всего одно орудие старшего сержанта Н.Лодчуфарова. Его расчет продержался в неравной схватке до тех пор, пока сержант В.Бухарев не доставил к месту боя захваченную несколько дней назад немецкую противотанковую пушку с большим запасом снарядов.

Противник непрерывно бомбил с воздуха позиции 65-й дивизии. Зенитных средств не хватало. Каждый налет заставлял бойцов вжиматься в землю, особенно когда бомбардировщики "люфтваффе" шли на малой высоте. Политрук зенитного взвода 311-го стрелкового полка А.Грачев убеждал бойцов в необходимости вести по низколетящим бомбардировщикам винтовочный огонь. Грачев объяснял, что, конечно, стрельба из винтовки не может сбить тяжелую машину, однако, по свидетельству пилотов, такая стрельба оказывает психологическое воздействие, поскольку летчик весьма нервно реагирует на удары пуль о самолет и инстинктивно стремится вывести его из зоны огня.

Недостаток зенитных пушек наши воины старались возместить мужеством, находчивостью и смекалкой. Например, в 65-й дивизии командир расчета противотанковой пушки сержант А.Муковозов приспособил орудие для стрельбы по немецким пикировщикам: станины "сорокопятки" опустили в воронку и ствол таким образом поднялся вверх. Муковозов долго подбирал необходимое упреждение, сопоставлял время выстрела с движением пикирующего самолета. Наконец, на третий день он попал точно в цель и сбил "юнкере". Командование наградило его орденом Красной Звезды, а товарищи прозвали "зенитчиком".

Бои за коридор продолжались, вражеский напор не ослабевал, а резервов у нас больше не было. Вечером 19 марта Мерецков приказал создать в 52-й армии отряд прорыва. В отряд включили курсы младших лейтенантов, роту младшего начальствующего состава (школу сержантов — 41-й отдельный запасной стрелковый полк) и 1218-й стрелковый полк без одного батальона из 19-й

гвардейской дивизии. 20 марта курсанты и рота младших командиров начали действовать вдоль Южной дороги, а 1218-й полк — южнее Северной дороги вместе с частями 59-й армии. Воины-волховцы дрались героически. Они гибли в непрерывных атаках, но одолеть противника было выше их сил. Они могли только выиграть время, не дать врагу закрепиться в коридоре. Поэтому все с нетерпением ждали подхода маршевых пополнений и переброски войск из 4-й армии. 20 марта Ф.Гальдер записал в "Дневнике": "На Волхове противник слабо атакует позиции наших войск, ликвидировавших брешь. Отмечается подтягивание свежих сил с востока".

21 марта, не сумев прорваться к Южной дороге вдоль шоссе через рубежи 311-го полка, противник обрушился на 60-й стрелковый полк 65-й дивизии. Рубеж его обороны проходил правее 311-го, ближе к позициям соседней 305-й дивизии. Воины полка отбили 13 атак пехоты и танков врага. Комсорг политрук Н.Воронин двумя противотанковыми гранатами в упор уничтожил немецкий танк, который прорвался на наши позиции. При этом сам Воронин погиб.

Курсанты и сержанты из роты младших командиров понесли в боях за коридор большие потери. Поэтому 22 марта командование фронта сформировало новый отряд прорыва. В него вошли 1218-й стрелковый полк 19-й гвардейской дивизии, 1256-й полк 378-й дивизии, полурота сапер 4-го инженерного батальона, два тяжелых танка КВ и шесть танков Т-34. В состав отряда включили также 376-ю дивизию, на которую возлагались главные надежды и которую ждали с часу на час. Этим силам предстояло взаимодействовать с отрядом 305-й дивизии, действующим с запада. По плану операции два стрелковых полка один танк КВ и два Т-34 наступали вдоль Северной дороги; один стрелковый полк, один танк КВ и три Т-34 наступали вдоль Южной дороги, а еще южнее шли две остальные "тридцатьчетверки" в сопровождении курсантов и роты младших командиров. Наступление поддерживали два дивизиона 561-го арtpолка РК. Атаку назначили на 7 часов утра 23 марта. Утром 23 марта к Мясному Бору подошла 376-я дивизия. Пока она готовилась к бою, отряд прорыва атаковал врага и к 16 часам 23 марта пробился по Южной дороге до реки Полисть, вдоль Северной дороги не дошел до Полисти 400 м. Утром 24 марта на помощь 376-й дивизии перебросили 12 танков 193-го отдельного танкового батальона из 52-й армии и находившуюся недалеко от Волхова 120-ю бригаду морской пехоты. Им поставили задачу развить успех отряда и ударом на север разгромить 1-ю

полицейскую дивизию СС, занявшую коридор между Полистью и Глушицей. Перед наступлением утром 24 марта на командный пункт 376-й дивизии приехал маршал КЕ.Ворошилов. На его глазах наши войска потеснили противника, продвинулись до 4 км и соединились со 2-й ударной армией. Однако затем они подверглись сильным ударам вражеской артиллерии и авиации и были отрезаны от основания коридора. Около 70 немецких автоматчиков прорвались к командному пункту 1250-го стрелкового полка 376-й дивизии. Командир полка майор Хотомкин организовал круговую оборону. Встретив упорное сопротивление, немцы отошли к лесу. По командному пункту ударили тяжелые минометы. После их огня эсесовцы снова пошли в атаку и окружили командный пункт. Считая положение безнадежным, майор Хотомкин застрелился.

Наступление 376-й дивизии поддерживала 5-я батарея 23-го гвардейского артполка 4-й гвардейской дивизии. Командование фронта приказало ей от Ольховки перейти к коридору и ударить по немцам с северного фланга. Батарея успешно вела огонь по немецкой пехоте, но подавить массированные залпы германской артиллерии она не могла из-за нехватки снарядов, тем более не имея прикрытия с воздуха. В этот день младший политрук Т.П.Андрейкович, литсотрудник газеты 65-й дивизии "За счастье Родины" записал в дневнике. "Вражеская авиация свирепствует. Днем совершенно невозможно не только проехать — пройти к переднему краю. Стервятники охотятся за каждым.

На шоссе творится что-то ужасное. Нет клочка земли, где бы не рвались снаряды и мины. Враг не прекращает атак. Но наши поредевшие, измученные подразделения стоят как вкопанные. В истребительном противотанковом дивизионе, занимающем позиции у шоссе, героически действует расчет сержанта Александра Муковозова. На его счету три уничтоженных танка, десятки истреблённых гитлеровцев".

Летчики Волховского фронта делали все возможное, чтобы помочь пехоте. Многие летчики погибли в воздушных боях. В конце марта самолетов-истребителей осталось лишь 25% от всего авиапарка и для борьбы с авиацией противника направили летчиков Ленинградского фронта и Балтийского флота.

Днем 24 марта сильнейшие атаки врага на северном фланге у основания коридора продолжала отбивать 372-я стрелковая дивизия. Только батальон Б.Д.Федоровского в одном бою уничтожил более 100 немцев, захватил 9 орудий и 2 миномета. Четырежды раненый Б.Д.Федоровский продолжал командовать

батальоном. О том, как сражались наши воины, свидетельствует письмо, обнаруженное у взятого в плен немецкого ефрейтора. "Будь проклято то место, где мы находимся, — писал он. — Каждый день бомбы с воздуха, нападения разведки, артиллерийский обстрел и главное — страшные русские атаки".

Ударная группировка, окруженная в коридоре (376-я дивизия, бригада морской пехоты и танковый батальон) вела упорные бои до поздней ночи 24 марта. Воспользовавшись темнотой, она внезапной атакой прорвалась назад, к шоссе. Остальные силы отряда продолжали сражаться в лесу за рекой Полисть.

25 марта 372-я, 65-я и 376-я дивизии нанесли новый удар и пробили узкий коридор. Ядро прорыва опять составила 376-я дивизия. Ее усилили курсами младших лейтенантов и ротой автоматчиков. Она непрерывно пополнялась бойцами из прибывавших маршевых батальонов. Путь перед дивизией расчищали залпы гвардейских минометов и ствольная артиллерия 52-й и 59-й армий. "Мне довелось многое повидать за годы войны, — писал КА.Мерецков. — И вот сейчас, перебирая в памяти увиденное, полагаю, что те недели были для меня самыми трудными. По накалу

событий, по нервному напряжению, им сопутствовавшему, вряд-ли можно их с чем-либо сравнить".

Писатель В.Д.Пекелис, один из бывших курсантов, участник прорыва, вспоминал: "Мы вместе с другими частями пробили коридор шириной до 500 метров. Он то открывался, то закрывался, то сужался, то расширялся. Бывало и так — коридор пробит, а по нему не пройти из-за плотного обстрела.

Потери в тех боях были огромными, но с нашей стороны гораздо большими, так как противник вел непрерывный артиллерийский, минометный, ружейный и автоматный обстрел с фронта, флангов, тыла, а вражеские летчики гонялись даже за одиночными бойцами.

Хоронить убитых негде — кругом глубоко промезшая земля, деревья, снег по пояс. Все просеки, поляны, делянки были завалены трупами, по ним ходили, на них сидели, лежали. Когда требовалось обозначить путь в лесу или проходы в снегу, вместо вех втыкали тела погибших...".

26 марта эсесовцы снова закрыли горловину. Командование фронта привлекло дополнительно к борьбе за коридор части 305-й дивизии, которая вместе с 65-й дивизией стойко держалась на левом фланге 52-й армии. Отряд прорыва предпринял в коридоре пять атак. Измотанные непрерывными боями, немцы с

трудом сдерживали ожесточенный натиск сибиряков и бойцов 305-й. К концу дня 1248-й и 1250-й полки 376-й дивизии при поддержке танков КВ и танков Т-34 из 193-го отдельного танкового батальона прорвались к Полисти на соединение со 2-й ударной. Противник ввел в бой резервные батальоны полевой полиции. Бои шли тяжелейшие. Артиллеристы 2-го дивизиона под командованием И.В.Карбышева из 943-го артполка 376-й дивизии только в одном бою уничтожили 41 пулеметную точку, 6 батарей, 16 блиндажей и землянок, 3 автомобиля, 4 минных поля.

В северо-западной части коридора, со стороны Ольховки, бои за коммуникации 2-й ударной армии вела 24-я стрелковая бригада. 27 марта на помощь бригаде подошел с севера 8-й гвардейский полк 4-й гвардейской стрелковой дивизии.

Наконец, к вечеру 28 марта 376-я и 382-я стрелковая дивизия из 2-й ударной армии встречным ударом пробили коридор шириной 800 м вдоль Северной дороги. В полках 376-й дивизии оставалось по 150-200 активных штыков. Комдив Угорич приказал сформировать из тыловых подразделений два сводных отряда под командованием начальника разведки дивизии капитана Сергеева. Угорич решил лично руководить их атакой, но перед началом боя погиб от взрыва немецкой бомбы. Дивизию принял начальник штаба подполковник Г.П.Исаков. От дивизии, впрочем, оставалось уже меньше батальона.

Вслед за Северной дорогой была освобождена Южная, начались бои за расширение коридора. Боевые действия поддерживал полк РС. После очистки дорог западнее Теремца-Курляндского в распоряжение 52-й армии из 2-й ударной поступила 58-я стрелковая бригада, пробивавшая дорогу с запада вместе с 7-й гвардейской танковой бригадой.

Значительную помощь стрелковым частям в горловине прорыва оказывали саперы 539-го отдельного минно-саперного батальона, где служили уроженцы Мордовии. Саперы не только прикрывали минами наш передний край, но и вели огневой бой, и совершали вылазки в тыл противника. Так, в ночь на 28 марта за линию фронта ушел взвод сержанта Л.П.Учайкина из 2-й роты 539-го батальона. Саперы взорвали участок полотна на железной дороге Новгород-Батецкая -Ленинград. На обратном пути через линию фронта им пришлось вступить в открытый бой. Сержант Л.П.Учайкин ворвался в немецкий блиндаж. Увидев немецких солдат, он растерялся. Но еще больше, чем он, растерялись немцы. Они подняли руки и сдались в плен.

Пробитый с таким трудом узкий коридор постоянно находился под огневым воздействием неприятеля. Немцы не давали возможности пользоваться коммуникациями. Выходившие сюда просеки они простреливали прямой наводкой из противотанковых пушек, отрезок пути от железной дороги до Полисти простреливался пулеметным огнем. И все же, едва в Мясном Бору появилась хоть какая-то брешь, командование фронта немедленно 28 марта направило туда 200 автомобилей с грузами для 2-й ударной. Шоферам приказали прорваться во что бы то ни стало. Две попытки проехать не удались и только ночью пять машин прошли коридор. По краям дороги в канавах прятались от огня бойцы рабочего батальона. Если машина застревала, они тут же вытаскивали ее. Шофер А.Д.Гапоненко из 376-й дивизии вспоминал: "К горловине мы везли на машине боеприпасы. Оттуда забрали раненых и попали в полосу пулеметно-винтовочного огня. Нас спасало только то, что почти всю дорогу ехали между подбитыми танками, немецкими и своими".

28 марта партизанский батальон К.Н.Валовича сделал попытку пройти через коридор на партизанскую базу в Малой Вишере для отдыха. Переход партизан немцы приняли за наше наступление, открыли ураганный огонь и вызвали авиацию. Партизаны едва вернулись назад, многие из них погибли.

Лишь 30 марта ударная группировка смогла окончательно закрепиться на Северной дороге, а вдоль Южной пробила небольшой коридор. Мерецков с радостью доложил Сталину, что "ликвидация противника, прорвавшегося в стыке 52-й и 59-й армий, развивается успешно". Путь войскам расчищали залпы "катюш", которые тогда еще назывались "раисами", от аббревиатуры "рс" — реактивный снаряд. 2-я ударная армия направила к коридору 30-й гвардейский минометный дивизион подполковника Коротынько. За 5 дней, начиная с 28 марта, дивизион сделал по врагу 20 дивизионных залпов и выпустил 2413 реактивных снарядов М-13. Коммуникации 2-й ударной начали действовать, из окружения вывезли много раненых. Ко 2-му апреля после упорных боев коридор удалось раздвинуть до 2,5 км. Дивизия СС почти полностью была разгромлена, но другие немецкие соединения еще 10 дней продолжали сильнейшие атаки. Новый командир 376-й дивизии Г.П.Исаков вспоминал: "Я тогда был молодым, мне было 31 год и скажу откровенно, были такие критические минуты, когда, казалось, наступил предел - болото, вода, холод, непрерывные налеты пикирующих бомбардировщиков и шквалы пулеметного и артиллерийского огня, /.../ всюду

масса незахороненных трупов своих и противника /.../ Такой была эпопея Мясного Бора. Немцы потеряли там две дивизии, много потеряли и мы. Кузбасские полки /..../ имели всего три-пять танков, а в ротах оставалось по 15-25 человек. Из строя выбыли все командиры и военкомы частей, многие штабные работники". 376-я дивизия захватила в боях 30 пулеметов, 12 орудий, 11 минометов, 200 винтовок, 200 тыс. патронов, около 4 тыс. снарядов и мин. До начала мая дивизия занимала жесткую оборону вдоль Северной дороги.

Сражение за Мясной Бор продолжалось еще целую неделю. Только 8 апреля командующий фронтом сообщил в Ставку, что "коммуникации 2-й ударной армии от противника освобождены и создан разрыв в обороне противника".

На южном фланге коридора противник так и не смог прорвать оборону 52-й армии. Упорство наших войск измотало врага, немцы начали выдыхаться. Почувствовав это, командование 52-й армии в директиве 30 марта 1942 г. приказало войскам восстановить положение на стыке 305-й и 65-й дивизий. По выполнению данной задачи директива требовала перейти к проведению частных операций западнее Теремца-Курляндского с целью создания лучших условий для последующего наступления на Новгород. Начать операцию по восстановлению линии фронта предстояло 2 апреля. По плану операции 376-я дивизия и 58-я бригада наносили удар с северо-востока, на стыке 305-й и 65-й дивизий, в направлении высот 43,1 и 40,2, захватывали Земтицы и наступали дальше на Вешки. Для удара с востока создали оперативную группу, в состав которой вошли 1218-й полк 19-й гвардейской дивизии, 1000-й полк 305-й дивизии и 1347-й полк 225-й дивизии с 10-ю танками 193-го отдельного танкового батальона. Общее руководство группой возложили на комдива 225-й дивизии К.Ю.Андреева. Группе Андреева приказали овладеть Крутиком, Копцами, Запольем и в дальнейшем наступать на Тютицы и Подберезье. Для прикрытия с севера боевых действий 376-й дивизии и 58-й бригады 305-я дивизия выделила стрелковый батальон и утром 2 апреля перешла им в наступление вдоль жердевой дороги Малое Замощье-Земтицы, которая проложена с севера на юг через Большое Замошское болото. К началу дня батальон миновал болото, вышел в район 200 м севернее отметок 43,1 и 40,2 и вступил в бой с противником.

Пока батальон отвлекал врага на себя, войска оперативной группы к утру 2 апреля заняли исходное положение для атаки в 1 км восточнее Крутика и Копцев. В 12 час. 30 мин. они перешли в наступление и к исходу дня приблизились к

деревням на 500 м. Тем временем, 1218-й полк обошел деревни с северо-востока и там закрепился. 3 апреля в 14 часов наступление на Крутик и Копцы возобновилось, но успеха не имело из-за превосходства врага в силах и средствах. Более того, на участке 1218-го полка противник провел контратаку с четырьмя танками и оттеснил полк на восток, за реку Питьба.

Наступление 376-й дивизии и 58-й бригады оказалось тоже неудачным. На высоту 40,2 наступала 376-я дивизия, но противник засыпал ее бомбами. 58-я бригада ночной атакой в направлении рощи в 1,5 км северо-западнее высоты 40,2 вклинилась в расположение противника на 100-150 м, но немцы остановили ее артогнем. 65-я дивизия продолжала бои за рощу севернее

Любцев. 305-я дивизия, демонстрируя врагу активность, вела разведку боем в сторону платформы Гаренка и Большого Замошья. 19-я гвардейская дивизия с 3 по 6 апреля провела несколько безрезультатных атак на деревни Пятилипы и Гузи. Только 7 апреля ее 1220-й и 1221-й полки захватили 5-6 домов на юго-восточной окраине Гузей. Для двух полков гвардейской дивизии достижение более чем скромное, однако надо учитывать, в каких условиях сражались наши воины. Одна из причин неудачного хода всей операции заключалась в значительном авиационном воздействии противника. 6 апреля зенитная батарея 305-й дивизии сбила немецкие бомбардировщики Ю-87 и Ю-88, но вместо двух самолетов появлялись десятки других.

58-я стрелковая бригада 7 апреля вела бой 1-м батальоном в 1 км северо-восточнее высоты 43,1, южнее просеки. 3-й батальон бригады сражался на правом фланге 1-го, 2-й батальон находился в резерве.

376-я дивизия вела бой 1252-м полком в 1 км, а 1250-м полком — в 800 м севернее высоты 40,2, в 300-400 м южнее просеки. В этот день, 7 апреля, 376-я дивизия получила приказ принять позиции от 58-й бригады ввиду слабых наступательных возможностей последней и продолжать выполнение ранее поставленной задачи — овладеть высотами 43,1 и 40,2. 8 апреля рубежи бригады принял 1252-й полк 376-й дивизии. 58-я бригада отошла в лес северо-восточнее отметки 37,0 у Северной дороги. 1250-й и 1248-й полки 376-й дивизии вместе со 2-м батальоном 38-го полка 65-й дивизии вели в этот день бои за высоту 40,2, однако сбить врага с позиций у них не хватило сил, а потери были большие. Со 2 по 8 апреля вся 52-я армия потеряла в этой операции свыше 1800 чел.

11 апреля командование фронта передало 376-ю дивизию из 52-й армии в 59-ю. В ночь на 13 апреля позиции 376-й приняла 305-я дивизия, а 376-я перешла на новые рубежи. Ее 1248-й полк расположился между реками Полисть и Глушица, где прикрыл с севера коммуникации 2-й ударной армии. Остальные части дивизии сосредоточились ближе к шоссе, за Северной дорогой, в 2 км северо-западнее деревни Мясной Бор. В этот же день 1000-й стрелковый полк из непосредственного подчинения командованию 52-й армии вернули в состав 305-й дивизии.

После упорных атак 52-й армии немцы временно притихли, действовали в основном авиацией и 17 апреля зенитчики сбили над Мясным Бором бомбардировщик Ю-88. С 18 апреля наземные войска противника активизировались. Враг усилил артиллерийский обстрел наших позиций, особенно 38-го полка 65-й дивизии и 1347-го полка 225-й дивизии. В 5 часов утра 18 апреля две разведгруппы противника — первая (30-35 чел.) из деревни Копцы и вторая (20-25 чел.) с восточной окраины Копцев пытались проникнуть на позиции 1347-го полка. Их во-время заметили и открыли огонь, 12 немцев было убито. В тот же день, 18 апреля, в 10 часов утра группа из 25-30 солдат противника пыталась вести силовую разведку на левом фланге 1000-го полка 305-й дивизии в направлении отметки 40,2, на север. На следующий день, 19 апреля враг возобновил атаки против 38-го полка 65-й дивизии и 1347-го полка 225-й дивизии. Это значило, что немцы опять двинули войска на коридор. Контрударом наши части разбили сводный полк полицейской дивизии СС "Адольф Гитлер", захватили 80 пленных, 2 танка, 20 орудий, 22 автомобиля, 100 лошадей, 50 повозок и мн.др.

Во время боев в окружении войска 2-й ударной армии не только пробивали коридор, но и вели боевые действия на флангах, не позволяя врагу перебросить к Мясному Бору дополнительные силы. В свою очередь неприятель активизировал разведку по всему периметру окружения. Немцы искали слабое место в нашей обороне, чтобы расчленил и уничтожить окруженные войска. 22 марта противник усилил разведку в полосе действий 23-й бригады. Прорыв через ее рубежи позволял неприятелю рассечь армию на две части. Воины бригады предприняли ответные действия. 23 марта группа ее разведчиков заняла деревню Никулино. Попытки немцы вернуть деревню были отбиты. Бои за деревню продолжались и в апреле. Так, 4 апреля после артподготовки 400 немцев трижды атаковали Никулино, но опять отступили с большими потерями.

Большую помощь 2-й ударной армии в мартовских боях оказала 54-я армия Ленфронта. Как уже отмечалось, она возобновила наступательные действия у Погостья. Имелось ввиду не только взять Любань, но и оттянуть на себя часть вражеских сил. 54-я армия нанесла удар такой силы, что германские войска у Погостья оказались на грани разгрома и едва смогли продержаться до прибытия из резерва горно-егерской дивизии.

В боях за коридор 382-я дивизия 2-й ударной армии, наступавшая с запада, захватила у врага большие склады продовольствия. "Небезинтересно отметить, — вспоминал командарм Н.К.Клыков, — что трофейный хлеб, плотно завернутый в целофан и упакованный по шесть штук в коробку, был выпечен еще в 1937—1938 годах. Несмотря на столь длительный срок хранения, он был вполне пригоден к употреблению. Его лишь требовалось немного увлажнить и разогреть. Мы послали несколько коробок этого хлеба в виде образца в Москву начальнику тыла Красной Армии". Перед нами убедительное доказательство того, как заботилась Германия о своих солдатах и как заблаговременно готовилась к большой войне. Эта забота и предусмотрительность весьма повышала боеспособность немецких войск, особенно в обороне. Немцы вообще уделяли обороне большое внимание и, заняв какой-либо рубеж, первым делом оборудовали прочную оборону и устраивались на ней с возможным комфортом. Вот и здесь, едва захватив горловину, неприятель тут же построил дзоты и дерево-земляные заборы из бревенчатых стен, между которыми насыпалась и утрамбовывалась земля. В дальнейшем наши войска стали сооружать в коридоре аналогичные заборы небольшой высоты, которые позволяли под огнем вражеских пулеметов пробираться ползком через коридор. "Отбитые нами у врага опорные пункты, — продолжает Н.К.Клыков, — были хорошо обеспечены всем необходимым для длительной обороны. В них находились стрелковое оружие, большое количество боеприпасов, запасы хлеба и консервов, минеральная вода и т.д."

Во время мартовских боев активизировали деятельность волховские партизаны. Во второй половине марта их силы пополнились 1-й партизанской бригадой. Ее сформировали в Ленинграде из 19 отдельных отрядов и групп под командованием подполковника Ф.Н.Тарасова. Вскоре в бригаду вошли еще 11 отрядов, она стала насчитывать свыше 800 чел. Ей поставили задачу разгромить гарнизоны противника в Луге и Толмачеве и взорвать железнодорожный мост через реку Лугу, чтобы помешать немцам перебрасывать войска против 2-й ударной армии.

Неприятель обнаружил партизан и не позволил им выполнить поставленные задачи. Однако бригада взорвала вместо железнодорожного четыре моста на Лужском шоссе, на обратном пути уничтожила лесопильный завод, мельницу и разгромила немецкие гарнизоны в одноименных с мясноторскими лужских деревнях Полново, Замошье и Долгово, где освободила около 70 советских военнопленных.

Под Спасской Полистью в течение марта сильные атаки 61-й и 215-й пехотных дивизий неприятеля отбивали 377-я, 267-я и 378-я стрелковые дивизии. В конце марта немецкие атаки несколько стихли, а 377-я дивизия получила маршевое пополнение. Тогда ее 1247-й стрелковый полк перешел в наступление на Трегубово, но был остановлен вражеской артиллерией и авиацией и понес большие потери. Однако 1247-й полк и наступавший левее 1249-й полк повторили атаку и прорвались к реке Полисть перед самой деревней. Форсировать Полисть полки не смогли, так как с западного берега немецкие дзоты вели сильный огонь, а поле перед ними оказалось заминировано. Наши бойцы залегли. Лишь небольшой отряд во главе с командиром 1247-го полка капитаном М.И.Агафоновым и ответственным секретарем партбюро полка старшим политруком П.П.Валявиным сумел в другом месте перейти Полисть и двинулся к деревне вдоль шоссе. Там отряд попал в засаду и полностью погиб. Захватить Трегубово 377-я дивизия не смогла. Командование поставило ей новую задачу: овладеть соседней деревней Михалево, расположенной южнее, на восточном берегу Полисти. Бои за Михалево развернулись в начале апреля. Танковый батальон дивизии с десантом автоматчиков на броне неоднократно пытался ворваться в деревню. Когда один из наших танков был подбит, экипаж его весь день вместе с десантником красноармейцем П.А.Оспищевым вел огонь по немцам и только ночью вернулся в батальон. 4 апреля стрелковая рота 1247-го полка и взвод 1249-го полка прорвались на восточную окраину Михалева. Попытки развить успех не удались, но достигнутые позиции дивизия закрепила и сохранила связь с прорвавшейся к деревне группой, которая много дней вела неравный бой. В боях за Михалево отличилась минометная рота старшего лейтенанта А.С.Духу. Она уничтожила 3 вражеских миномета, противотанковую пушку, 3 автомобиля и около 200 немцев. А.С.Духу наградили медалью "За отвагу".

Одновременно с контрнаступлением против 377-й дивизии противник обрушился на соседние позиции 378-й дивизии, прорвал ее оборону и 31 марта окружил 378-ю плотным кольцом. В дивизии оставалось около 800 активных штыков. Немцы начали теснить ее, сжимая кольцо и захватывая острова в болоте, на которых она размещалась, и, наконец, зажали ее на пятачке 1,5 x 2,5 км между реками Полисть и Глушица у ручья Скребельского. Дивизия наносила ответные удары, не столь крупные, зато болезненные. Например, бойцы дивизии обнаружили свежую лыжню,

пересекавшую колонный путь окруженцев. У лыжни оставили засаду из 12 красноармейцев во главе с помощником командира взвода Гончаровым и заместителем политрука Петровым. К вечеру они увидели на лыжне 60 немцев из дивизии СС "Мертвая голова". Огнем из винтовок и ручного пулемета они уничтожили всех эсесовцев. За этот бой Петров и Гончаров были награждены орденами Красного Знамени, красноармейцам вручили ордена Красной Звезды и медали.

Большой урон наносили врагу командир батальона лейтенант Пахомов и ездовой сержант А.Н.Титов из Московской области. Пахомов бил врага из "максима", Титов — из трофейного пулемета. Они действовали из засад у шоссе Новгород-Чудово, севернее деревни Малое Опочивалово и уничтожили десятки немцев. Погибли Пахомов и Титов вместе, при артобстреле. Их посмертно наградили орденами Красного Знамени.

Метко стрелял из 45-мм противотанковой пушки командир расчета старший сержант Деревянко. Его орудие вело бои с танками со стороны деревни Глушица. Немцы специально охотились за ним, посылали против него самоходные артустановки. Но Деревянко менял огневые позиции и оставался неуязвим. Он подбил несколько танков и самоходных орудий. В одном из боев у него оставался один снаряд, а на позицию шли несколько самоходок. Деревянко сам навел пушку и последним снарядом подбил переднюю машину, остальные повернули назад. Храброго артиллериста наградили орденом Красного Знамени.

Саперы дивизии с помощью местных жителей ставили мины во вражеском тылу, минировали шоссе Новгород-Чудово, вели разведку, брали пленных. 15 апреля, проведя мощную артподготовку, немцы атаковали дивизию пять раз, потеряли более 100 человек убитыми, но цели не достигли. Противник продолжал атаки. На одном из участков 6 бойцов со старшиной Ф.Гладких отразили несколько атак,

убив около 20 врагов. Орудие старшего сержанта Заварзина за 20 дней уничтожило вражескую пушку с прислугой, 3 автомобиля, 3 мотоцикла, 9 повозок, 2 блиндажа и до 40 немецких солдат. Политрук роты 661-го отдельного саперного батальона дивизии старший лейтенант И.З.Ярошевич в одном из сражений получил два ранения, но из боя не вышел. Во время одного из боев вражеские автоматчики прорвались к медсанбату дивизии, расположенному у Северной дороги. Врачи, санитары и легкораненые вступили в бой и прикрыли эвакуацию остального персонала, тяжелораненых и имущества медсанбата.

Окруженную дивизию снабжали по воздуху самолеты У-2 660-го авиаполка 59-й армии. Они сбрасывали по ночам сухари, боеприпасы, медикаменты, кожаную обувь. Последнее имело особое значение, т.к. начиналась весна, а бойцы по-прежнему ходили по болоту в валенках. От огня "мес-сершмиттов" беззащитные У-2 несли потери. Летчики возвращались из полетов ранеными. Например, самолет летчика Суругина и бомбардира Мотыненко, сбросив продовольствие окруженным, возвращался назад. Над линией фронта немецкие истребители повредили самолет, ранили пилотов, экипаж с трудом дотянул до аэродрома. Тяжелое ранение получил при выполнении задания летчик Питкевич, но тоже сумел посадить подбитый самолет на свой аэродром.

Нередко сброшенные грузы падали на нейтральную полосу и тогда за ними охотились немцы. Начальник 1-го отдела штаба дивизии майор Печенин подобрал группу бойцов и устраивал засады на таких немцев-охотников, причем захватывал пленных.

378-я дивизия продолжала держаться, но силы таяли, от нее оставалось уже меньше батальона. 20 апреля командир оперативной группы И.Т.Коровников приказал дивизии выходить из окружения. В ночь на 24 апреля дивизия и прикомандированный к ней 11-й гвардейский полк 4-й гвардейской дивизии двинулись через Скребельский ручей к Сенной Керести на прорыв через шоссе. На прежних рубежах остались группы прикрытия с ручными пулемётами. Пулеметчики часто меняли позиции и вели сильный огонь. Немцы встревожились и засыпали передний край дивизии снарядами и минами. Группы прикрытия едва успели отойти к главным силам дивизии. Полки шли медленно, неся раненых на носилках. Бывший командир 1258-го полка К.В.Сергеев вспоминал: "Путь оказался трудным. Вскрывшиеся ручьи образовали сплошное озеро. Местами вода стояла выше колен, а под нею был скользкий лед. Люди — усталые, голодные —

шли, все время оскальзываясь, падали вместе с ранеными /.../ Внезапно я наткнулся на пучки цветных проводов. Вражеская связь! Немедленно перерезали провода в нескольких местах. Куски их тут же пошли на укрепление носилок, сделанных из сырых тяжелых берез". К рассвету дивизия вышла на сухую поляну и замаскировалась в мелколесье. Противник обнаружил ее отход и послал на поиски самолеты, но немецкие летчики не заметили маскировку. Немного передохнув, дивизия и гвардейский полк пошли на штурм вражеской обороны, которая тянулась вдоль дороги Сенная Кересть — Глушица. Главной ударной силой наметили гвардейский полк как наиболее боеспособный. Он наступал в центре. 1258-й полк 378-й дивизии наступал на правом, 1254-й и 1256-й полки — на левом фланге.

1254-й полк прорвать позиции противника не смог. Гвардейский полк потерпел неудачу и отошел к 1258-му полку. Решили пробиваться в другом месте, через болото Гажьи Сопки. Впереди шел 1258-й полк, в арьергарде - 1254-й полк. Вечером 25 апреля, едва дивизия вышла к дороге, ведущей вдоль болота, по ней открыли огонь вражеские дзоты. Командир 1258-го полка С.С.Брысин приказал пяти саперам во главе со старшиной Я.Г.Кравцовым уничтожить дзоты. В полку оставалось всего 27 чел., считая командира. Огнем из ручного пулемета саперы отвлекли внимание немцев, обошли два дзота и забросали их гранатами. В обороне противника образовался разрыв. Первым проскочил в него гвардейский полк. Оборону коридора возглавил начальник штаба 1258-го полка Г.Е.Анисимов. 1254-й и 1258-й полки перешли дорогу и двинулись к болоту. Они едва успели опередить немецкие танки, которые подходили сюда со стороны Глушицы и Сенной Керести. На окраине болота дивизия имела небольшую стычку с противником. Дальше немцев не было и остатки полков беспрепятственно прошли через Гажьи Сопки 8 км. Знамя 1258-го полка несла на себе 20-летняя военфельдшер А.Новотюнникова. 1256-й полк дивизии, не входивший в прорыв, в это время пробивал к окруженной дороге со стороны деревни Глушицы, обеспечивая последний этап выхода.

Медсанбат дивизии и санроты полков выходили из окружения по узкоколейной железной дороге, под орудийным огнем, толкая вагонетки, на которые погрузили раненых. Мы еще вернемся к этой узкоколейке, а здесь отметим, что на одном участке враг прорвался к дороге и медикам пришлось взять оружие. Начальник аптеки из санроты 1258-го полка Т.А.Войда и другие женщины отбили атаку

винтовочным огнем и спасли раненых. После выхода из окружения 378-ю дивизию отвели на отдых и переформирование.

7 апреля 61-я дивизия неприятеля начала наступление против 267-й дивизии у Спасской Полисти. Немецкие автоматчики прорвались к штабам 846-го и 844-го полков. Штаб 846-го полка располагался у деревни Приютино. Командир полка майор И.Я.Кисель приказал работникам штаба и охране занять круговую оборону. Когда немцы приблизились на 30-40 м, полковой комиссар В.П.Дмитриев поднял людей в контратаку. Защитники штаба отбросили врага. В бою Дмитриев погиб. В партию он вступил на Халхин-Голе, где участвовал в боях с японцами. За Халхин-Гол получил два ордена Красного Знамени — советский и монгольский. В Великую Отечественную войну Дмитриева наградили еще одним орденом Красного Знамени. За подвиг у деревни Приютино Указом Президиума Верховного Совета СССР 21 февраля 1944 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Похоронен комиссар в Малой Вишере.

Несколько раз атаковал неприятель штаб 844-го полка северо-западнее Трегубово. Группа солдат противника прорвалась к землянке, где находились 17 раненых и военфельдшер Любовь Сосункевич. Защищая раненых, она убила из револьвера двух немцев. Храбрая девушка в сражениях у Спасской Полисти вынесла из боя более 60 раненых, за что была награждена медалью "За отвагу".

8 тот же день другая девушка радистка роты связи Мария Пивоварова, член бюро комитета ВЛКСМ 844-го полка, во время боя поддерживала радиосвязь со штабом дивизии. Когда враг подошел метров на 30 к командному пункту, М.Пивоварова с винтовкой заняла место в боевом строю. Стреляя в немцев, она пела "Катюшу" и голос ее, и слова песни воодушевляли бойцов. Они продержались до прихода подкрепления, которое вызвала Мария по радио, но сама она получила смертельное ранение. Последними ее словами были: "Спасите мою рацию. Напишите маме..". Могила М.Пивоваровой не известна.

848-й полк сражался на северном фланге дивизии у деревень Глушица и Сенная Кереть и успешно отбивал атаки противника. Особенно отличился 1-й батальон старшего лейтенанта А.А.Ильяшевича. Только 7 апреля он отразил 5 вражеских атак.

267-я дивизия выстояла. 15 апреля она по приказу командования отошла на новый рубеж обороны. Он проходил южнее прежнего, вдоль дороги Ольховка — Спасская Полисть. Здесь воины дивизии под руководством дивизионного

инженера командира 560-го отдельного саперного батальона капитана Т.ККузнецова создали прочные рубежи с минными полями, завалами, дзотами, установили управляемые фугасы. Оборона была настолько прочной, что противник так и не смог преодолеть ее за все время последующих боев. На новом месте майора Назирова перевели в 374-ю стрелковую дивизию, где он вступил в командование 1244-м стрелковым полком.

Тем временем 376-я дивизия продолжала упорные бои у деревень Сенная Кересть и Глушица. Рядом с 378-й со второй половины марта сражались 24-я гвардейская дивизия и 165-й лыжный батальон. 12 апреля на подмогу к ним перебросили 11-й гвардейский полк 4-й гвардейской дивизии. Он заменил 1256-й полк 378-й дивизии, который не вошел в прорыв. Наши войска разместились среди болот Гажьи Сопки и Грядовский Мох, на обширных сухих островах, где растут могучие старые ели и толстые осины. На рассвете 15 марта после залпа "эресов" и небольшой артподготовки немецкие позиции бомбили 12 пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Удар с воздуха помог захватить первую траншею противника, но вскоре враг опомнился и пошел в контратаку. Красноармейцы встретили врага в штыки, опрокинули его и заняли вторую траншею. На поле боя появились танки Т-34 и немцы побежали. В результате наступления атакующие войска соединились с частями у Спасской Полисти, пробив к ним узкий коридор. Немецкий "язык" оказался разрезан надвое, левая часть его — окружена. Только 11-й гвардейский полк захватил два танка, 20 пулеметов и пушек, 300 пленных. По коридору проложили телефонную линию. Но развить наступление и разгромить окруженного противника было нечем — снаряды кончились. Германские солдаты, видя это, спокойно ходили по переднему краю, на глазах у наших бойцов они выстраивались в очередь к полевым кухням. После обеда, отдохнув, немцы принимались бить по нашим позициям из гаубиц и минометов. Налетали немецкие самолеты. Нередко траншеи гвардейцев бомбили сразу 30 пикировщиков Ю-87. Артогонь неприятель корректировал с воздуха, часами не давая красноармейцам ни ходить, ни ползать. Летали корректировщики низко и бойцы стреляли по ним из винтовок, хотя и знали, что сбить из винтовок "Хеншель-126" невозможно — брюхо у него бронированное. И все же командиру зенитной счетверенной установки сержанту Можугину удалось сбить один "Хеншель" из своих пулеметов. Мартовские бои в Мясном Бору показали чрезвычайную уязвимость коммуникаций 2-й ударной армии и опасность даже кратковременного их нарушения.

Продовольствие и фураж окруженным войскам сбрасывали с самолетов Ли-2 и У-2, если им удавалось ускользнуть от немецких "мес-сершмиттов". В отдельные ночи перевозилось до 100 т грузов, но этого было далеко не достаточно. В конном корпусе дневной рацион сразу сократился до одного сухаря в день на человека; питались, главным образом, трупами убитых и павших лошадей, которые выкапывали из-под снега. Положение пехоты было хуже. Там приходилось выделять усиленные наряды для охраны еще сохранившихся живых коней, чтобы солдаты не украли и не съели их. Повар одной из частей, расположенных на плацдарме у Волхова, ефрейтор Пименов предложил тыловым службам фронта делать для окруженных пельмени и доставлять самолетами. Повар объяснял, что пельмени очень питательны, в них есть мясо, мука, соль, их просто и быстро приготовить к употреблению. Командование фронта заинтересовалось предложением и доложило о нем А.И.Микояну, который во время войны являлся председателем Комитета продовольственно-вещевого снабжения РККА. Микояну идея понравилась, он приказал изготовить на Московском мясокомбинате 5 млн. пельменей. Самолеты У-2 доставили их 2-й ударной армии. Но эта акция не имела продолжения, а сброшенные с воздуха пельмени кончились быстро.

Новые трудности возникли с наступлением весны. 29 марта началось сильное таяние снега, лесные поляны стали превращаться в озера, а дороги — в сплошное месиво жидкой грязи выше колена. К тому же вследствие узости коридора (1,5-2 км) 2-я ударная продолжала испытывать недостаток боеприпасов и продовольствия, борьба за коридор часто переходила в рукопашные схватки. Для снабжения войск был срочно оборудован полевой аэродром недалеко от штаба армии у деревни Дубовик, но немцы постоянно бомбили его. Кроме аэродрома устроили посадочные площадки недалеко от расположения госпиталей для вывоза раненых санитарными самолетами У-2. Такая площадка имелась, например, у села Вдицко, где размещался госпиталь 59-й стрелковой бригады.

Вражеская авиация все более активизировалась, немецкие самолеты стали гоняться даже за отдельными пешеходами. Чувствуя, что армия выдыхается, противник начал сбрасывать с самолетов агитационные листовки с призывами сдаваться и пропусками в плен. Сбрасывали немцы и мины-сюрпризы.

После открытия коридора в Мясном Бору началась эвакуация еще уцелевших коней 13-го корпуса. Весной им нечего было делать в болотах, к тому же они совсем обессилели. За Волховом их сводили для поправки в специально

организованные конные депо. Личный состав кавалерийских дивизий еще оставался у Финева Луга, но теперь он превратился в обычную пехоту. Выводить людей за Волхов приказа не поступало и комкор Н.И.Гусев выяснял у местных жителей режим разлива рек, ручьев, озер и болот, чтобы строить оборону в новых условиях.

В апреле бойцам Мясного Бора стало еще труднее. Начавшаяся распутица сделала дороги полностью непроезжими. Специальные группы красноармейцев и гражданского населения носили на себе боеприпасы и продовольствие за 30-40 км. В тех условиях дорога от деревни Мясной Бор до штаба армии на реке Кересть (8-12 км), куда штаб перебрался из Дубовика, занимала в один конец до 3-4 дней. Для снабжения 2-й ударной направили вспомогательные самолеты У-2 и Ли-2 из 101-го полка авиации дальнего действия (командир — Герой Советского Союза В.С.Гризодубова) с аэродрома в Хвойной. 10 апреля начался ледоход на Волхове, зимние переправы перестали действовать. Соорудить наплавные мосты до конца ледохода не представлялось возможным и снабжение фронта всеми видами довольствия значительно сократилось.

Когда сошел лед, у Селищенского поселка за пять дней был наведен через Волхов наплавной мост на плотках. Вскоре соорудили второй мост. Мосты имели грузоподъемность 30 и 60 тонн, но с большим потоком грузов они не справлялись и в дополнение к ним устроили 30-тонные паромные переправы у деревень Ситно и Русса. Для борьбы с переправами враг применил плавучие мины. На их уничтожение направили 4-й отдельный моторизованный инженерный батальон майора Н.В.Романкевича. Мины оказались неизвестной конструкции. При попытке разрядить одну из них погиб начальник штаба батальона старший лейтенант Гимейн. Но вскоре секрет мины удалось разгадать, ее описание отправили в штаб инженерных войск РККА.

Главные бытовые особенности Волховского фронта определялись в то время постоянным пребыванием под разрывами бомб и снарядов, в наполненных талой водой землянках, при скудном продовольственном пайке. К этому добавился еще и трупный запах. Хирург А.А.Вишневский уже в начале марта обратил внимание подчиненных на неубранные многочисленные трупы людей и лошадей и опасность возникновения в связи с этим эпидемий. Пришлось создавать новые похоронные команды.

Помимо угрозы эпидемий, вид неубранных трупов, особенно наших бойцов, весьма отрицательно сказывался на моральном состоянии воинов-красноармейцев. Ведь они знали, что немцы вытаскивали своих убитых даже из боя. Для этого в германской армии имелись специальные крючья, их и сегодня можно найти в Мясном Бору. Воин вермахта был уверен, что в случае гибели его достойно похоронят, причем сначала временно, в бумажном мешке, пропитанном парафином, а после победы могут перевести в рейх. Кроме того, своевременная уборка трупов не позволяет неприятелю судить о потерях противной стороны, что весьма важно само по себе. И все же главным здесь, пожалуй, был нравственный аспект. Ветеран Мясного Бора Г.И.Геродник специально отмечал в своих воспоминаниях, что похоронные команды во 2-й ударной армии были слишком малочисленны и со своими задачами не справлялись. Вдобавок, их первыми из тыловых служб посылали на передовую в трудные моменты. Психологические и идейно-воспитательные утраты при таком отношении к живым и мертвым в нашей армии в расчет не принимались. Несомненно, отрицательную роль здесь сыграл и внедрявшийся в сознание после революции нигилизм в отношении жизни и смерти конкретного человека, когда интересы личности изначально приносились в жертву мифическим интересам коллектива, причем забывалось, что коллектив образуют на основе взаимопомощи именно личности, а не безликие особи. Даже в Мясном Бору в условиях окружения заботу проявили прежде всего о лошадях, а не о людях. Лошадей первыми стали выводить из кольца, в то время как их хозяева из корпуса Гусева оставались в весенних болотах. Личный состав корпуса начали выводить из прорыва за Волхов только в апреле. Опасаясь авиации противника, людей и имущество эвакуировали по ночам. Корпус выходил на "Большую землю" почти до самого конца Любанской операции.

Зимой-весной 1942 г. Волховский фронт понес значительную убыль в личном составе. Маршевые роты и батальоны не успевали возмещать потери. Особенно тяжело пришлось лыжным батальонам. Они не только сражались вместе со стрелками и кавалеристами, но и совершали рейды в тыл врага, охраняли коммуникации, выполняли эстафетную связь между штабами частей. Потери лыжных

батальонов оказались столь велики, что кроме 45-го, 46-го, 49-го и 167-го лыжбатов, пришлось расформировать 166-й и 50-й, а в апреле — вероятно, еще и в связи с таянием снега, 169-й, 170-й, 171-й и 39-й батальоны.

Весной возрасли потери среди разведчиков, т.к. большие разливы затрудняли поиски и иные действия разведки. В 59-й бригаде командир отдельной саперной роты Тихонов предложил поэтому составить спецгруппу разведки из лучших коммунистов. В группу вошли старшина роты коммунист Чушкин и ефрейтор комсомолец Ванюшин. В самом конце марта их забросили во вражеский тыл на пешеходную тропу среди болот. Вскоре они заметили на тропе немецкого офицера в сопровождении солдата. Офицер был пьян и горланил песню. Солдат получил удар ножом, офицера взяли в плен. Он оказался обер-лейтенантом германского генштаба и привез на фронт приказы и награды из Берлина. На фронте офицер решил навестить друга и теперь возвращался от него в штаб. Командир 59-й бригады полковник И.Ф.Глазунов и комиссар бригады И.Х.Венец допросили пленного. Сначала он держался заносчиво, но когда ему вернули личные вещи и пообещали отправить в Москву, пленный захотел отплатить добром и помочь "хорошим большевикам" спасти свои жизни. Он потребовал лист бумаги, нарисовал на нем расположение 2-й ударной армии и перечеркнул крестом. Затем он заявил, что привез из Берлина приказ окружить и уничтожить 2-ю ударную армию и изобразил план операции на схеме. В подтверждение своих слов он извлек из-за обшлага на рукаве шинели копию приказа. Сведения были ценнейшими, но ни в штабе 13-го корпуса, которому подчинялась бригада, ни в штабе армии, ни в Москве на них не обратили должного внимания.

Штаб армии и штаб фронта в это время завершали разработку новой операции по взятию Любани. Интересно, что в воспоминаниях комфронта К.А.Мерецкова и в статье его преемника на этом посту и оппонента М.С.Хозина ничего не говорится о данном варианте наступления. Только в воспоминаниях начальника артиллерии 2-й ударной армии. Г.Е.Дегтярева* есть рассказ о новой попытке захватить Любань. Планирование наступательной операции в тех условиях объяснить довольно трудно: армия в болотах, весна, куда уж тут наступать? Инициатива нового наступления не могла принадлежать Клыкову и Мерецкову, она могла исходить только от Ставки и Сталина.

Удар на сей раз наносился километров на 30 южнее Любани, в направлении деревни Апраксин Бор. Наступление началось 3 апреля после часовой артподготовки Г.Е.Дегтярев отмечает, что впервые под Любанью артиллерия и пехота действовали так согласованно. Через два часа пехота выбила немцев из первой и второй траншей и тем не менее взять Апраксин Бор не удалось.

Н.К.Клыков приказал за ночь перегруппировать пехоту и артиллерию для новой атаки. Снарядов оставалось: на гаубицы по 30-40, на пушки — 100-125; минометных мин: для тяжелых полковых 122-мм минометов — по 40 мин, для батальонных 82-мм — по 80 мин. Пришлось поставить орудия на прямую наводку и обходиться в основном 45-мм пушками и ротными 50-мм минометами. Утром 4 апреля наступление возобновилось, вперед пошли танки, но противник успел перебросить свежие войска на угрожаемые направления. Пришлось вместо наступления отражать контратаки врага. Операция в очередной раз провалилась. Военный совет фронта прислал комиссию, чтобы разобраться в причинах неудачи. Возглавлял комиссию заместитель командующего фронтом А.А.Власов. "Трое суток, — вспоминал Г.Е.Дегтярев, — члены комиссии беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами. От меня потребовали письменное объяснение: почему артиллерия недостаточно надежно подавляла огневые средства противника/.../ Затем был зачитан акт комиссии и к вечеру она выбыла из армии. — "Все", — мрачно сказал Клыков, распрощавшись с нею/.../ Предчувствие не обмануло его, несколько дней спустя он был смещен с поста командующего 2-й ударной армией".

Г.Е.Дегтярев является единственным автором, который сообщает истинную причину замены Клыкова — провал апрельского наступления. Другие авторы воспоминаний и исторических трудов, в том числе и К.А.Мерецков, пишут, что Клыков был заменен "в связи с тяжелой болезнью". Однако в "Дневнике" ведущего хирурга Волховского фронта А.А.Вишневого не отмечено тяжелое заболевание Клыкова, хотя там зафиксированы все случаи заболеваний и ранений высшего комсостава Волховского фронта. Например, спондилоартрит позвоночника у полковника Богдановича, тромбофлебит у начальника штаба 2-й ударной генерала В.А.Визжилина, ранение от подрыва на mine начальника артиллерии фронта генерала В.Э.Тарановича, ранение в руку генерала В.И.Пестова и в ногу генерала И.Т.Коровникова. Несомненно, было бы отмечено и заболевание командующего армией, тем более тяжелое. Следовательно, здесь имела место одна из столь привычных и понятных нам формулировок: "в связи с переходом на другую работу", "в связи с болезнью" и т.д.

В сражении за Апраксин Бор 382-я дивизия, занимавшая прежние позиции между 59-й бригадой и 327-й дивизией у Верховья и Глубочки, вела наступательные бои отвлекающего характера. Так, 12 апреля рота младшего лейтенанта Евдокимова

(32 чел.) из 1267-го полка получила приказ захватить три немецких дзота. Старший сержант Борщев предложил отвлечь внимание неприятеля на себя. Ночью он открыл по врагу беспокоящий огонь из пулемета и автомата, разместив оружие в разных окопах. Немцы разозлились и ответили огнем, а тем временем рота подползла к вражеским дзотам, забросали их гранатами и захватила. Утром противник пошел в атаку, но вернуть дзоты немцам не удалось. Тогда они переправились через реку Тосно на стыке с позициями 59-й бригады и атаковали дивизию с левого фланга. Однако 1265-й стрелковый полк в рукопашной схватке одолел врага и отбросил за реку. Дальнейшие попытки противника наступать успеха не имели. Дивизия задачу выполнила, она сковала врага на своем участке активными действиями .

Навстречу 2-й ударной армии по-прежнему наступала 54-я армия Ленфронта. С конца марта она вновь возобновила встречные бои в районе Погостья и отвлекла на себя крупные силы противника, в том числе непосредственно из-под Ленинграда. И все же взаимодействия двух армий опять не получилось. Волховский фронт полностью исчерпал наступательные возможности, события под Любанью показали это со всей очевидностью. Неудача еще острее ставила вопрос о продолжении Любанской операции и судьбе 2-й ударной армии в волховских болотах.

На других фронтах зимнее наступление 1942 г. к этому времени почти завершилось. Соседний Северо-Западный фронт никак не мог добить окруженного под Демянском врага из-за отсутствия должного количества техники и боеприпасов. Политуправление Северо-Западного фронта даже выпустило листовку с призывом: "Красноармеец! Бей немцев штыком и прикладом!". Противник наладил сухопутное и воздушное сообщение с окруженной группировкой и начал выводить ее через коридор в районе Рамушево. На западном направлении к концу марта Красная Армия, разгромив крупные группировки врага, понесла большие потери и в значительной степени утратила наступательные возможности. Сталин в директиве от 20 марта настойчиво требовал продолжать наступление, но все-таки пришлось остановиться и перейти к обороне. Постепенно стабилизировалась обстановка и на других направлениях. На Керченском полуострове войска Крымского фронта продолжали атаки противника, имея целью деблокаду Севастополя.

Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб РККА приступили к разработке плана весенне-летней кампании 1942 г. Сталин видел, что Красная Армия до лета не успеет накопить силы для крупных операций и полагал перейти летом к активной обороне, но одновременно отстаивал необходимость наступательных операций в Крыму, на Курском и Смоленском направлениях и под Ленинградом. Кроме того, он считал обязательным завершить разгром демянской группировки. Главные резервы посылались на Брянский фронт, чтобы обезопасить Московское направление. В конце марта в ГКО состоялось совещание. Выступая на нем, Г.К.Жуков предлагал вернуться к разгрому Ржевско-Вяземской группировки, представлявшей прямую угрозу Москве. Б.М.Шапошников считал необходимым ограничиться на лето активной обороной, а резервы сосредоточить на центральном направлении и, частично, Воронежском, где по мнению Генштаба возможен главный удар немцев. И.В.Сталин выступал за более активные действия. Он заявлял: "Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера". С.К.Тимошенко и К.Е.Ворошилов требовали начать наступление одновременно на западном и юго-западном направлениях с целью сковать силы противника и расстроить его планы. В конце совещания Сталин вынес свое окончательное решение: провести в ближайшее время несколько частных операций в Крыму, на Западном, Северо-Западном и Юго-Западном направлениях.

Намеченное Сталиным новое распределение сил по нескольким направлениям при отсутствии решительных целей привело к израсходованию резервов и утрате стратегической инициативы. В результате просчетов Сталина германские войска вышли к Волге и грозненской нефти.

Экономика СССР пока не могла обеспечить армию необходимым объемом военной продукции, хотя успехи в производстве оружия и военной техники были очевидны. Например, производство танков Т-34 в марте 1942 г. в 2,8 раза превысило уровень ноября 1941 г. До решительного перелома в выпуске вооружений оставалось совсем немного, но в марте 1942 г. этот перелом еще не наступил. Стране было очень трудно. Рабочих рук не хватало. На заводах к станкам встали женщины и подростки. В армии женщины тоже сражались вместе с

мужчинами. В конце марта 1942 г. по предложению командующего войсками ПВО генерал-лейтенанта М.С.Громадина началась мобилизация женщин в зенитные полки и батареи. Призыв девушек в ПВО сопровождался патриотическим подъемом, военкоматы были переполнены добровольцами. В сельском хозяйстве в 1941—1942 гг. резко сократились посевные площади, т.к. враг захватил значительную часть плодородных земель, в армию по мобилизации ушло много лошадей и техники из МТС. И в деревне, и в городе не хватало автомобильного и тракторного горючего, двигатели автомобилей и тракторов начали переделывать в газогенераторные, способные работать на любом твердом топливе.

Тем временем Гитлер 5 апреля подписал директиву № 41: он призывал вновь овладеть стратегической инициативой, завершить захват Украины, выдти к Волге, захватить Кавказ и кавказскую нефть. Для обеспечения главного стратегического направления предписывалось покончить с Севастополем, вернуть Керчь, ликвидировать под Харьковом Барвенковский плацдарм и взять Ленинград. В решении последней задачи значительное место занимала ликвидация прорыва 2-й ударной армии.

Командование вермахта готовилось уничтожить 2-ю ударную армию. А командование Волховского фронта после неудачи под Любанью подбирало новую кандидатуру на пост командарма. 16 апреля последовали переговоры по аппарату Бодо между К.А.Мерецковым и членом Военного совета фронта А.И.Запорожцем — с одной стороны и членом Военного совета 2-й ударной армии бригадным комиссаром И.В.Зуевым и генералом А.А.Власовым — с другой стороны относительно кандидатуры командарма:

К.А.Мерецков - И.В.Зуеву: "Кого выдвигаете в качестве кандидата на должность командарма?".

И.В.Зуев: "На эту должность кандидатур у нас нет. Считаю необходимым доложить вам о целесообразности назначения командующим армией генерал-лейтенанта Власова".

А.А.Власов: "Временное исполнение должности командующего армией необходимо возложить на начальника штаба армии полковника Виноградова".

К.А.Мерецков и А.И.Запорожец — А.А.Власову: "Считаем предложение Зуева правильным. Как вы, товарищ Власов, относитесь к этому предложению?".

А.А.Власов: "Думаю, судя по обстановке, что, видимо, придется подольше остаться в этой армии. А в отношении назначения на постоянную, штатную должность, то если на это будет ваше решение, то я его, конечно, выполню".

К.А.Мерецков: "Хорошо, после нашего разговора последует приказ".

Итак, Власова на пост командарма предложил И.В.Зуев, которому довелось служить вместе с Власовым еще до войны. Мерецков не возражал. Оставалось доложить в Москву и ждать решения Ставки. В получении положительного ответа существовали сомнения: перевод с поста заместителя командующего фронтом на пост командарма означал понижение в должности, а Власов все-таки являлся любимцем Сталина. Однако Сталин решение волховцев утвердил незамедлительно. Интересы дела для него стояли на первом месте. 20 апреля в войсках Волховского фронта стало известно, что Н.К.Клыков смнен и приказом Ставки исполнять обязанности командующего 2-й ударной армией назначен заместитель командующего фронтом А.А.Власов.

На прежнем посту замкомфронта Власов ничем себя не проявил, поскольку вообще не привык быть чьим-то заместителем. "С недоумением наблюдал я за своим заместителем, — вспоминал Мерецков, — отмалчивавшемся на совещаниях и не проявлявшем никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло /.../ Создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом, лишенная ярко очерченного круга обязанностей/.../". Власов платил Мерецкову той же неприязнью. Наверное, Мерецков немало поразился, когда Сталин убрал Власова из штаба фронта и отправил командовать армией. О Власове на посту командарма рассказывает упомянутый выше его адъютант майор Н.Кузин.

Согласно показаниям Кузина, "во 2-й ударной армии Власов хорошо дружил с членом военного совета Зуева и начальником штаба Виноградовым.

С Зуевым они вместе до войны работали в 4-м мехкорпусе. В беседе с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие стратеги — это по поводу Мерецкова, — завели армию на гибель.

Власов по адресу тов.Мерецкова говорил: "Звание большое, а способности... - и дальше не договаривал, но он давал понимать.

Судя по разговору Власова, он не хотел никого понимать и хотел быть хозяином.

Власов во 2-й ударной армии не любил начальника особого отдела Шашкова, это Власов не раз высказывал Зуеву, а один раз Власов скомандовал Шашкову выйти из землянки".

Натура Власова удивительно точно соответствовала тому знаку зодиака, к которому он относился по дате своего рождения (1 сентября) - знаку Дева. Черты его характера подтверждали главные особенности этого знака. Власов терпеть не мог беспорядок, разгильдяйство, стремился к совершенству в работе и не любил, когда ему мешали. Но вместе с тем, терпеть не мог всякое начальство, любые "руководящие указания" и не переносил критики. Доброе отношение Власова к Зуеву является одним из тех исключений, которые подтверждают правило. Власов не любил комиссаров и "указаний партии", а Зуев был дивизионным комиссаром, т.е. политработником высокого ранга. В начале войны он в звании бригадного комиссара состоял членом Военного совета 11-й армии. Во 2-ю ударную его перевели в марте 1942 г. вместо бригадного комиссара А.И.Михайлова. Зуев отличался личной храбростью, настойчивостью и вместе с тем добрым отношением к людям. Он как бы воплощал идеальный тип комиссара. Таких людей очень ценили на фронте.

В конце марта - начале апреля, после прорыва окружения 2-й ударной армии, группа работников политуправления Волховского фронта во главе со старшим батальонным комиссаром И.П.Поповым представила командованию фронта донесение. В донесении содержалась характеристика положения 2-й ударной армии и предлагалось отвести ее на плацдарм, за линию шоссе. Такие же представления о выводе армии подавали работники штаба фронта, возвращаясь из командировок во 2-ю ударную. К.А.Мерецков неоднократно предлагал И.В.Сталину отвести армию из болот, но вместо этого неожиданно для всех Ставка приняла решение ликвидировать Волховский фронт.

Долина смерти...Страшный ад В живых оставшийся запомнит. Там было трудно умирать В те двадцать лет, еще не полных. Н.И. Орлов. "Долина смерти".

Глава IV. ДОЛИНА СМЕРТИ

Инициатива в ликвидации Волховского фронта принадлежала генерал-лейтенанту М.С.Хозину. Он родился в 1898 г. Прапорщиком участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г. пошел служить в Красную Армию, командовал батальоном.

Вступил в РКП(б). В 1925 г. окончил курсы усовершенствования высшего состава при Военной академии им. М.В.Фрунзе, командовал стрелковой дивизией, корпусом, в 1938 г. — войсками Ленинградского военного округа, с 1939 г. — начальник Военной академии им. М.В.Фрунзе. В начале Великой Отечественной войны заведывал тылом резервных армий, затем был заместителем начальника Генштаба и начальником штаба Ленинградского фронта, командовал 54-й армией. С сентября 1941 г. — командующий Ленинградским фронтом. Карьера М.С.Хозина типична для крупного военачальника 1920-1930-х гг. Особыми талантами он не блистал, недаром в 1944 г. его убрали с фронта и послали в тыл командовать Приволжским военным округом, а потом и военно-учебными заведениями. Однако для столь посвященного человека как Хозин не требовалось большого ума, чтобы заметить очевидные просчеты Ставки в первый период войны. В 1966 г., разбирая причины неудач Любанской операции, он главным виновником считал Ставку, не снимая вместе с тем ответственности и с командования 2-й ударной армии. Он писал: "Было бы не совсем правильным, говоря о причинах неудач зимнего наступления 1941/1942 года Волховского и Ленинградского фронтов, ссылаться только на Ставку. Эти неудачи во многом зависели и от командования фронтов, армий и соединений, подготовки штабов войск. Организация и управление боевыми действиями со стороны штабов армий, дивизий было не на должной высоте. Так в период боев в районе Красной Горки штаб 2-й ударной армии допустил грубые просчеты во времени на подготовку частей и соединений для боя, некоторые части и соединения получили боевые распоряжения на второй день после указанного им времени для выполнения боевой задачи".

Разумеется, Хозин прав, когда критикует недостатки в организации наступления 2-й ударной армии. Только он не называет их причины. А причины опять-таки заключались в самой Ставке, в непродуманности и необоснованности ее действий, когда сроки выполнения директив не соответствовали наличным силам и средствам. Истоки этого находились в сталинских методах руководства, в тоталитарном государстве, для которого люди являлись всего лишь инструментом высокой политики.

Хозина беспокоила несогласованность действий ленинградцев и волховцев в единой операции по прорыву блокады. Он неоднократно высказывал претензии представителям Ставки, требуя, чтобы сама Ставка непосредственно

координировала усилия обоих фронтов. 21 апреля Хозина пригласили в Ставку. Он доложил о ситуации на Ленинградском фронте и в очередной раз высказал мнение о необходимости большей централизации в руководстве действиями фронтов. После этого, если верить воспоминаниям Хозина, сам Сталин в присутствии Б.М.Шапошникова и А.М.Василевского предложил объединить оба фронта в один под командованием Хозина. Такой вариант решения якобы явился для Хозина неожиданным, но он не стал протестовать, т.к. тогда еще будто бы не мог представить всю "нецелесообразность" данного решения, а кроме того, по словам Хозина, другие участники совещания тоже протест не высказывали, поскольку были подавлены авторитетом Сталина. Тем самым Хозин снял с себя всю ответственность за решение и его последствия. Он даже не сказал, что его идею поддерживал А.А.Жданов.

По-иному рассказывает о ходе совещания Василевский. Он сообщает, что Хозин не просто говорил о координации усилий двух фронтов, а сразу поставил вопрос об их объединении и предложил себя в качестве командующего. "Б.М.Шапошников, — пишет Василевский, — сразу же выступил против такого предложения. И.В.Сталин, напротив, встал на позицию Хозина и было принято решение о ликвидации Волховского фронта, передаче его войск Ленинградскому фронту, а командующего Волховским фронтом КА.Мерецкова назначили сначала заместителем командующего

Западным фронтом, а затем по его просьбе командующим 33-й армией того же фронта /.../ Генерал М.С.Хозин получил возможность объединить действия по ликвидации блокады Ленинграда. Очень скоро выяснилось, — продолжает Василевский, — что руководить девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группами войск, разделенными занятой врагом зоной, не только трудно, но и невозможно. Решение Ставки о ликвидации Волховского фронта, — заключает Василевский, — таким образом, оказалось ошибочным". "Ошибочным" — это мягко сказано. Для 2-й ударной армии оно оказалось роковым. Отвечать за "ошибки" командования приходилось народу. Из последних сил на фронте и в тылу, своим страданием и болью народ поворачивал эту войну вспять. Кровью заливал ее огонь, телами преграждал путь. И не "отцы-командиры", не "великие полководцы", не "родные руководители", а народ был спасителем Отечества. Народ-герой спасал себя сам. Отброшенный войною на грань человеческого существования, он сумел сохранить в себе человека, сумел выстоять и победить.

Новый Ленинградский фронт состоял из двух групп войск (23-я, 42-я, 55-я армии, Приморская и Невская группы войск) и волховского направления (8-я, 54-я, 4-я, 59-я, 2-я ударная и 52-я армии, 4-й и 6-й гвардейские стрелковые корпуса и 13-й кавалерийский корпус).

В качестве устного напутствия перед отъездом Хозин получил указание Сталина подготовить план полной деблокады 2-й ударной армии. Поэтому прямо из Москвы он отправился в Малую Вишеру в штаб бывшего Волховского фронта, чтобы принять дела у Мерецкова и узнать ситуацию на месте.

Передав дела Хозину, Мерецков по пути к новому месту службы тоже посетил Ставку. Там он узнал о согласии Хозина передать формируемый 6-й гвардейский стрелковый корпус и еще одну дивизию Северо-Западному фронту вместо усиления ими 2-й ударной армии. В Ставке Мерецкова приняли Сталин и Маленков. Доклад Мерецкова содержал конкретную характеристику разных сторон положения 2-й ударной армии. Мерецков подчеркивал, что армия обескровлена и не способна ни к наступлению, ни к обороне. Она задыхается в полукольце и катастрофа неминуема. Мерецков предлагал или усилить армию 6-м гвардейским корпусом или срочно, немедленно вывести ее из лесов и болот на линию шоссе и железной дороги Новгород — Чудово. "Меня терпеливо выслушали, — вспоминал Мерецков, — и пообещали учесть высказанные соображения".

В полуокружении на Волхове находились в то время 11 стрелковых дивизий (4-я, 19-я и 24-я гвардейские, 378-я, 259-я, 191-я, 46-я, 327-я, 382-я и 305-я), 3 кавалерийских дивизии (87-я, 25-я и 80-я) и 5 стрелковых бригад (23-я, 57-я, 53-я, 22-я и 25-я) 2-й ударной, 52-й и 59-й армий. Только узкий коридор (1,5-2 км) отделял их от других сил Волховской группы. Знамя 2-й ударной командарм Власов на всякий случай отправил самолетом в тыл. Личного состава в частях Волховской группы оставалось 30-40%, маршевые пополнения тут же поглощались и перемалывались. Даже из зенитных подразделений окруженной армии половину бойцов отправили в пехоту. Оставшиеся продолжали неравную борьбу с самолетами и танками противника. В этих боях в 1-й батарее 461-го зенитного дивизиона 2-й ударной армии из 120 чел. уцелело только 18. В частях Волховской группы танковые подразделения остались без танков, артиллерия без снарядов и минометных мин. В таких условиях 59-я армия никак не могла одолеть всего одну немецкую 61-ю пехотную дивизию у Спасской Полисти. 52-й армии не удалось справиться с 58-й пехотной дивизией, наступавшей на коридор с юга.

Правда, двум этим дивизиям были готовы помочь отведенные на отдых 215-я и 251-я германские дивизии, но все-таки две армии против четырех дивизий, которые, ведь, тоже несли потери... Это невозможно представить, если не учитывать фактор авиации. Вражеские самолеты буквально висели над коммуникациями. Продвижение днем по дорогам стало невозможно. Пользуясь близостью аэродромов (Сиверская, Сольцы, Кречевицы) немцы доставляли бомбы большой мощности (до 1,5 т). Истребители противника не пропускали транспортные самолеты с грузами для 2-й ударной. Бывший командир роты 96-го отдельного саперного полка 92-й дивизии Н.И.Круглов вспоминает: "Наши любимые кормильцы По-2 несли большие потери. Их встречали немецкие "мессера" и безжалостно расстреливали, не допуская до мест сбрасывания грузов. Ночи короткие, светлые. Самолеты не успевали возвращаться на свои аэродромы. Их много гибло. Летчики на По-2 летали без парашютов, поэтому гибли вместе с самолетом". До сих пор в Мясном Бору лежат обломки этих самолетов, деревянные части корпуса и перкаль сгнили, остались моторы с пропеллером и погибшие летчики.

Генерал М.С.Хозин и Военный совет Ленинградского фронта, изучив положение на Волхове, доложили И.В.Сталину, что пока не взята Спасская Полисть, продолжать Любанскую операцию

невозможно. Тем самым Хозин как бы признал правоту слов Мерецкова о необходимости отвести армию из болот. Обстановка у Мясного Бора усложнялась. Траншеи заливало водой. На болотах начали строить верховые блиндажи. Бывший начальник инженерных войск Волховского фронта А.Ф.Хренов вспоминал: "А сколько мук и ухищрений стоила любая саперная работа! Здесь и на сухих местах не отроешь под окоп положенные "метр десять" — уже через 30 сантиметров выступала вода. Вместо окопов и ячеек приходилось делать насыпи и площадки под огневые точки. Устраивались и дзоты на плотках, плавающих по болотам. Из жердей, бревен, хворостяных фашин сооружали укрытия и блиндажи, использовали эти материалы для оборудования ходов сообщения. На многие километры тянулись гати и маневренные дороги, сделанные из деревянных решеток (ряжей)... Во все это нужно было вложить огромный самоотверженный труд. Строили все — стрелки, артиллеристы, танкисты... Всякая смена позиций была сопряжена с величайшими трудностями и начиналась с прокладки дорог". Командиры окруженных частей еще в начале апреля, до весенних разливов,

организовали для бойцов пункты отдыха с санобработкой, починкой обуви и обмундирования. С приходом настоящей весны эти пункты продолжали действовать, но добираться до них становилось все труднее.

Экстремальные природные условия дополнялись постоянным артиллерийским и авиационным воздействием противника. Немцы бомбили круглосуточно. 2-я ударная опять стала голодать. Спасение было в том, что осталось много лошадей корпуса Гусева, убитых еще зимой. Бойцы называли эту пищу "гусятиной". Часть лошадиной ноги с копытом стоила 300-400 рублей. Из-за куска такого мяса или кости случались драки с применением оружия. Бывший воин 92-й дивизии М.Д.Панасюк вспоминал: "Шкуры лошадиные — это была благодать, мы их поджаривали на костре и ели как печенье, но это было невыгодно, стали варить холодец. От этой жижицы многие начали опухать и умирать голодной смертью". Однако и протухшая конина скоро кончилась. Соли не было. Не было хлеба. Бойцы получали в день по спичечному коробку сухарной крошки, да и то, если удавалось прорваться нашим самолетам и их груз не попадал в болотную топь. Цынга приняла массовые размеры. Люди пили хвойный настой и березовый сок, искали молодую крапиву, травку-кислицу и первые листья на деревьях. Кругом плавали трупы, поэтому даже с питьевой водой было трудно — хлорка кончилась, а кипятить воду на костре — значило вызвать огонь немецких орудий и минометов, бомбы "юнкерсов" и "мессершмиттов". За разведение костра приказ по армии грозил расстрелом. Кожаной обуви почти не было и по весенним разливам люди ходили в валенках.

В несколько лучшем положении находился высший комсостав и, в частности, генерал А.А.Власов. При штабе армии специально для командарма держали двух коров. Офицер разведотдела штаба З.Ф.Иванов свидетельствует, что солдат-дойр каждое утро подавал к столу генерала молоко и сметану.

Наши самолеты сбрасывали окруженным листовки с призывом председателя ВНИК М.И.Калинина, ЦК ВЛКСМ и командования фронта продержаться еще немного. И люди держались. Перенести тяжкие испытания им, несомненно, помогала привычка к отсутствию лишних потребностей, умение обходиться малым. Однако главная основа необычной стойкости заключалась, пожалуй, в неиссякаемом и вечном народном духе, категории неясной и загадочной, но великой силе, одолеть которую не удалось еще никому. Примечательно, что даже в тех страшных условиях люди продолжали вступать в коммунистическую партию. Современному

человеку в это трудно поверить, но это так. Многие бойцы и командиры видели в ВКП(б) организующую силу, воплотившую народный патриотизм и единственно способную привести советский народ к победе. Со своей стороны и политорганы постоянно заботились о пополнении партийных рядов, чтобы иметь опору в массах. Например, в 23-й бригаде в январе-феврале 1942 г. вступили в ВКП(б) 256 чел., а с 1 марта по 10 апреля — 154 чел. Сокращение числа вступивших в партию в апреле сравнительно с февралем можно объяснить большими потерями, которые не успевали восполнять, в то время как армейские комиссары старались привлечь в ВКП(б) лучших воинов.

Воинов 2-й ударной не могли сломить ни суровые условия, ни голод, ни угроза смерти. Считанные единицы изменили присяге, хотя противник буквально засыпал Мясной Бор и соседние леса и болота листовками-пропусками в плен. Красные большие листовки, размером с тетрадный лист содержали антикоммунистические статьи, составленные удивительно плохо и бездарно, как будто их писали для совершенно дремучих мужиков. Другие листовки были маленькие, размером с два спичечных коробка, чтобы не мог найти "политкомиссар" и можно было бы спрятать за отворот шапки или пилотки. На них изображался красноармеец, воткнувший винтовку в землю под разрывами шрапнели, ниже шла надпись: "Вы окружены со всех сторон! Ваше положение безнадежно! Спасайся, кто может!". На обороте шел текст на русском и немецком языках: "Немецкие офицеры и солдаты окажут перешедшему хороший прием, накормят и устроят на работу. Пропуск действителен для неограниченного количества* переходящих на сторону германских войск командиров и бойцов РККА". Такие листовки сохранились в Мясном Бору до наших дней.

О настроении бойцов Мясного Бора лучше всего свидетельствует еще один общий подвиг, совершенный ими в апреле. Весенние разливы не позволяли использовать дороги. И тогда решили возобновить строительство узкоколейной железной дороги от Мясного Бора до Финёва Луга. На ее сооружение пошла колея, снятая с делянок лесозаготовителей у Любина Поля и Мостков. Первую попытку построить дорогу предприняли еще в феврале, но затем бои в коридоре заставили прекратить работы. Теперь иного выхода не было и в начале апреля строительство возобновилось. Измученные люди еще нашли силы, чтобы весь апрель укладывать рельсы под бомбами и снарядами по лесной просеке в 500 м правее Северной дороги. Фронтовой поэт А.И.Гитович посвятил сооружению этой

узкоколейки стихотворение "Строитель дороги". Местами насыпь приходилось сооружать по пояс в воде, а в болоте шпалы и рельсы устанавливали на сваях на высоте 1-1,5 м. Строили все — и саперы, и танкисты, и пехотинцы, особенно воины 191-й дивизии. В начале мая узкоколейка вступила в строй. Но паровозы тут же уничтожила вражеская авиация, а те, что остались, не могли ходить, т.к. немцы стояли местами в 800 м, и платформы с грузом 8-10 т вручную толкали люди (называлось это "пердячим паром"). Платформ-тележек имелось всего восемь, что сильно ограничивало возможности дороги и тем не менее она действовала.

Завершить строительство дороги позволили, как ни странно, весенние разливы в Мясном Бору. Они резко сократили действия пехоты в горловине прорыва. Большие участки леса между реками Полисть и Глушица превращаются в конце апреля — начале мая в сплошное озеро. Реки неглубоки, но переходя их в это время года, например, по бобровой плотине, легко сбиться с пути, зайти в воду по грудь и тогда только компас укажет, где дорога, а где русло реки. Однако там же встречаются и совершенно сухие возвышенности, покрытые ковром из желтых цветов купальницы. Местами сухие поляны подходят близко к дорогам и чтобы перекрыть движение достаточно одного пулемета или пушки. Вот за эти участки и шли бои, причем главным образом в полосе 59-й армии. 26 апреля в 59-й армии сменилось командование: генерала И.В.Галанина отозвали в Ставку, армию принял генерал И.Т.Коровников.

29 апреля в 3 часа утра противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь по войскам, прикрывавшим северный фланг коридора. Артиллерия 2-й ударной отвечала огнем, благо снаряды к тому времени удалось запасти. В 6 часов утра появились немецкие бомбардировщики. Группами по 20-30 самолетов они бомбили горловину прорыва. Используя поддержку авиации, противник между Полистью и Глушицей на километр вклинился в оборону 259-й дивизии. Врага остановил переброшенный сюда 8-й гвардейский полк из 4-й гвардейской дивизии. Вслед за 8-м гвардейским пришлось вступить в бой и 11-му гвардейскому полку 4-й гвардейской дивизии. Ожесточение боев нарастало. 8-й и 11-й полки сошлись с врагом в рукопашную. Артиллеристы 8-го полка интенсивным огнем отсекали вражеские резервы, несмотря на непрерывную бомбежку шести Ю-87. Гвардейцы отбросили врага и к вечеру 30 апреля контратакой восстановили наши рубежи в северной части горловины.

В этот же день, 30 апреля, враг перешел в наступление на южном фланге коридора. Весь день группы по 5-6 самолетов бомбили боевые порядки 65-й, 225-й и 305-й дивизий. Утром 30 апреля противник провел разведку боем на стыке 305-й и 65-й дивизий, а затем нанес главный удар у Теремца-Курляндского. Свыше часа он громил из орудий позиции 38-го и 311-го полков 65-й дивизии. Едва затих артобстрел, в воздухе появились вражеские самолеты. Их бомбы еще раз перепахали землю и только потом в атаку пошла немецкая пехота. Она рассчитывала на легкий успех, но встретила упорное сопротивление. Например, в одной из рот 38-го полка осталось в строю всего несколько человек. Один из них, пулеметчик казах Сабиров вступил в единоборство со взводом врагов и завершил бой своей победой в рукопашной. Неприятеля отбили, но он продолжал рваться к Теремцу-Курляндскому со стороны Земтиц. Несколько дней, начиная с 5 мая, противник упорно атаковал вдоль сухой длинной поляны на стыке 311-го и 38-го полков. Тяжелые бои с вражескими танками здесь вели воины арtpолка 65-й дивизии. Расчет 76-мм пушки под командованием сержанта П.Бродака одержал победу над тремя танками неприятеля. 6 мая совершил подвиг командир взвода противотанковых ружей младший лейтенант Л.Семенюк. Его взвод отбил три атаки танков и пехоты, многие красноармейцы погибли и Семенюк сам лег за противотанковое ружье к амбразуре дзота. Немецкий танк остановился от дзота в 400 м и открыл огонь бронебойными снарядами. Поразить танк из ружья на таком расстоянии было трудно. Семенюк вытащил ружье из амбразуры и побежал к танку. Танк двинулся навстречу, стреляя из пулемета. Бронебойщик залег, прицелился и выстрелил. В эту минуту из люка высунулся немецкий офицер и выстрелил в Семенюка. Немец промахнулся, а пуля Семенюка заклинила башню. От второго выстрела танк загорелся, но тут из кустов появился еще один. Бронебойщик сменил позицию и выстрелом в борт поджег его. Близкий разрыв оглушил Семенюка и он потерял сознание. Когда пришел в себя, над ним стоял германский офицер и предлагал сдаваться в плен. Семенюк вскочил, столкнул офицера в воронку с водой, ударил по голове и убежал. За этот бой он получил от командования орден Красного Знамени. Всесоюзное радио рассказало о нем на всю страну и он стал получать горы писем с благодарностью за мужество в защите Отечества. Тяжелые бои между Большим Замошским болотом и шоссе Новгород — Чудово продолжались, но до самого конца мяснoборской эпопеи противник так и не смог прорваться через рубежи 65-й дивизии.

30 апреля 2-я ударная армия получила приказ прекратить наступательные действия и занять жесткую оборону. Остаткам 13-го кавкорпуса было приказано к 4 мая отойти в район Поддубье, Финев Луг, Вдицко. Одновременно 191-й и 259-й дивизиям и 442-му отдельному арtpолку приказали к исходу 3 мая перейти к Ольховке и поступить в подчинение 59-й армии. Командарму 59-й И.Т.Коровникову М.С.Хозин приказал усилить армию этим пополнением и взять Спасскую Полисть. Противник принял ответные меры и до 12 мая перебросил к Спасской Полисти и Любцам 121-ю и 61-ю дивизии. Кроме того, готовясь к уничтожению 2-й ударной, неприятель подтягивал еще до пяти дивизий.

В разгар боев на плацдарм приехал джаз-оркестр под управлением Л.О.Утесова. В праздничные дни Первого мая он дал несколько концертов для воинов 52-й и 59-й армий.

В начале мая соединения 59-й армии пытались пробиться ко 2-й ударной в новом месте — напротив деревни Мостки, севернее узкоколейки, в районе Лесопункта. Здесь нанесла удар 376-я дивизия с задачей овладеть берегами ручья Горевой и лесом юго-западнее Спасской Полисти. Однако враг обошел фланги дивизии и прорвался на коммуникации в Мясном Бору. 52-й, 59-й и 2-й ударной армиям пришлось в очередной раз пробивать коридор вдоль Северной дороги и узкоколейки. В боях за коридор отличились 24-я бригада и 1326-й стрелковый полк 372-й дивизии из 59-й армии, которые сражались вместе с 7-й гвардейской танковой бригадой 2-й ударной армии. Два тяжелых танка КВ 7-й бригады прорвались на соединение с 8-м полком 4-й гвардейской дивизии. В бою наши пехотинцы захватили неприятельский танк, подобрали к нему экипаж и через полчаса танк уже шел в атаку на врага, ведя за собой пехоту. 11 мая политрук Т.П.Андрейкович, литсотрудник газеты 65-й дивизии, записал в дневнике: "Несколько дней через пробитую нами в кольце окружения брешь выходят бойцы и командиры 2-й ударной армии /.../ бледные, усталые, заросшие щетиной, в мокрых шинелях.

По району прорыва враг ведет непрерывный огонь. От леса ничего не осталось... Каждая новая воронка немедленно заполняется водой.

Обмывочный пункт и санчасть на берегу Волхова возле деревни Плотишно работают круглосуточно. Выходящих из окружения бойцов обмывают, кормят, лечат".

В ходе этих боев участок коридора между Полистью и Глушицей получил название "Долина смерти". После войны местные жители распространили это название на весь Мясной Бор. Среди немцев "Долина" была известна как "Коридор Эрика".

С запада навстречу нашим войскам прорвалась из окружения женская партизанская группа во главе с молодой женщиной Лидией Андреевной (фамилия не установлена). До войны она работала учительницей в селе, а когда к селу подошел фронт, вступила в партизанский отряд. Там она возглавила боевую группу, состоявшую в основном из женщин. Лида появлялась в деревне под видом беженки-прачки и собирала у немецких офицеров белье в стирку. А ночью в дома, где спали немцы, врываются партизаны... За три месяца группа уничтожила 57 вражеских солдат и офицеров, склад с боеприпасами четыре сарая с фуражем, два немецких обоза. Немцы начали охоту за группой, схватили двух девушек Розу и Валю, требовали показать, где партизаны. В 30-градусный мороз их раздетыми повели в лес. Не добившись сведений от девушек, немцы застрелили Розу, а Валю водили по лесу, пока она не замерзла. Отряд Лидии Андреевны недолго пробыл на волховской базе партизан. Вскоре он опять ушел в рейд по тылам врага.

На правом фланге плацдарма после освобождения коридора 376-я дивизия продолжала бои за второй коридор у д. Мостки. Утром 10 мая при сильной артиллерийской и авиационной поддержке неприятель перешел в наступление против передового отряда дивизии — 1248-го стрелкового полка. Временно полком командовал батальонный комиссар С.А.Вакула. Полк прорвался далеко вперед. Ему оставалось пройти один километр до позиций 2-й ударной армии, но в районе урочища Каменная Горка враг окружил его и отрезал от главных сил дивизии. Резервов дивизия не имела, поэтому сформировали сводный батальон (три роты) из тыловых служб. Рано утром комдив Г.П.Исаков и военком дивизии Д.П.Ланков лично повели батальон в атаку. Одновременно 1248-й полк нанес встречный удар. Через час окружение было прорвано. 14 мая по приказу командования 59-й армии 376-я дивизия отошла назад, прикрыв узкоколейку и Северную дорогу. Затем она возобновила наступление. На этот раз ей поставили задачу пробиться севернее Мостков на ручей Горовой и создать по нему вторую линию обороны Северной дороги. Упорные бои продолжались две недели. Ежедневно воины дивизии отвоевывали по 200-250 м болотистой низины. Враг потерял убитыми и ранеными до 3 тыс. солдат и офицеров. В начале июня дивизия все-таки вышла на западный берег ручья, однако не на всем его

протяжении. Тем самым сохранялась угроза коридору со стороны Спасской Полисти. 376-я дивизия оборонялась на достигнутом рубеже до сентября 1942 г. Коммуникации 2-й ударной армии подвергались непрерывным налетам вражеской авиации. При этом понтонные мосты и переправы на Волхове совсем не имели зенитного прикрытия. Командование фронта приказало перебросить через коридор из 2-й ударной армии 1-ю батарею 461-го зенитного дивизиона с задачей прикрыть переправы. Воины батареи по несколько раз в день отражали налеты 40-50 вражеских машин одновременно. Постоянно атаковали немцы и саму батарею. Бывший командир орудия Ф.Бахарев рассказывал: "Тот, кто испытал 5-10 минутный налет вражеской авиации, может быть поймет, что такое 5-6 звездных налетов на батарею в течение одного дня. Вой сирен пикирующих бомбардировщиков "Юнкерс-87", взрывы десятков бомб, пулеметные и пушечные очереди "Мессершмиттов-109", которые в упор, на бреющем полете расстреливали батарею, не сломили мужества и стойкости сибиряков. Казалось бы, на батарее не должно оставаться никого в живых, но она как Феникс снова возрождалась из пепла и на каждый бомбовый удар отвечала артиллерийскими залпами и "лаптежники" или "музыканты", как тогда мы называли "Юнкерс-87", один за другим находили себе могилы в ленинградских болотах".

В конце апреля-начале мая по всему периметру расположения 2-й ударной армии (200 км) продолжались бои местного значения. В конце апреля противник усилил нажим на позиции 59-й стрелковой бригады и окружил платформу Еглино, где оборонялись 35 воинов бригады и находилось еще 15 раненых. Помочь им бригада не смогла и тогда они самостоятельно пробившись из окружения и вынесли всех раненых.

Не прекращались сильные вражеские атаки и на левом фланге против 23-й бригады. Немцы не теряли надежду прорваться через ее позиции в глубину расположения 2-й ударной армии. 8 мая приказом командования Волховской группы войск 23-ю бригаду изъяли из состава 52-й армии и вернули в состав 2-й ударной армии. Оперативное руководство бригадой, которая сражалась вместе со 2-й ударной, значительно упростилось. Кроме того, это означало отказ от первоначального плана операции в связи с тяжелым положением окруженных войск.

В эти дни Военный совет Ленинградского фронта пришел к выводу о необходимости срочно отвести 2-ю ударную армию на плацдарм к Волхову.

Учитывая невысокие боевые возможности армии, обеспечить для нее коридор должны были 52-я и 59-я армии, для чего их надлежало пополнить людьми и техникой. Однако Ставка нашла возможным выделить танки на пополнение только одной танковой бригады, прислала всего несколько маршевых рот и около одного комплекта боеприпасов. Тем не менее 12 мая штабы Ленфронта и Волховской группы приказали командованию 2-й ударной армии готовиться к отходу через промежуточные рубежи. Для

окончательного выхода встречный удар наносили 2-я ударная и 59-я армии. Докладывая Ставке план выхода армии, М.С.Хозин предлагал также выделить Волховскую группу войск из состава Ленфронта в самостоятельное оперативное объединение, т.е. фактически восстановить Волховский фронт. Тем самым Хозин признавал необоснованность своего прежнего мнения. Определив детали, запросили согласие Ставки.

Пока ждали решение Ставки, Хозин приказал продолжать эвакуацию 13-го конного корпуса. К 16 мая на плацдарм вышла значительная часть кавалеристов. В этот же день 4-й гвардейской дивизии приказали передать позиции 282-й дивизии, а самой перейти в лес к д. Кречно напротив коридора и ждать приказа о выходе. Но гвардейцы не сидели в лесу, сложа руки. С утра 17 мая по приказу командования Волховской группы они приступили к сооружению деревянного настила на Северной дороге для удобства снабжения и эвакуации войск, особенно техники. Ближе к шоссе на строительстве дороги работали сводные подразделения других частей. Через двое суток на участке 4-й гвардейской в районе Кречно лежневка была готова и начальник штаба дивизии М.П.Пугачев выделил 40 умелых строителей в помощь частям, которые работали на самом опасном участке от реки Глушицы до деревни Мясной Бор. 20 мая работы были закончены. Первыми по новой дороге двинулись к Волхову кавалеристы, за ними 24-я и 58-я бригады, подразделения 4-й и 24-й гвардейских дивизий, 378-я стрелковая дивизия. Прошли коридор 7-я гвардейская и 29-я танковые бригады.

В мае Волховская группа наконец-то начала получать в значительно больших количествах новые боевые самолеты. Правда, их по-прежнему не хватало, но теперь даже полки легкомоторных самолетов У-2 (например, 662-й авиаполк) получили истребительные эскадрильи и были преобразованы в смешанные авиаполки. Это позволило обеспечить хоть какое-то прикрытие безоружным самолетам, летавшим в окруженную армию.

В середине мая у бойцов-волховцев возник новый враг — комары. В Мясном Бору они всегда появляются 15 мая, когда лес полон цветущей черемухой и соловьиным пением. Тучи насекомых облепляют всего человека, хлопчатобумажное обмундирование от них не спасает. Местные жители с 15 мая до конца июля избегают ходить в лес без крайней надобности. Германские солдаты были готовы к такой неожиданности — им выдавали завезенную заранее японскую мазь от кровососущих насекомых (срок действия — несколько часов). Но каково же приходилось нашим воинам, особенно раненым!

Находясь в окружении, воины 2-й ударной армии продолжали следить за событиями в мире. В апреле они с надеждой ждали известий об исходе переговоров по открытию второго фронта, а в мае — о большом наступлении наших войск под Харьковом³⁶. Информацию бойцы получали из дивизионных и фронтовых газет. В трудных условиях газеты выходили без перерыва. Когда в апреле в редакции одной из газет кавкорпуса "Боевая кавалерийская" вышла из строя печатная машина, оттуда возили печатать сверстанные полосы в редакцию газеты 2-й ударной "Отвага". Возили на волокуше, за 15 км, по болотам, во время половодья и газета продолжала выходить. 22 мая редакция "Отваги" перебралась в деревню Малая Кересть, ближе к коридору — все догадывались, что предстоит эвакуация.

Радуюсь успехам Красной Армии на других фронтах, бойцы не могли знать, что советские войска под Харьковом окажутся скоро в ловушке. Они не знали, что под Керчью 9 мая враг прорвал нашу оборону и к 14 мая уже захватил 29 тыс. пленных, 220 орудий и 170 танков, а 21 мая немцы завершили ликвидацию керченской группировки, доведя количество наших пленных до 150 тыс., число захваченных танков — до 255, орудий — до 1113, самолетов — до 32338. Взятые трофеи верхом обратил против Севастополя. И уж тем более не было бойцам известно, что большую роль в керченской катастрофе сыграли бездарные распоряжения представителя Ставки Л.З.Мехлиса. Того самого Льва Захаровича Мехлиса, который приложил руку к началу Любанской операции.

21 мая, в день, когда немцы захватили Керчь, командующий Ленинградский фронтом М.С.Хозин получил долгожданную директиву Ставки. Она пришла в 17 час. 20 мин. Ставка приказывала:

"1. Ближайшими задачами для войск Волховской группы Ленинградского фронта иметь:

а) прочную оборону на фронте 54-й и 8-й армий с тем, чтобы не допустить прорыва противника со стороны Мги на Волхов.

б) не позднее 1 июня 1942 г. очистить от противника восточный берег реки Волхов в районе Кириши, Грузино. Подготовку этих операций и обеспечение их в огневом отношении взять лично на себя...

в) отвод войск 2-й ударной армии с тем, чтобы, прочно прикрывшись на рубеже Ольховское, оз. Тигода с запада, ударом главных сил 2-й ударной армии с запада, с одновременным ударом 59-й армии с востока уничтожить противника в выступе Приютило, Спасская Полисть...

2. По ликвидации противника в районе Кириши, Грузино и выступе Приютило, Спасская Полисть основными задачами войск Волховской группы иметь:

а) силами 54-й и 8-й армии прочное прикрытие мгинского и любаньского направлений, не допустив удара противника на Волхов и далее на Лодейное поле..

б) силами 4-й армии прочную оборону непосредственно на восточном берегу реки Волхов на участке Кириши, Грузино, не допустить попыток противника форсировать реку Волхов и нанести удар в направлении Будогощь, Тихвин.

в) силами 59-й, 2-й ударной армий и правым крылом 52-й армии прочно обеспечить за собой плацдарм на западном берегу реки Волхов в районе Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы, ленинградские железную дорогу и шоссе с тем, чтобы не допустить соединения по этим дорогам новгородской и чудовской группировок противника и восстановления железной дороги Новгород — Ленинград...

4. В целях удобства управления после ликвидации противника в районе Спасской Полисти реорганизовать Волховскую группировку, создав из нее две группы: Ладожскую — в составе 54-й и 8-й армий на фронте от Ладожского озера до р. Волхов у Кириши и Волховскую - в составе 4-й, 59-й, 2-й ударной и 52-й армий на фронте Кириши, Грузино, Спасская Полисть, Земтицы и далее по реке Волхов до озера Ильмень... Военный совет и штаб Ленинградского фронта от непосредственного командования войсками Волховской группы освободить".

Итак, Ставка не захотела признать ошибку, которую она совершила, объединив фронты, и пыталась исправить положение, разделив на две части Волховскую группу. Эксперименты Ставки по организации командования не были вызваны насущной необходимостью. Они являлись по сути экспериментами над живыми

людьми, ибо зависели от способности выживания красноармейцев в экстремальных условиях. Неумелое руководство Ставки привело к большим потерям и провалу операции по прорыву блокады. Вместо наступления приходилось выводить армию из окружения и заботиться о сохранении плацдарма на будущее.

После получения директивы Ставки командиров частей 2-й ударной вызвали в штаб армии, он находился тогда в лесу у деревни Ольховка. Там командиров познакомили с оперативным планом передислокации и сообщили условные сигналы для начала отхода. Например, для 59-й бригады такими знаками являлись пожар в деревне у левого фланга бригады и одновременно общий условный сигнал по радиации, для чего радистам бригады предстояло с определенного дня и часа работать только на прием. Кодовым радиосигналом для начала отхода выбрали слово "вперед". План составил начальник штаба армии полковник П.С.Виноградов. 15 мая документ направили на утверждение командования Ленинградского фронта и он получил "добро". В плане предусматривался последовательный переход 2-й ударной через три оборонительных рубежа, все ближе к горловине прорыва, откуда предстоял последний бросок через Мясной Бор. Каждый рубеж заранее оборудовался двумя-тремя командными пунктами и хорошо развитыми телефонно-телеграфными линиями для бесперебойного управления боевыми действиями. 52 связиста за эту работу были представлены к правительственным наградам.

Первый рубеж проходил по линии деревень Остров-Дубовик - Глубочка. Второй - у деревни Волосово, станции Рогавка, населенных пунктов Вдицко — Новая — Крапивино. Третий рубеж прикрывал направления Пятилипы — Глухая Кереть — Финев Луг — Кривило. На первый рубеж отходили войска, глубже всех проникшие в оборону противника в северо-западном направлении: 382-я дивизия, 59-я и 25-я бригады. Одновременно с ними, но сразу на второй рубеж отходили их непосредственные соседи, расположенные восточнее, на флангах прорыва: 46-я, 92-я и 327-я дивизии, 22-я и 23-я бригады. Вторым рубежом являлся главный. Здесь предстояло занять жесткую оборону и держаться, пока в Мясном Бору не будет пробит надежный коридор. Оборона возлагалась на 92-ю и 327-ю дивизии и 23-ю бригаду. Через главный рубеж должна была пройти первая арьергадная группа, а также 46-я дивизия и 22-я бригада и следовать вместе с другими частями в тыл армии в район деревень Кречно, Ольховка и Малое Замощье. Там 2-я ударная

сосредоточивалась для броска через новый коридор, который опять намечалось пробить севернее деревни Мясной Бор в районе Лесопункта. Первыми выходили госпитали и тыловые службы, эвакуировалась техника. После выхода из окружения главных сил армии, войска прикрытия отходили на третий рубеж, где получали приказ пройти горловину в порядке очередности, причем последней выходила 327-я дивизия. Внешне план был логичен и продуман, но судьба внесла в него свои коррективы.

Рубежи успели оборудовать во-время. 20 мая немцы на многих участках начали наступление ударных частей на сужение "волховского котла". На левом фланге первые атаки врага отразили 25-я и 59-я бригады. Сначала врагу удалось потеснить наших воинов. Но затем 25-я бригада вместе с 382-й дивизией выбила прорвавшихся немцев и восстановила положение. 22 мая немцы обрушились на правый фланг армии южнее Червинской Луки и атаковали 1102-й полк 327-й дивизии. Несколько танков противника подорвались на нашем минном поле, прорвавшуюся пехоту бойцы-антюфеевцы уничтожили в рукопашной схватке. Одновременно встречный удар неприятель нанес на левом фланге. Там две роты немцев с восемью танками атаковали 23-ю бригаду у деревни Филипповичи. Им удалось захватить деревню. Ночью подразделения бригады в яростной атаке выбили неприятеля, но утром немцы опять атаковали. Наши артиллеристы подбили три вражеских танка и немецкая пехота отошла на исходный рубеж. Таким образом, встречные удары врага были отбиты, армия не позволила нарушить ее боевые порядки и до самого начала передислокации ее оборона оставалась нерушимой.

24-25 мая в соответствии с планом части 2-й ударной армии начали передислокацию в район сосредоточения, а войска прикрытия приступили к занятию промежуточных рубежей.

Заметив отход армии, противник забеспокоился, стараясь разгадать, чем отход вызван: обычной перегруппировкой или это вынужденные действия. В распоряжение ударной армии неприятель направил разведгруппу из трех советских военнопленных, которые окончили немецкую разведывательную школу в Риге. Немцы не знали, что пленные согласились сотрудничать с противником, имея тайной целью таким путем вернуться к своим. Перейдя линию фронта 30 мая, они добровольно сдались первым же встреченным ими красноармейцам. Существовали, конечно, и другие разведгруппы и решение Ставки об отводе

армии уже через несколько дней стало известно германскому командованию. 23 мая генерал Ф.Гальдер в "Дневнике" отметил: "В районе волховского и погостыенского котлов противник отводит с фронта свои силы. Сокращение фронта!"

Вначале отход проходил по плану и к 28 мая арьергадные войска (92-я и 327-я дивизии, 22-я и 23-я бригады) заняли позиции на второй линии обороны. Одновременно через узкую горловину в Мясном Бору 25-30 мая начали выводить из окружения 191-ю дивизию, по узкоколейке вывезли гаубицы 18-го артполка РГК, эвакуировали много раненых и часть имущества. Остальные войска 2-й ударной армии концентрировались севернее Новой Керести для броска навстречу 59-й армии в районе Лесопункта. К наступлению готовились 46-я и 382-я дивизии, 22-я, 25-я, 53-я и 59-я бригады. 57-я бригада и 166-й отдельный танковый батальон выдвигались к Полисти, имея задачу обеспечить функционирование прежнего коридора. В батальоне оставалось девять танков Т-60. Наступление наметили на 5 июня.

Войска под Новой Керестью скапливались на небольшом пространстве диаметром менее 16 км. 26 мая противник усилил преследование отходящих частей и начал сжимать кольцо вокруг 2-й ударной армии. Враг прорвался на правом фланге через позиции 57-й бригады и 46-й дивизии и захватил Кривино, а 27 мая — Червино, оттеснив 46-ю дивизию. Бывший командир саперной роты соседней с 46-й 92-й дивизии Н.И.Круглов вспоминал: "Немецкая артиллерия и минометы обстреливали нас со всех сторон. Нас сильно душила авиация. Самолеты все время висели в воздухе, бомбили замеченные расположения наших войск, забрасывали листовками. Их было настолько много, что на них уже не обращали внимания. Укрыться от авиации и обстрела было негде. Отрыть щель или другое укрытие в болоте было невозможно. Все сразу заливалось водой. Сухих возвышенностей на всех не хватало, а ведь госпитали тоже сдвинулись с места и пока они искали подходящие участки, прием раненых прекратился.

И без того тяжелое положение усугубилось несвоевременным приказом командарма А.А.Власова. Он распорядился эвакуировать из района боев через коридор гражданское население.

Сомнительная идея эвакуации вряд-ли принадлежала самому Власову. Скорее всего, он выполнял приказ Москвы. На это косвенно указывает уже упоминавшийся выше аналогичный приказ Н.И.Гусева за номером 40 от 8 февраля

1942 г. — не оставлять врагу гражданское население. Видимо, по данному вопросу существовал общий секретный приказ Сталина. Но в Мясном Бору эвакуация оказалась невозможна и группы местных жителей (около 5 тыс. чел.) скитались по лесу в поисках пищи и укрытия от огня. Бывший комиссар артбатареи из 327-й дивизии П.В.Рухленко с горечью вспоминал: "Территория наша была для самих войск тесной, а кроме нас повсюду бродят дети, старики, женщины. Они, как правило, оставляли свои деревни и размещались группами на более сухих местах, а кое-где и на болотах. Создавалась неприглядная картина: дети просят у нас хлеба, а у нас его нет и вообще ничего нет, чем бы можно было их угостить. Иногда, бывало, дам ребенку 100-200 рублей, а на них все равно купить нечего в условиях окружения*. Причем эти люди зажигали костры, а это вызывало причины для обстрела и бомбежки со стороны врага. Мы имели дополнительные потери людей. Немцы бомбили нас не только в летную погоду, но и нелетную, по скоплению людей".

2-я ударная остро нуждалась в зенитной артиллерии. На 1 июня 1942 г. в составе армии находилось только 28 зенитных пушек. Снарядов к ним имелось 18591. Но 4 пушки требовали ремонта, да и те, что могли действовать, спешно эвакуировались через коридор на плацдарм. Оставались лишь счетверенные зенитные пулеметы, пригодные против низколетящих целей.

Авиация Волховской группы тоже не могла надежно прикрыть с воздуха район сосредоточения. После тяжелых боев у наших летчиков осталось на 20 мая всего 163 самолета против 400 неприятельских. В конце мая авиацию на Волхове усилили за счет 1-й ударной авиагруппы РГК, группы Гражданского Воздушного флота и ВВС Ленинградского фронта. Однако враг удержал господство в воздухе. Войска 2-й ударной армии на острие прорыва оставляли позиции в сумерках, ночью и противник не сразу обнаружил их отход. К тому же группы прикрытия оставались на своих местах. Но как только позиции стали покидать прикрывавшие отход отряды, неприятель немедленно начал преследование. Одновременно враг нанес сильные удары по Мясному Бору. Стало ясно, что неприятель разгадал замысел Ставки и спешит сорвать планомерный отход и уничтожить армию, пока одни войска находятся на марше, а другие не успели закрепиться на новых рубежах. 10 германских дивизий торопились сдавить петлю вокруг 2-й ударной армии. Особенно тяжелыми были бои у деревень Ольховка, Коровий Ручей, Пятилипы, Малое Замошье. Западнее Спасской Полисти неприятель построил свою

узкоколейку — с буковыми шпалами, специально привезенными из Закарпатья. Пользуясь этой дорогой, немцы накапливали силы для удара по коридору с севера, где занимали оборону (с севера на юг) 372-я, 378-я и 376-я дивизии 59-й армии. Одновременно противник подтягивал силы для наступления на коридор с юга через позиции 305-й, 65-й и 225-й дивизий 52-й армии.

372-я стрелковая дивизия имела к тому времени 2796 чел., т.е. четвертую часть положенного состава. Полоса обороны дивизии находилась в 2 км от Северной дороги и тянулась от деревни Мостки на запад до отметки 39,0 у р.Глушица, где до войны находились бараки лесозаготовителей (Лесопункт). Напрямую она составляла 4 км, а с изгибами — 12 км.

В 65-й дивизии оставалось 3708 чел. Они держали оборону общей протяженностью 14 км вдоль шоссе и железной дороги Новгород - Чудово. Рубеж проходил от мельницы у Теремца-Курляндского до сараев в 1 км северо-восточнее деревни Крутик.

В домашнем архиве ветерана войны Б.С.Муравьева хранятся письма из Мясного Бора его отца, сержанта С.А.Муравьева, старшего писаря административно-хозяйственной части 305-й дивизии. 21 мая 1942 г. в 7 часов вечера С.А.Муравьев писал семье: "Весна здесь нищая. Лист на деревьях начал развиваться. 3-й день идет небольшой дождик, сыро, грязновато. Птички распевают всюду, кукушки, утром и даже ночью/.../ Весь день кругом тишина абсолютная". Это было затишье перед бурей. С 27 мая противник открыл усиленный артогонь по прикрывавшем коридор дивизиям. Тяжелая батарея из Спасской Полисти непрерывно обстреливала Северную и Южную дороги. Авиация врага группами от 15 до 22 самолетов бомбила и штурмовала дороги Мясной Бор — Новая Кереть, войска на плацдарме, переправы через Волхов и подходы к ним с востока. 29 мая немецкая пехота перешла в наступление на коридор. Главный удар на южном фланге враг нацелил на позиции 65-й дивизии, отвлекающий удар — на позиции 305-й и 225-й дивизий. Против них на южном фланге коридора действовали 126-я и 58-я немецкие дивизии, 250-я испанская дивизия, легион "Фландрия" и несколько мелких частей. В течение дня 29 мая бои шли с переменным успехом. 30 мая противник развернул наступление с решительными целями. Рано утром началась сильнейшая артподготовка. Она продолжалась более часа. "В общий гул, — вспоминал Т.П.Андрейкович, — то и дело врывались тяжелые удары/.../ мощной мортиры, подтянутой по железной дороге и установленной где-то в районе

Подберезья. Она была по станции, разнося в пух и прах все уцелевшее там. Ее снаряды так велики, что при полете хорошо видны в воздухе.

Затем появилась немецкая авиация. С 6 часов утра группы по 10-12 самолетов непрерывно бомбили боевые порядки 305-й, 65-й и правого фланга 225-й дивизии. Главный удар по-прежнему был направлен против 65-й дивизии. К полудню 30 мая неприятелю удалось ценой больших потерь потеснить части 305-й и 65-й дивизий, но дальше продвинуться он не смог. Тогда германское командование опять вызвало авиацию. С 12 часов 30 минут группы самолетов противника (до 12 машин) непрерывно бомбили позиции наших дивизий, после чего опять последовали атаки немецкой пехоты. Позиции 1002-го полка 305-й дивизии у рек Гаренка, Кересть и ручья Рабтица западнее Замошья неприятель атаковал силами до батальона. Другой батальон противника пробовал прорваться со стороны Земтиц на стыке с 65-й дивизией в направлении Теремца-Курляндского. Бои здесь продолжались до 18 часов, пока противник не выдохся.

На участке 65-й дивизии около полка немцев с одиннадцатью танками атаковали правый фланг 311-го полка. Двумя залпами "эресов" были уничтожены 4 танка и много живой силы врага, однако остановить немцев не удалось. 2-я, 7-я и 8-я роты 311-го полка держались до последней возможности. В этом страшном бою погибло 100 наших бойцов. Несколько человек, оставшихся в живых, отступили. Командир дивизии послал им на помощь роту автоматчиков, но немцы отбросили ее с большими потерями. Силы оказались слишком неравны. Военный совет 52-й армии решил использовать свой последний резерв — в бой ввели 54-й гвардейский полк 19-й гвардейской дивизии и 7 танков Т-34 193-го отдельного танкового батальона. Перед боем полк получил маршевое пополнение — 370 чел., плохо обученных. Их ввели в бой вместе с танками. В бою немцы подбили два наших танка, а молодые бойцы, оказавшись первый раз под огнем, побежали назад. Их остановили заградительные отряды особых отделов. Противник, несмотря на большие потери, прорвался через позиции 311-го полка 65-й дивизии к Южной дороге между селениями Теремец-Курляндский и Мясной Бор. В результате к 18 часам Южная дорога была перерезана, а 305-я дивизия попала тем самым в окружение. Прекратив дальнейшие атаки, неприятель начал закрепляться на захваченных рубежах.

225-я дивизия занимала позиции левее 65-й. Крупные силы противника атаковали ее правый фланг на стыке с 65-й дивизией, но ворваться в ее боевые порядки не смогли.

Одновременно началось наступление на северном фланге коридора против 372-й дивизии. Наша оборона создавалась здесь в спешке, завершить ее оборудование не успели. В результате на позициях 8-й роты одного из полков дивизии 7 построенных дзотов из 11 оказались непригодны. Противник прорвался через рубежи 1236-го полка 372-й дивизии и бросился на расположенную восточнее 191-ю дивизию. Ее отвели сюда в конце мая из района Сустье-Конец — Померанье, где она находилась с февраля. Свои автомобили, тяжелую технику и, главное, орудия она оставила на прежнем месте другим частям 2-й ударной армии. Дивизия отводилась в резерв 2-й ударной, но происшедшие события заставили передать ее с 1 июня в состав 59-й армии. 546-й и 556-й стрелковые полки дивизии занимали позиции в болоте вдоль узкоколейки. Дивизией командовал с 25 апреля полковник Н.П.Коркин, бывший командир 23-й бригады, а с 16 мая дивизию принял подполковник Н.И.Артеменко. Он неоднократно просил командарма-59 И.Т.Коровникова отвести 191-ю на 500 м восточнее, к Северной дороге, чтобы там на сухих участках создать прочную оборону. И.Т.Коровников не считал это необходимым. Даже теперь командарм и командующий фронтом М.С.Хозин не приняли никаких мер для помощи дивизии, полагая, что дивизия атакована небольшой группой автоматчиков. В результате немцы прорвались через слабые позиции 191-й дивизии и перерезали узкоколейку и Северную дорогу за рекой Полисть в 800 м северо-восточнее отметки 40,556. 31 мая 191-я дивизия вела тяжелые безрезультатные бои, пытаясь освободить коридор. Противник сдерживал ее заградительным артогнем.

Сложным оказалось положение соседней 376-й дивизии, стоявшей на ручье Горевом. Ручей и река Полисть от весеннего таяния разлились в низине севернее Мостков и затопили позиции дивизии. 8 июня комдив 376-й обратился с просьбой к И.Т.Коровникову: "оставив на прежнем месте усиленное боевое охранение", "перенести передний край обороны" от ручья южнее, "на восточный берег Полисти, ввиду того, что на достигнутом рубеже — болото: вода по колено, невозможно строить укрепления, местность хорошо просматривается противником, части несут большие потери". Разрешения не последовало, дивизия продолжала напрасно терять людей, но пока еще держалась.

На южном фланге коридора 31 мая авиагруппы противника из 17-20 самолетов с самого утра не переставая бомбили боевые порядки 65-й дивизии и 1000-го стрелкового полка 305-й дивизии у Малого Замошья. На участке 1000-го полка и 2-го батальона 1002-го полка 305-й дивизии весь день шел огневой бой.

65-я дивизия первую половину дня отбивала атаки врага у перекрестка дорог южнее Теремца-Курляндского, восточнее отметки 40,2. Врагу опять удалось вклиниться в расположение 311-го полка. Дивизия ответила контратакой и ввела в бой свой второй эшелон — 54-й полк с тремя танками, но противник встретил его массированным огнем и вперед не пропустил.

1 мая на фронте 305-й дивизии изменений не произошло. Главные удары врага на южном фланге коридора по-прежнему отражала 65-я дивизия. В 16 часов после артподготовки и сильного артиллерийско-минометного налета неприятель перешел в новое наступление на Теремец-Курляндский. Вражескую атаку отразил 431-й стрелковый полк 65-й дивизии и пять танков Т-34 193-го танкового батальона. На участке 38-го полка у Южной дороги немцев даже удалось сбить с их позиций и отогнать назад, но два наших танка были подбиты, два сгорели и еще два застряли в болоте, в 193-м батальоне остался в строю всего один танк. В конце концов противник опять прорвался на стыке 305-й и 65-й дивизий и соединился со своей северной группировкой. И без того узкий коридор снова перестал действовать.

Утро 2 июня началось с налетов вражеской авиации. Первые бомбы на переправы через Волхов посыпались в 5 часов 30 минут. В это утро один батальон 372-й дивизии был передан на усиление 65-й дивизии. Но едва он подошел к Теремцу-Курляндскому, как подвергся бомбежке 40 вражеских самолетов. Батальон понес большие потери, задуманный контрудар не состоялся.

Днем в состав 52-й армии прибыли подразделения 150-го укрепленного района. Им предстояло в соответствии с пунктом "2.в." директивы Ставки от 21 мая 1942 г. обеспечить прикрытие плацдарма на участке Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы. Но вместо этого частям укрепрайона приказали сменить 299-й стрелковый полк 225-й дивизии и приступить к устройству долговременной обороны по восточным берегам рек Волхов и Малый Волховец и озера Ильмень, т.е. гораздо южнее указанного в директиве района и даже вне плацдарма. Тем самым командование фронта и 52-й армии получили возможность снять целый полк на второстепенном участке и перебросить его на более важное направление.

Однако приказа следовать в Мясной Бор полк не получил и остался в резерве дивизии. Для освобождения Южной дороги 52-й армии придали 25-ю кавалерийскую дивизию в пешем строю. Вместе с одним стрелковым батальоном 38-го полка 65-й дивизии и десятью танками 7-й гвардейской танковой бригады их объединили в ударную группу. Ей предстояло деблокировать окруженную армию.

Весь следующий день, 3 июня, авиация противника группами по 10-15 самолетов продолжала бомбить и штурмовать позиции 65-й дивизии. Немецкий самолет-корректировщик шесть часов висел над Мясным Бором и Теремцом-Курляндским, направляя огонь орудий и минометов по замеченным живым целям. Потери в наших частях были весьма значительны. Однако 38-й полк Н.И.Кулакова из 65-й дивизии отразил две атаки противника. К исходу дня на участке 38-го полка командование 52-й армии предприняло контратаку остатками разбитого батальона 372-й дивизии. Атака заставила неприятеля перейти к обороне по восточной опушке леса западнее Теремца-Курляндского.

В разгар боев 65-ю дивизию посетила делегация жителей Иркутской и Омской областей. Делегаты привезли подарки и письма, многие отыскивали в дивизии своих земляков и знакомых.

Но на фронте, конечно, было не до гостей. Генерал М.С.Хозин неотлучно находился в штабе Волховской группы. Он тяжело переживал гибель тысяч людей, чувствовал свою вину и думал о возможных последствиях. С середины мая у него развился (очевидно, на нервной почве) сильный фурункулез. Ведущий хирург А.А.Вишневский лично делал М.С.Хозину аутогемотерапию: переливание крови из вены в мягкие ткани.

Днем 3 июня к Мясному Бору подошла свежая 165-я стрелковая дивизия. Без всякой подготовки ее бросили в бой за коридор. В жестоком бою немцы уничтожили половину личного состава дивизии, остатки ее подразделений пришлось вывести из боя. Вместо них в огонь направили части 374-й дивизии, но положение выправить не удалось.

В 13 часов 55 минут того же дня Генеральный штаб отправил М.С.Хозину директиву с приказом мобилизовать все силы для вызволения 2-й ударной армии из кольца. В директиве, в частности, говорилось: "Действия по уничтожению противника в районе Спасская Полисть и Приютило проводятся крайне медленно.

Противник вами не только не уничтожается, а наоборот, перейдя к активным действиям, преградил пути отвода 2УА, разгадал наш маневр по ее отводу/.../

Попытки войск пробить брешь в боевом порядке противника оказываются малоуспешными. Основной причиной этого нужно считать не только медлительность ваших мероприятий, но и ввод сил по частям/.../

Вы вводите в бой соединения разрозненно, они, неся излишние потери и не добившись результата, теряют в значительной мере боеспособность. Считаю необходимым рекомендовать организацию более серьезного удара, большей частью пехоты с привлечением всей наличной артиллерии, гвардейских минометных частей, танков и авиации. Промедление и нерешительность в этом деле чрезвычайно опасны, ибо все это дает противнику изо дня в день сильнее закрепляться на перехваченных им путях отвода 2УА. Василевский, Боков".

В свойственной ему мягкой манере первый заместитель начальника Генштаба А.М.Василевский рекомендовал М.С.Хозину не распылять силы, а собрать их в один кулак и без промедления нанести врагу решительный удар. Хозин сам понимал, что нельзя позволить немцам закрепиться в коридоре. Именно поэтому он бросал в бой все, что удавалось "наскрести" по всем армиям Волховской группы. Он не мог ждать, пока эти подразделения соберутся воедино — сопротивление врага в коридоре с каждым часом нарастало. По той же причине все прибывшие пополнения немедленно поступали в распоряжение атакующих частей. Конечно, можно было перебросить сюда еще одну дивизию из 4-й армии, но тогда требовалась предварительная перегруппировка сил в самой 4-й армии, ибо в противном случае оголился бы и без того слабо прикрытый северный фланг Волховской группы. Но для перегруппировки тоже требовалось время.

В поисках выхода Хозин и штаб группы приступили к кадровым перестановкам. Вместо полковника П.И.Соленова командиром 165-й дивизии назначили командира 58-й стрелковой бригады полковника В.И.Морозова, а 58-ю бригаду принял командир ее 1-го батальона майор Гусак. Сняли также начальника штаба 165-й дивизии майора Назарова, его место занял майор Дзюба. Был заменен и комиссар дивизии старший батальонный комиссар Илиш. В 372-й дивизии командира полка Д.С.Сорокина заменили полковником Н.И.Синегубко. Перестановки затянулись до 10 июня, а бои между тем продолжались.

2 июня на сторону врага перешел помощник начальника 8-го отдела штаба 2-й ударной армии техник-интендант 2-го ранга С.И.Малюк. Он передал немцам

шифрованные документы, из которых неприятель узнал план отхода, боевые возможности и расположение частей армии. Теперь немцы знали все. Отныне только мужество и стойкость могли спасти воинов 2-й ударной. Все, что происходило до сих пор, было лишь прелюдией к трагедии, которая начиналась теперь в волховских лесах.

5 июня 2-я ударная и 59-я армии нанесли встречный удар и к 12 часам дня 59-я армия вышла к реке Полисть. Но врагу удалось с запада ворваться в боевые порядки 2-й ударной и 6 июня опять закрыть коридор. 6 дивизий и 7 бригад оказались в окружении. Вместе с ними остались в кольце не успевшие проскочить коридор подразделения других частей и соединений, например, 3-й гвардейский полк 4-й гвардейской дивизии.

Когда в середине мая 4-я гвардейская уходила в тыл на переформирование, 3-й полк полковника А.В.Слепко оставили на прежних позициях до замены другими частями и подчинили непосредственно штабу 2-й ударной армии. Дни шли, а смены все не было. Лишь 4-го июня бойцы 92-й дивизии сменили гвардейцев. Но за пять дней до этого, 30 мая противник перекрыл коридор. Полк остался в окружении, его передали в резерв 2-й ударной и он участвовал в боях на угрожаемых направлениях.

А тем временем кольцо вокруг 2-й ударной сжималось быстро и неотвратимо. Секретарь Военного совета 2-й ударной армии батальонный комиссар Н.М.Коровичев и офицер по особым поручениям члена Военного совета армии Я.С.Бобков вылетели в штаб оперативной группы войск волховского направления. Член Военного совета армии дивизионный комиссар И.В.Зуев приказал им лично доложить начальнику штаба группы генерал-майору Г.Д.Стельмаху о тяжелом положении 2-й ударной. Г.Д.Стельмах выслушал их и пообещал сообщить в Ставку. На следующий день из кольца вывезли самолетом тяжело раненого начальника артиллерии 2-й ударной армии Г.Е.Дегтярева. Он подтвердил информацию о состоянии войск за Мясным Бором.

Белые ночи и превосходство немецкой авиации не позволяли наладить снабжение армии воздушным путем. Нормы питания, которые и так были меньше ленинградских блокадных, постоянно сокращали. Появились случаи людоедства. Один из них, например, приведен в докладной записке начальника особого отдела НКВД Волховского фронта старшего майора госбезопасности Мельникова заместителю наркома внутренних дел В.С.Абакумову от 6 августа 1942 г.

Мельников сообщает, что между 12 и 18 июня "зам. нач. политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады Афиногенова, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, Афиногенов по дороге умер от истощения. Такие случаи, по свидетельству ветеранов Мясного Бора, были хоть и единичны, однако нередки. В частности, бывший комиссар 59-й бригады И.Х.Венец рассказывал, как он однажды застал бойца, который запихивал в противогазную сумку вырезанную у трупа печень. Венец и другие очевидцы сообщают, что людоедов расстреливали на месте без суда и следствия.

Тяжелее всех в окружении приходилось раненым. На 10 июня их скопилось в кольце 5 тысяч, совершенно беззащитных под смертельным огнем. Госпитали, медсанбаты и медсанроты скитались по лесам в поисках сухих и относительно безопасных мест. Вот как пишет об этом бывшая медсестра 59-й бригады Е.Л.Балакина (Назарова): "Мокрые, холодные, голодные как затравленные зайцы, всюду натыкались (мы - Б.Г.) на немцев и снова поворачивали назад. На ходу саперы делали настилы для лошадей с повозками, на которых везли медицинское оборудование и др. Лошади гибли одна за другой, засасывали болота, это страшная картина. Целыми днями мы, мокрые по пояс, бродили с баграми между деревьев. Не помню, сколько времени мы так бродили, но где-то 6-7 дней прошло, когда ночью, наконец, пришли на крошечный пяточок сухой земли около речушки Глушица /.../ Голод был нестерпимый, поели всех лошадей да травку кислицу. Ни хлеба, ни сухарей. Иногда прорывались У-2, сбрасывали сухари в бумажных мешках и почту, а также листовки, которые вселяли в нас надежду на спасение/.../

Кончался перевязочный и хирургический материал /.../ Сорванные тесемки на индивидуальных пакетах расщепляли, стерилизовали и перевязывали сосуды во время операций/.../ Люди пухли с голода. Два санитары умерли на ходу от истощения. Раненым кроме хвойного горячего чая ничего не давали - нечего было давать. Сырость, голод, комары, холод изводили. Даже лечь было негде, так как под ногами было колеблющееся торфяное болото/.../ День и ночь над головой с воем проносились снаряды и мины, иногда были разрывы рядом с нами, так было прямое попадание в хибарку, где была расположена прокуратура и особый отдел (рядом на той же горке, но вне верхового болота, размещался штаб армии — Б.Г.). Целыми днями вился над головой корректировщик, а за ним налетали

бомбардировщики или черные как смерть самолеты с белой свастикой и на бреющем полете включали адскую сирену, от которой стыла в жилах кровь /.../ Мы ждали помощи и надеялись, что она придет. День и ночь телефонист не бросал трубку, не отходил от аппаратуры /../, ждал приказа о выходе".

8 июня по приказу Ставки Волховский фронт был восстановлен. Командовать им вновь стал К.А.Мерецков. М.С.Хозина "за несвоевременный отвод войск 2-й ударной армии" сняли с командования Ленинградским фронтом и отправили на Западный фронт командовать 33-й армией. Войска Ленфронта принял генерал Л.А.Говоров.

Сдав 33-ю армию Хозину, Мерецков в тот же день, 8 июня, прибыл в Ставку. Мерецкова вызвали на заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где Сталин объявил ему о новом назначении и приказал вывести 2-ю ударную из кольца, хотя бы без тяжелого оружия и техники. Помочь резервами Ставка не могла — под Харьковом немцы окружили три наших армии.

Вместе с К.А.Мерецковым в штаб Волховского фронта приехал из Москвы А.М.Василевский. После доклада о положении 2-й ударной армии они приказали немедленно пробить коридор к окруженным и лично руководили операцией с командного пункта 52-й армии. К деревне Мясной Бор подошли из состава 52-й и 59-й армий три стрелковые бригады и танковый батальон неполного состава. Их свели в две группы и на рассвете 10 июня они нанесли удар по противнику, но успеха не имели из-за малочисленности собранных сил и поспешности подготовки. К тому же вражеские пикировщики засыпали нашу пехоту бомбами.

В штабе 2-й ударной армии некоторые командиры, узнав о подготовке прорыва, самовольно сколачивали группы красноармейцев и пытались пробиться навстречу наступавшим. Так вышел из окружения начинж 2-й ударной полковник И.П.Мельников с группой своих саперов. Он был настолько измучен, что не мог отвечать на вопросы и его сразу отправили за Волхов, лечиться. Использовать служебное положение в личных целях, для своего спасения не разрешают ни мораль, ни воинский устав. Однако командование фронта относилось к таким происшествиям с пониманием: офицеров не наказывали, а солдат после короткого отдыха ставили в строй.

В окружении вместе со 2-й ударной армией продолжала находиться 305-я дивизия 52-й армии. Кроме того, на северном фланге коридора немцы отрезали от 372-й дивизии 59-й армии ее 1240-й полк. Полк действовал вместе с партизанской

бригадой Е.Ф.Туваловича и вместе с нею попал в окружение. 1236-й и 1238-й стрелковые полки и 941-й артполк 372-й дивизии продолжали драться за коридор, пробиваясь к окруженным.

Люди в окружении были истощены настолько, что некоторые уже не могли стоять, а противник усиливал натиск с каждым днем. 14 июня немецкий летчик Р.Видеман записал в дневнике: "Наша авиация работает здорово. Над болотом, в котором сидят русские Иваны, постоянно висит большое облако дыма. Наши самолеты не дают им передышки. А они все же не сдаются в плен. Вчера мы дали подписку: умрем, но русских из болота не выпустим. Пустьдохнут с голоду в этом котле/.../". Небольшие авиационные силы Волховского фронта сражались с небывалой перегрузкой. Особенно большую боевую работу выполняли штурмовики Ил-2. 14 июня в районе Ольховки они атаковали сосредоточенные для удара 40 танков противника. Летчики с одного захода уничтожили 14 танков, еще шесть подбили пехотинцы-бронейщики. Другая группа штурмовиков разгромила в этот день немецкую автоколонну у Финева Луга. Не следует, таким образом думать, что Волховский фронт и воины 2-й ударной армии не наносили врагу ответных ударов. Они сражались упорно и, несмотря на огромное превосходство врага, эти бои обходились немцам недешево. Весь Мясной Бор и соседние леса были завалены трупами немецких солдат и офицеров: немцы не успели их убрать, а красноармейцы не хотели иметь с ними дело под огнем противника. В мае-июне в батальонах вражеских дивизий оставалось по 40-70 чел. Немцы перебрасывали под Мясной Бор маршевые батальоны по воздуху из Германии, делая все, чтобы не допустить прорыва окруженных. Волховский фронт перемалывал эти резервы, но взамен поступали новые.

Одновременно с наступлением против 2-й ударной армии неприятель нанес сильные удары по плацдарму 4-й армии, где оборонялась 310-я дивизия генерала Н.М.Замировского. Плацдарм протяженностью 30 км был важен в тактическом отношении и утром 23 мая неприятель приступил к его ликвидации. Бои продолжались по 9 июня включительно. Немцы предприняли 14 атак, потеряли много танков, более полка пехоты. 310-я дивизия тоже понесла значительные потери, но свои позиции отстояла.

Германское командование продолжало концентрацию сил против 2-й ударной армии. С запада, со стороны Керести, действовала группа "Герцог" (291-я, 254-я немецкие пехотные дивизии и 285-я охранная дивизия). С севера — 215-я, 121-я

и 61-я пехотные дивизии, полицейская дивизия СС, а также отдельные подразделения, переброшенные из других дивизий фронта и сведенные в бригады "Кехлинг", "Бассе" и "Шнейдлис". С юга — группа "Хоппе" (126-я пехотная дивизия, усиленная подразделениями из других частей, 58-я и 81-я пехотные дивизии, 2-я пехотная бригада СС), группа "Яшке", составленная из отдельных подразделений, и иностранные легионы.

13 июня Военный совет и Политуправление Волховского фронта выпустили в виде листовки обращение к воинам 2-й ударной армии с разъяснениями причины отхода с захваченных рубежей и призывом полностью разгромить врага в 1942 г. Подлинник листовки хранится в семейном архиве покойного писателя С.С.Гагарина, он опубликовал ее текст в своем романе "Мясной Бор". Листовка является редчайшим документом эпохи, отражая ее дух и специфику. Поэтому и здесь она в свою очередь воспроизведена полностью:

"Смерть немецким оккупантам! ДОБЛЕСТНЫЕ ВОИНЫ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ!

В огне и грохоте орудий, лязге танков, реве самолетов, жестоких схватках с гитлеровскими мерзавцами завоевали вы славу доблестных воинов Волховских рубежей.

Мужественно и бесстрашно, в течение суровой зимы и весны, вели вы борьбу с фашистскими захватчиками.

Боевая слава воинов 2-й ударной армии золотыми буквами запечатлена в истории Великой Отечественной войны.

Сейчас, когда потребовала обстановка, по приказу командования фронта армия занимает новые, более выгодные рубежи для обороны и наступления, чтобы еще крепче, еще сильнее бить врага, уничтожать его живую силу и технику, срывать его планы. Организованно занимая новые рубежи, 2-я ударная армия одновременно наносит сокрушительные удары по врагу. Тысячи немцев кормят могильных червей под Красной Горкой, Червино, под Дубовиком и Еглино.

Наши силы велики, и они могут быть умножены — это уже почувствовали на своей шкуре немецко-гитлеровские мерзавцы.

Мы теперь несравненно лучше, чем в прошлом году, вооружены для борьбы с вражескими танками и самолетами, для борьбы за победу и в воздухе, и на земле.

От каждого воина 2-й ударной требуется величайшая дисциплинированность и организованность. Каждый боец должен сражаться отважно, держаться

непоколебимо, быть готовым скорее погибнуть смертью храбрых, чем не выполнить воинский долг.

Товарищи бойцы, командиры и политработники 2-й ударной армии!

Ни минуты успокоенности и благодущия. Помните, что врагу нанесены сильные удары, но враг еще не разбит, он коварен и лют, готов на всякие подлости, провокации, гнусности. Будьте бдительны, дисциплинированы, подтянуты. Решительно ведите борьбу с трусами, паникерами, распространителями провокационных слухов. В обороне и наступлении будьте непоколебимыми, упорными и настойчивыми — в этом ваш долг, долг воина Красной Армии перед матерью-Родиной. Беспощадно истребляйте коричневую чуму. Каждый убитый фашист, каждое уничтоженное орудие противника, каждый взорванный, сожженный танк, каждый сбитый фашистский самолет — все это приближает день гибели гитлеровской грабьярмии.

Партия, советское правительство и вождь народов Народный Комиссар Оборона товарищ Сталин поставили перед воинами Красной Армии задачу — в 1942 г. полностью разгромить фашистскую грабьярмию.

Выше боевые знамена, овеванные славой в боях с немецкими оккупантами! Свято храните и множьте героические традиции 2-й ударной армии!

Воинским умением и стойкостью обеспечим разгром врага в 1942 году.

Нас ведет к победе Сталин!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствуют воины 2-й ударной армии!

Да здравствует наша победа!

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ФРОНТА ФРОНТА".

Листовка, несомненно, предназначалась для укрепления боевого духа армии, поэтому в ней нет всей правды о положении 2-й ударной. Воинов армии призывали "держаться непоколебимо", их ратный труд получил высокую оценку: "боевая слава", "золотыми буквами"... Если бы они знали, что пройдет совсем немного времени и жертва их станет не нужна, все будет забыто — и страдания, и "героические традиции" и на многих из них, на живых и мертвых, ляжет черная тень генерала Власова...

24 мая в соответствии с планом первыми начали отход 382-я дивизия, 59-я и 25-я бригады. 59-я бригада занимала позиции в центре участка, 25-я бригада

располагалась на ее левом фланге, 382-я дивизия — на правом. 59-й бригадой с апреля командовал подполковник С.А.Писаренко, прежнего командира И.Ф.Глазунова перевели в штаб армии. По плану операции бригада должна была сразу занять второй рубеж обороны и обеспечить проход войск прикрытия, после чего следовать в район сосредоточения. Командование бригады надеялось выйти за Волхов уже 28-29 мая. Однако план отхода бригады оказался нарушен. Из двух условных сигналов — пожар в деревне справа, в расположении 382-й дивизии и сигнал по рации — она получила только один — пожар. Радиосигнал не поступил. Бригада долго ждала его, теряя время. А противник между тем начал обходить ее с фланга, чтобы отрезать единственный путь отхода через Дубовик. Комбриг А.С.Писаренко решил больше не медлить. Он приказал оставить позиции и батальоны 59-й бригады двинулись к первому рубежу прикрытия. Параллельно с 59-й отходила 25-я бригада и 382-я дивизия. Немцы тут же начали преследование. На первом рубеже у станции Радофиниково и деревни Дубовик неприятель сделал попытку окружить 25-ю и 59-ю бригады. Станция несколько раз переходила из рук в руки; наконец, 25-я бригада отбилась от немцев. 59-й бригаде у деревни Дубовик удалось воспользоваться темнотой и под вражеским огнем втянуться по дороге в лес, куда противник ночью не пошел. Основной рубеж 59-я бригада заняла благополучно. Но едва через ее позиции прошли отходившие войска, как пьяные немцы кинулись на боевые порядки 59-й. Они рассчитывали на легкий успех, но их встретил пулеметный огонь. Отбив атаки и передав позиции войскам прикрытия, 59-я бригада ночью отошла, затем миновала последний рубеж у Финева Луга и проследовала в район сосредоточения к Малому Замошью. Там она закрепилась у Южной дороги, недалеко от командного пункта 305-й дивизии.

382-я дивизия занимала рубеж в 15-км полосе между 59-й бригадой и 327-й дивизией, напротив деревень Глубочка и Верховье. С 28 марта дивизией командовал полковник К.Е.Карцев. Получив сигнал об отходе, 382-я дивизия оставила позиции и направилась к первому промежуточному рубежу. Штаб дивизии двигался отдельно от своих войск и не позаботился об устойчивой связи с полками. Противник воспользовался этим и окружил штаб. Комдив Карцев решил опередить врага и сам повел личный состав штаба в атаку. Немцы от неожиданности опешили, а тем временем инструктор политотдела И.А.Кудинов привел на помощь 1265-й полк и неприятеля отогнали. Дивизия вышла к главному

рубежу и проследовала дальше, к Ольховке. Там в начале июня командование армии поручило К.Е.Карцеву возглавить выход группы соседних соединений, сосредоточенных на правом фланге окружения, но связь удалось установить только с 57-й бригадой. На совещании командиров решено было сосредоточиться на участке 59-й бригады у Большого Замошского болота, на левом фланге окружения. 382-я дивизия и 57-я бригада вышли к реке Глушица у Южной дороги и заняли оборону. Вскоре с севера подошли немцы, начались кровопролитные бои. В боях отличился 263-й саперный батальон дивизии под командованием майора И.С.Будимова. Воины батальона прикрывали минами дороги и тропинки, вели огневой бой как обычные стрелки. Командование армии согласилось с самовольной передислокацией 382-й дивизии ввиду ее безуспешных попыток разыскать другие соединения в отведенном для них районе. 382-я дивизия и 57-я бригада остались у Южной дороги.

В целом, отход первой арьергадной группы с крайнего северо-западного участка прошел организованно, в соответствии с планом. Успех операции обеспечили действия войск прикрытия: 327-й и 92-й дивизий, 22-й и 23-й стрелковых бригад. Теперь, после отхода первой группы им предстояло прикрывать подготовку к прорыву, а затем эвакуацию всей армии.

Передислокация войск прикрытия на второй рубеж началась в установленный срок. В белую ночь на 24 мая 327-й дивизии удалось скрытно отойти от Красной Горки. По плану она должна была двумя стрелковыми полками занять основной рубеж. Третий полк прикрывал отход, после чего, минуя второй рубеж, этот полк располагался на позициях третьего рубежа у Финева Луга и занимал оборону, не дожидаясь двух других полков. Когда дивизия отошла уже на 8-10 км, противник обнаружил ее исчезновение и бросился преследовать. Но красноармейцы, уходя, разбирали и взрывали за собой единственную настильную дорогу, которая вела в наш тыл. По обеим сторонам дороги простиралось болото, поэтому немцы не могли обойти дивизию с флангов. Применить танки они тоже не могли, аседавшую пехоту врага наши бойцы держали на приличном расстоянии.

В соответствии с первоначальным планом дивизия должна была на втором рубеже задержать врага на сутки, в течение которых намечалось вывести из кольца значительную часть армии. Однако неожиданно войска прикрытия получили новый приказ: продержаться на данном рубеже как можно дольше, поскольку главные силы армии еще не готовы к прорыву. Четверо суток (с 24 по 27 мая)

327-я дивизия отбивала атаки 291-й немецкой дивизии, но когда враг потеснил ее соседей и охватил открытые фланги, антюфеевцы отошли на третий рубеж. Они заняли позиции у деревни Финев Луг, у станции Рогавка на железной дороге Новгород - Батецкая - Ленинград и у Панковского поселка. С боеприпасами в дивизии было очень плохо, оставалось по 3-4 снаряда на орудие. На левом фланге дивизии у торфоразработок в районе поселка Тесово-Нетельский занял оборону партизанский отряд под командованием П.П.Носова. 4 июня подошли немцы, начались бои за Финев Луг, где оборонялся 1102-й полк подполковника И.Е.Хожаинова. 5 июня, когда неприятель прорвал рубеж 92-й дивизии, оборонявшейся на правом фланге 327-й дивизии, возникла угроза обхода позиций. В связи с этим комдив И.М.Антюфеев приказал эвакуировать раненых, тем более, что в дивизию сообщили о прорыве горловины в Мясном Бору. В конце дня большая группа раненых, способных передвигаться, двинулась во главе с военврачом А.Озеровым к Мясному Бору. Остальные врачи и весь 416-й медсанбат дивизии начали подготовку к передислокации в район Новой Керести.

Группа А.Озерова добралась до реки Полисть только на следующий день. К ужасу раненых их встретили не красноармейцы, а немцы — противник 6 июня опять перекрыл коридор. Раненых из группы Озерова спасло, вероятно, то, что у них не было оружия и шли они организовано, во главе с врачом. Немецкий офицер, по воспоминаниям Озерова, заявил раненым, что теперь о них будет заботиться великая Германия и приказал ефрейтору вести "этих скотов" в плен, причем пообещал кончать на месте каждого, кто побежит или упадет. Часть раненых нацисты добились по дороге, остальных отвели в Спасскую Полисть, а оттуда отправили в лагерь в Эстонию.

5-го, 6-го и 7-го июня бои за Финев Луг не прекращались. Поселок несколько раз переходил из рук в руки. Противник засыпал позиции дивизии листовками-пропусками в плен, но бойцы держались стойко. 7 июня к немцам подошло подкрепление. Полки 254-й пехотной дивизии вермахта, прорвав накануне, 5 июня, оборону соседней 92-й дивизии, кинулись теперь на 1098-й полк майора А.И.Беденкова. Одновременно на левом фланге 258-я охранная дивизия противника прорвала оборону партизан отряда П.П.Носова и навалилась на 1100-й полк. Таким образом, 327-й дивизии пришлось сражаться почти со всей немецкой группой "Герцог", а в полках дивизии оставалось по 200-300 чел.

Германские солдаты из охранной дивизии атаковали позиции 1100-го полка майора И.К.Сульдина в полный рост, при поддержке огнеметов. Сульдин бросился к месту прорыва, взяв с собой последний резерв — связистов и пять автоматчиков из охраны штаба полка. Автоматчики Сульдина прицельным огнем уничтожили вражеских огнеметчиков и Сульдин поднял бойцов в рукопашную. В бою отличился красноармеец Олса Юсупов. Когда на младшего лейтенанта Ковальчука бросилось сразу несколько немцев, Юсупов один заколол штыком четверых. В страшной драке антюфеевцы вышли победителями и немцы бежали. Вскоре противник опять пошел в атаку и снова потерпел поражение. После четвертой атаки Сульдин запросил помощи у Антюфеева. Но комдив помочь не мог — на правом фланге 254-я немецкая дивизия сбила с позиций остатки 1098-го полка. К вечеру немцы стали готовиться к шестой атаке на рубежи полка Сульдина. По приказу командира все, кто мог держать оружие заняли места в первой траншее. Артподготовка — и немцы пошли в атаку. Опять завязалась рукопашная штыками, касками, саперными лопатками. В 1-м батальоне 1100-го полка осталось всего одиннадцать человек. Такой же жестокий рукопашный бой шел на левом фланге 1100-го полка за Панковский поселок. Но голодные, измученные люди не могли долгое время противостоять здоровым, сытым солдатам вермахта. Враг прорвал оборону полка во многих местах. Только ночь остановила сражение. От каждого полка 327-й дивизии осталось меньше роты, дивизия истекала кровью. Еще один бой на этом рубеже и прикрывать отход армии будет некому. Утром 8 июня Антюфеев приказал отходить на последнюю линию обороны к Новой Керести. Отход прикрывал 1102-й полк. Перед уходом автотранспорт и почти все тяжелое вооружение пришлось уничтожить из-за отсутствия горючего и лошадей⁸². "Впрочем, — вспоминал И.М.Антюфеев, — у нас уже не было ни снарядов, ни мин, ни капли горючего. Орудия и минометы частью были подорваны, а частью потоплены в болотах. Автомшины сжигали".

Антюфеевцы отходили с боями, сдерживая врага на каждом ручье, на каждой поляне. 9 июня 327-я дивизия заняла оборону у поселка и станции Глухая Кересть вдоль реки Трубица и насыпи железной дороги. Тем самым рельсовый путь Новгород — Батецкая — Ленинград в районе расположения 2-й ударной армии оставался по-прежнему перерезан.

Утром 10 июня на новые позиции дивизии налетели немецкие самолеты. После бомбежки подошли бойцы отряда, прикрывавшего отход, и заняли место в общем

строю. Около полудня появился вражеский броневик-разведчик. Два последних орудия антюфеевцев стрелять по нему не стали, бойцы берегли снаряды на крайний случай, ждали пехоту и танки. Но атаки в этот день не было. Немцы появились только 11 июня. Они шли спокойно, считая, что русских здесь уже нет. Их подпустили поближе и скосили прицельным огнем. Противник опомнился и после артподготовки организовал настоящую атаку, но был отбит.

Люди убивали друг друга с яростью и злобой, а вокруг все цело, потому что это время года природа предназначила для возрождения и продления жизни. Сержант 305-й дивизии С.А.Муравьев писал семье 6 июня 1942 г.: "В лесу, где теперь немного суше, цветут растения, ландыши, цветет черемуха и другие деревья, поют соловьи. Припадают дождички, вчера несколько раз был. Сегодня ветер и солнце". Так писал воин дивизии, которая вела в те дни непрерывные бои и где за винтовки брались уже и повара, и писари, и связисты. Но еще труднее приходилось войскам прикрития.

Утром 12 июня неприятель подверг расположение 327-й дивизии сильному артиллерийско-минометному обстрелу. Обстрел продолжался десять (!) часов и должен был истребить все живое. Но после этого ада бойцы дивизии еще нашли силы отразить вражеский натиск. В дивизии осталось чуть больше 600 человек. От голода и усталости они еле держались на ногах. Бывший старший лейтенант П.П.Дмитриев из 894-го артполка дивизии вспоминал: "Постоянно мучил голод. С 30 мая и до 22 июня я, как командир, получал официальный паек — 5 граммов горохового концентрата и 13 граммов сухарей. От этого пайка, от травы и липовых листьев, из которых готовили варево, и болотной воды я за это время трижды опухал /.../ Красноармейцам полагалось еще меньше /.../ К чести офицеров дивизии, все получаемые продукты они отдавали в общий котел и наравне с бойцам переносили муки голода" .

13 июня немцы вторично прорвали оборону 92-й стрелковой дивизии и захватили Ольховку. 92-я отходила на последний рубеж по реке Кереть. 14 июня неприятель захватил Финев Луг и вышел в тыл 327-й дивизии. Командование 2-й ударной армии приказало Антюфееву отводить остатки 327-й дивизии туда же, к деревне Новая Кереть. 10-километровый путь от Глухой до Новой Керести дивизия преодолела целые сутки, люди еле двигались по болотистому лесу. Идти по дороге они не могли — там их непрерывно бомбили немецкие Ю-87. Разбитый бомбами, обгоревший лес давал хоть какое-то укрытие.

В этот день ответственный секретарь редакции газеты "Отвага" В.А.Кузнецов записал в дневнике: "Вечером наш квадрат леса снова бомбили 18 "хейнкелей". У зенитчиков редкая удача - сбили сразу пять самолетов /.../ Противник жмет. Сдана Ольховка. Это прямая угроза Новой Керести, в районе которой мы стоим /.../ За последнюю неделю антюфеевцы уничтожили более 4 тысяч гитлеровцев. Это в шесть раз больше, чем располагает дивизия. Вчера за 10 часов противник выпустил по расположению дивизии не менее тысячи снарядов и столько же мин. Антюфеев говорит, что еще одного такого напора ему не сдержать. Враг все время подтягивает резервы. А у Антюфеева подчищены все тылы. Боеприпасов нет. Нет продовольствия. И все-таки держатся А..".

Вечером 14 июня 327-я дивизия перешла через мост на восточный берег Керести и заняла оборону. На левом фланге расположился 1102-й полк, в центре - 1100-й, на правом фланге со стороны Ольховки в тонкую нитку растянулся 1098-й полк. У дороги на Глухую Кересть заняли позиции две последние противотанковые пушки под командованием майора Белова. На каждую пушку оставалось по четыре снаряда. Штаб дивизии расположился в 2 км юго-восточнее, у болота Макарьевский Мох, недалеко от штаба армии.

15 июня, как уже отмечалось, авиация фронта разгромила немецкую автоколонну у Финева Луга и танки противника у Ольховки, поэтому антюфеевцы получили небольшую передышку. 17 июня неприятель провел по позициям дивизии короткий артоналет. 18 июня обстрел возобновился, противник методично бил из орудий и минометов по всему расположению дивизии. Свой медсанбат И.М.Антюфеев отпустил ближе к коридору, чтобы он успел выдти, как только окружение будет прорвано, и раненых носили из дивизии в армейский госпиталь, до которого, как и до штаба армии было несколько километров. Расстояние невелико, но измученные люди преодолели его с большим трудом.

19 июня член Военного совета 2-й ударной армии И.В.Зуев докладывал члену Военного совета фронта армейскому комиссару 1-го ранга А.И.Запорожцу: "Сегодня авиация продовольствия не доставила. На 19. 6.42. ни одного грамма продовольствия. Многие от истощения вышли из строя /.../ Несмотря на это, настроение людей здоровое. Части дерутся прямо героически".

Утром 19 июня после мощной артподготовки противник обрушился на позиции 1098-го полка 327-й дивизии. Немцы прорвались к командному пункту, от полка осталось несколько человек. Отстреливаясь, они отходили к штабу дивизии.

И.М.Антюфеев сам привел на помощь группу бойцов и приказал командиру 1098-го полка майору А.И.Беденкову прикрыть с этими людьми отход дивизии. Они сдерживали врага последними патронами и отошли лишь тогда, когда противник прекратил наступление. После этого бойцы Беденкова направились через болото Макарьевский Мох на соединение с дивизией. 21 июня группа попала в болоте на минное поле. Взрывом мины Беденков был тяжело ранен, но все-таки пытался идти. Раздался второй взрыв, Беденков получил еще одно ранение. Находившиеся рядом бойцы сочли командира убитым и двинулись дальше, оставив его вместе с ранеными — нести их по болоту не было сил. Вскоре подошли немцы. Раненых солдат они добились, а майора Беденкова взяли в плен.

21 июня 327-я дивизия отошла за реку Глушица. Ее прежние позиции вдоль Керести занял сводный отряд, куда вошло по несколько человек от каждого полка дивизии и две ее последние пушки. Эти силы прикрыли штаб армии и армейский госпиталь, который размещался между штабом и узкоколейкой. Остатки полков 327-й дивизии заняли за Глушицей последние позиции перед коридором. 24 июня здесь погибли все бойцы 1098-го и 1100-го стрелковых полков, 15 человек осталось от 894-го артополка. В 1102-м полку людей осталось на два взвода, к ним присоединились последние бойцы из других бригад и дивизий. Они, по воспоминаниям И.М.Антюфеева, "уже не способны были ни к какому маневру. На месте они еще дрались, буквально вцепившись зубами в землю, но движение для них было невыносимо трудным".

21 июня И.В.Зуев доносил в Военный совет фронта А.И.Запорожцу: "Войска армии три недели получают по 50 гр. сухарей. Последние три дня продовольствия совершенно не было /.../Люди до крайности истощены/.../ Боеприпасов нет".

Левее антюфеевцев занимала позиции 23-я бригада. С 24 апреля ею командовал полковник П.Г.Клюнников. Бригада стойко сражалась против полка полицейской дивизии СС и двух батальонов 278-го пехотного полка 93-й немецкой пехотной дивизии. Враг ни разу не прорвался через ее рубежи. Лишь отдельным группам противника удавалось просачиваться в тылы бригады, но с ними бойцы справлялись быстро. Прорыв немцев на правом фланге, через позиции 327-й дивизии, заставил бригаду вслед за дивизией отойти на третий рубеж. К 15 июня она заняла оборону по линии ручей Омутной — поляны севернее реки Трубица и Глухой Керести. Когда 327-я дивизия отошла к Глушице, 23-я бригада еще

продолжала удерживать позиции. Левый фланг группы прикрытия оставался неприступен.

Тяжелое положение сложилось на правом фланге в полосе 92-й дивизии. Выше уже говорилось, что враг дважды прорывал ее рубежи. С 22 апреля дивизией командовал полковник Ф.М.Жильцов, бывший командир 58-й бригады. 24 мая по плану вывода армии 92-я дивизия отошла на второй рубеж к деревне Шелковка и реке Трубица. Затем предполагалось отвести ее на третий рубеж южнее Ольховки, чтобы прикрыть направления Кривино, Ручьи, Вдицко, Финев Луг. На втором рубеже бойцы дивизии построили дзоты. Через несколько дней подошли танки противника. Подбить их было нечем, т.к. свои орудия дивизия уничтожила из-за отсутствия снарядов. 5 июня немцы во многих местах прорвались через рубежи дивизии, а 13 июня противник сбил ее с позиций и к 15 июня отбросил на последний рубеж у реки Кересть. Здесь вскоре опять появились германские танки. На Керести имелся деревянный мост, но тяжелые машины он не выдерживал и пять танков ползали по западному берегу, не рискуя форсировать болотистую реку. За танками могла вот-вот подойти пехота. Необходимо было взорвать мост и истребить танки. Выполнение задачи поручили командиру саперного взвода старшему лейтенанту Я.Ершову. Вместе с командиром роты 96-го отдельного саперного полка Н.И.Кругловым он отыскал в лесу кем-то оставленные два противотанковых ружья и к ним около 30 патронов, а также станковый пулемет "Максим" с тремя снаряженными лентами. Из ружья Я.Ершов в этот же день подбил два танка. Вечером он разрядил минометные мины, чтобы добыть взрывчатку, за ночь заминировал мост и на рассвете взорвал его. Но противник форсировал Кересть в другом месте и пока Ершов докладывал комдиву о выполнении задания, немецкие автоматчики прорвались к командному пункту дивизии. Ершов в бою погиб. Два полка немцев с 20-30-ю танками при поддержке авиации атаковали 92-ю с правого фланга и тыла со стороны Ольховки. Наши воины взорвали и сожгли 6 танков и 5 танков подбили, но враг все-таки прорвался и захватил позиции 92-й дивизии.

Правый фланг и центр последнего рубежа по реке Кересть оказался прорван противником. Удержались только 19-я гвардейская дивизия на крайнем левом фланге и 23-я бригада. На правом же фланге и в центре 92-я и 327-я дивизии, неся большие потери, медленно отходили к главным силам. Для прикрытия рубежа по Керести штаб армии срочно сформировал отряды из 1,5 тысячи

оставшихся без орудий артиллеристов, связистов, служащих тыловых подразделений. Борьба за рубеж на Керести продолжалась, но надеяться оставалось только на чудо. Противник имел подавляющее превосходство — личный состав всех окруженных частей вместе взятых не превышал в то время 25000 человек. Именно из-за превосходства противника арьергард армии не смог выполнить поставленную задачу в полном объеме. Однако упорное сопротивление, обеспеченное во многом благодаря умелому руководству командиров частей и соединений, позволило основным силам армии планомерно отойти и сосредоточиться севернее реки Глушица для прорыва окружения. Там была собрана ударная группа из 22-й, 25-й, 59-й, 57-й стрелковых бригад, 46-й и 382-й стрелковых дивизий и 166-го отдельного танкового батальона⁹⁶. Дальнейшие атаки врага заставили на отдельных участках перейти Глушицу и занять оборону под ее слабым прикрытием (ширина реки летом 2-3м).

Главнокомандующий группой армий "Север" генерал-фельдмаршал Г.Кюхлер высоко оценивал силу сопротивления и боевой дух бойцов Мясного Бора. Рассказывая на обеде в ставке Гитлера 30 июня 1942 г. об этих боях, Кюхлер заявил: "Что же касается боевого духа русских, то /.../ солдаты в окопах не проявляют ни малейшей заинтересованности в продолжении войны и мечтают только об одном: вернуться домой. И все же они сражаются как звери до последнего дыхания, и их приходится убивать одного за другим. Явлений, подобных тем, которые происходили во время мировой войны, в 1916-1917 годах, когда русские в окопах втыкали штыки в землю и уходили с позиций, нигде не наблюдается".

С востока к окруженным продолжала пробиваться 52-я армия. 13 июня в 8 часов утра началась артподготовка. В 9 часов она завершилась залпом "катюш", а затем в наступление вдоль Южной дороги двинулись 38-й полк 65-й дивизии и сведенная в два полка 25-я кавдивизия в пешем строю*. Противник отбил атаку и весь день обстреливал артиллерийско-минометным огнем расположение полка и дивизии.

15 июня они возобновили наступление вдоль Южной дороги и снова неприятель отбил его огнем артиллерии и минометов со стороны Большого Замощья, высоты 40,2, из района Земтиц и Любцев, а также пулеметно-автоматным огнем со стороны Северной дороги. Бой шел весь день. Наша артиллерия подавила 7 немецких батарей, однако враг удержал свои рубежи. Командование фронта

пополнило состав ударной группы и, готовясь возобновить наступление, приказало 539-му отдельному саперному батальону майора В.Ф.Гусарова со следующего дня приступить к минированию коридора вслед за наступающей группой, чтобы закреплять отвоеванные позиции. С 16 по 25 июня саперы поставили 10 тысяч противотанковых и противопехотных мин для прикрытия Северной и Южной дороги и узкоколейки.

16 июня ударная группа 52-й армии в составе 165-й дивизии, 38-го полка 65-й дивизии, 25-й кавдивизии и пяти танков 7-й гвардейской танковой бригады после краткой артподготовки вновь начала наступление. Противник встретил ее артиллерийским огнем. Кроме того, весь день вражеские самолеты по 25-27 машин бомбили и штурмовали красноармейцев. Под огнем артиллерии и ударами с воздуха наша пехота не смогла двинуться за танками и залегла. К концу дня она отошла в исходное положение. Наша артиллерия в течение дня подавила пять 105-мм батарей противника, две минометных батареи и три станковых пулемета, но огневой перевес неприятеля оставался абсолютным. Советские бомбардировщики под прикрытием истребителей наносили врагу ответные бомбовые удары. Истребители сделали 20 самолетовылетов для прикрытия пехоты. В четырех воздушных боях они сбили два немецких истребителя (Me-109 и Me-109 ф) и бомбардировщик Ю-88. Наши потери составили три новых истребителя ЛАГГ-3, летчики спаслись.

17 и 18 июня бои продолжались. Группы по 18-20 вражеских самолетов непрерывно бомбили и обстреливали с воздуха наши войска. Тем не менее 17 июня артиллерия 52-й армии подавила три немецких артбатареи у Земтиц и Копцев. 18 июня наша авиация дальнего действия взорвала немецкий склад боеприпасов и разбомбила батальон противника западнее Копцев.

Вечером 18 июня стало ясно, что 165-я дивизия в боях за коридор исчерпала свои возможности. Ее участок приняла 25-я кавалерийская дивизия, а 165-я перешла к обороне на первой просеке между Северной и Южной дорогами. Другие соединения ударной группы 52-й армии также понесли значительные потери и приостановили наступательные действия.

Утром 19 июня наступление начала 59-я армия. Для развития успеха ей передали 25-ю кавдивизию 100. Впереди шли 11 танков 29-й танковой бригады. Встречный удар из кольца наносили 46-я стрелковая дивизия, 25-я и 57-я стрелковые бригады. Обе группировки сблизилась вплотную, большинство воинов 46-й

дивизии вырвалось из окружения, но развить успех не хватило сил, закрепить коридор оказалось некому - люди бросились в него толпой, думая только о спасении.

Прочность немецкой обороны обеспечивалась громадным превосходством врага в авиации. А ведь только одна бомба среднего калибра в 250 кг весом имеет радиус полета осколков 950 метров! Бывший начальник штаба 539-го отдельного саперного батальона майор Д.К.Жеребов вспоминал:

"Много неприятностей доставляла нам авиация противника. Она безраздельно господствовала над районом Мясного Бора. С раннего утра до позднего вечера девятки Ю-88, сменяя друг друга, кружили над горловиной прорыва и прилегающим районом и безнаказанно бомбили наши части, не имевшие возможности окопаться в болотах.

Не имея необходимого количества зенитной артиллерии и пулеметов, наши бойцы вели по самолетам огонь из противотанковых ружей, обычных ручных пулеметов. Самолеты врага, обнаглев, летали над горловиной прорыва низко, как на учебном полигоне. Один раз они были жестоко наказаны. Ю-88, вышедший из пике, был подбит нашими солдатами, он взорвался, от этого взрыва взорвался второй самолет, а от него и третий. В панике остальные повернули на свой аэродром".

20 июня 8-й и 11-й гвардейские стрелковые полки 4-й гвардейской дивизии вывели из резерва фронта и срочно бросили к Мясному Бору пробивать коридор. Вместе с ними отправились 1-я, 3-я и 6-я батареи 3-го гвардейского стрелкового полка дивизии, который сам все еще оставался в окружении. Но разорвать кольцо не удалось и гвардейцам.

В ночь на 21 июня самостоятельную попытку пробиться из окружения предприняла 305-я стрелковая дивизия. Она нанесла удар севернее Большого Замошского болота, но прорваться к Южной дороге не смогла.

Утром 21 июня части 52-й и 59-й армий возобновили атаку с правого фланга 165-й дивизии. Через вражеские позиции пробивались 7-я гвардейская и 29-я танковые бригады, 2-я*, 65-я и 374-я стрелковые дивизии, 24-я бригада. Вместе с 374-й дивизией сражался отряд в 200 чел. из 169-й дивизии - фронт собирал для прорыва все, что мог. Навстречу наступала ударная группа окруженной армии. Накануне, 20 июня командарм А.А.Власов приказал собрать всех артиллеристов, у которых не осталось снарядов, и влить их в 3-й гвардейский полк. 600 чел. пополнения из артиллеристов позволили довести состав полка до 800 активных

штыков. После войны командир полка А.В.Слепко в "Объяснительной записке" в партийные органы о причинах своего пленения отмечал: "Это была самая сильная часть в армии. В других соединениях, например, в 46 сд 21 июня было около 80 штыков, аналогично и в других частях и соединениях.

21 июня, — продолжал А.В.Слепко, — мною был получен приказ командарма передать один из батальонов командиру 46 сд, а с двумя батальонами продолжать составлять армейский резерв, /.../ я направил командиру 46-й дивизии первый батальон /.../ Со стороны наших, прорвав немецкое кольцо, прибыли шесть танков во главе с капитаном /.../ Они привезли нам поздравление комфронта Мерецкова и его благодарность за мужество и стойкость. Но вслед за танками кольцо снова сомкнулось. Тогда штабом армии командиру 46 сд и силам моего 1-го батальона было приказано совместно с танками сделать прорыв /.../ Вначале был успех, но потом батальон понес большие потери, атака задохнулась".

Теперь с внешней стороны кольца возобновила наступление 59-й армия. Вместе с ее частями в бой опять была введена 25-я кавалерийская дивизия. Вслед за ней в огонь бросили в пешем строю 87-ю кавалерийскую, остатки которой, как и в 25-й, тоже свели в два полка. Навстречу им от реки Полисть вдоль узкоколейки ударили танки 29-й танковой бригады, которые не смогли прорваться назад 19 июня и двое суток сражались вместе с окруженными. Участники прорыва вспоминали впоследствии на встречах ветеранов, что весь коридор был завален трупами в несколько слоев. Танки шли прямо по ним и гусеницы вязли в сплошном месиве человеческих тел. Кровавые куски забивали траки, машины буксовали и танкисты прочищали гусеницы заранее заготовленными железными крючьями...

Тяжелые бои продолжались весь день. Наконец, наступавшие войска пробили коридор шириной 250-400 м в районе Северной дороги и узкоколейки и около 20 часов соединились со 2-й ударной армией на берегах реки Полисть. Кавалеристы развернули фронт на северо-восток и прикрыли горловину. Командование фронта немедленно направило через коридор на людях и лошадях продовольствие для 2-й ударной. Навстречу хлынули подразделения окруженных частей, ближе всех располагавшихся к горловине. Вперед пропускали раненых и медицинский персонал. Узкий коридор давал надежду на спасение, но враг непрерывно бомбил его и обстреливал. Люди гибли, получали новые ранения. Стояли сильные туманы, в воздухе висела густая пелена от рызрывов. А немцы еще забрасывали коридор дымовыми минами, чтобы сбить ориентировку и вызвать панику.

* С 11 июня 25 кд в составе 52 А (ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 30. Л. 150).

* Прибыла на фронт в апреле 1942 г., с мая в составе 52-й армии.

Многие выходившие из окружения говорят, что шли они и бежали в сплошном дыму, ничего не видя, кроме разрывов, держась за шинель бегущего впереди.

Две подруги, медсестры медсанбата 327-й дивизии О.Ульяничева и Е.Мешкова выходили вместе. В коридоре они оказались под сильным артиллерийско-минометным огнем. Спасаясь, Ульяничева прыгнула в большую воронку и тут же взрыв бомбы засыпал ее землей и похоронил заживо. В Воронеже у Оксаны Ульяничевой осталась старая мать и четырехлетний сын.

Вдоль узкоколейки вырвался из окружения личный состав 18-го артполка РК. Командира полка М.Б.Фридланда ранило еще в начале июня и группу из 40-50 оставшихся в живых артиллеристов возглавил начальник штаба полка майор М.А.Филимонов. Они вошли в коридор в толпе воинов других частей, которых собралось около 800 чел. Артиллеристы вышли к берегу Волхова, где располагались тыловые подразделения полка. Рядом с артиллеристами выходили 1-й и 3-й батальоны 3-го гвардейского полка 4-й гвардейской дивизии. Штаб полка и 2-й батальон пройти Мясной Бор не успели.

Утром 22 июня противник ворвался в коридор с северного фланга. Бойцы 59-й и 2-й ударной армий выбили немцев встречным ударом. К вечеру коридор удалось местами расширить до 800 м, захватив узкоколейку. Враг пытался пробиться к коридору еще и на южном фланге, но там его атаки удалось отразить. Главный удар у Южной дороги принял на себя 38-й полк 65-й дивизии. В полку насчитывалось всего 300 чел., однако через их позиции враг не прошел. В бою погиб командир полка Н.Канищев и вместо него комдив назначил начальника штаба 60-го полка старшего лейтенанта А.С.Топоркова, бывшего учителя из Мордовии. Новый командир привел в полк подкрепление — взвод автоматчиков — и поднял бойцов в контратаку. Началась рукопашная. Так повторялось неоднократно и каждый раз победа оставалась у наших бойцов. А.С.Топорков по рации обратился к комдиву за помощью людьми и боеприпасами, но полковник П.К.Кошевой просил продержаться до вечера, т.к. пройти сейчас к полку под сильнейшим огнем нет возможности. Вечером враг прорвался к траншеям полка. Бой шел у самых блиндажей. О серьезности положения свидетельствуют 38 пробоин, которые остались на знамени полка после этой схватки. Топорков снова попросил помощи и, получив опять отказ, вызвал огонь на себя. Едва

красноармейцы успели укрыться, как послышался свист реактивных снарядов. Залп "эресов" уничтожил прорвавшихся немцев. Коридор продолжал действовать. 22 июня через Мясной Бор прорвался партизанский батальон Е.Ф.Туваловича (80 чел.). Партизаны разделились на группы по 10 чел. 65 партизан прорвались, 15 погибли, в том числе командир батальона. Впрочем, до партизанской базы в Малой Вишере добралось только 30 чел., остальных пришлось сразу отправить в госпиталь из-за крайнего истощения .

В этот день в Мясном Бору за рекой Глушицей командир 894-го артполка 327-й стрелковой дивизии вызвал к себе командира батареи старшего лейтенанта П.П.Дмитриева и начальника связи артдивизиона лейтенанта Н.Б.Ушакова. Дмитриев от истощения еле двигался, Ушаков болел туберкулезом в открытой форме. Оба в бою большой пользы принести не могли. Им предстояло выполнить особое, не менее опасное задание: вынести через коридор полковое знамя и добраться с ним до резервной батареи полка, которая оставалась за Волховом - командир хотел сохранить полк, не допустить его расформирования. Дмитриев обернул знамя вокруг тела под гимнастеркой. Ушаков и Дмитриев шли медленно, с переходами по 25-30 м, шатаясь от слабости. Рассказ Дмитриева является единственным подробным свидетельством человека, прошедшего через кошмар Мясного Бора 22 июня, в годовщину начала войны. Рассказ опубликован в 1989 г. одним из заводских издательств Воронежа в брошюре об участии воронежцев в Любанской операции. Брошюра издана малым тиражом и сама по себе является библиографической редкостью. Уникальность свидетельства Дмитриева, обилие важных деталей дают основание привести его здесь почти целиком. Тогда читатель лучше представит себе, что такое война и какие подвиги совершили воины 2-й ударной армии.

"Вот и сейчас, — рассказывал Дмитриев, — никак не могу сообразить, откуда взялись силы /.../ Я почти не мог держаться на ногах от истощения. В еще худшем состоянии был Н.Ушаков. Наверное, только чувство долга прибавляло нам обоим силы для жизни. Движение в полосе 300 метров шириной и протяженностью четыре-пять километров простреливалось огнем противника со всех сторон и было настоящим адом. Преодолевали мы этот небольшой по меркам мирной жизни участок несколько часов. Мы уже не шли, а ползли, прячась от автоматных очередей за каждый

кустик, за каждую кочку. По всей этой страшной дороге и около нее стояли сожженные машины, исковерканная техника. В воронках, канавах и прямо на дороге лежали сотни убитых наших воинов. Некоторые из них еще стонали, как и мы, пытались ползти /.../

Залепленные болотной грязью, мы сами были под цвет земли. Впереди и сзади нас кто-то полз, кто-то, прячась от очередного взрыва мины, напрягая последние силы, отпрыгивал в сторону, но падал от автоматной очереди. Видимо, отдельные вражеские автоматчики прорывались прямо к дороге и расстреливали в упор пытающихся выйти из окружения воинов. Разъяренные как волки в овечьем стаде, фашисты выбирали, кого убить сейчас, а кому дать несколько шагов помучиться /.../ Мы ползли, часто прячась за трупы убитых, а иногда сами лежали рядом с ними, изображая убитых, пока не уйдет в сторону стальная коса автоматной очереди. Страх за себя не было - мы уже настолько привыкли за время боев к смерти, что сама смерть не вызывала у нас естественного человеку чувства страха перед ней. Было только сожаление, что кто-то не дожил до победы /.../ Если бы не знамя, не знаю, смогли бы мы выйти или легли бы там же, на дороге, навеки.

От усталости, от крови и смерти сотен людей, от постоянного ожидания /.../, что эта очередь или этот осколок предназначен тебе, мы закаменели. В сознании работал, видимо, только один центр, который руководил чувством самосохранения /.../

Мы уже выползали из "Долины смерти" /.../ Самые мощные взрывы и ливень огня остались позади, а здесь и чуть впереди фашисты стреляли значительно реже. Николай поднялся на ноги и стал помогать подниматься мне. И в этот момент фашистский негодяй прошил Николая автоматными очередями с головы до ног — крест-накрест. Он упал, и по нему, уже убитому, еще раз прошла очередь /.../

От боли утраты я на миг потерял сознание. Потом метался, как в бреду и, возможно, фашисты подумали, что я сошел с ума, и не стали добивать меня /.../

Как я выполз из этого ада, не помню. А когда добрался до наших войск, /.../ упал без сознания и был в таком состоянии доставлен в госпиталь. Позже с боевым знаменем 894-го артиллерийского полка мы били фашистов до самого их смертного часа, отомстив за смерть Николая Ушакова и всех павших в боях бойцов и командиров нашего полка".

От Глушицы и Полисти по Мясному Бору через коридор огня и крови шли, ползли и бежали тысячи раненых, голодных, больных, истощенных людей. К 20 часам 22

июня из окружения вышло около 6 тыс. чел. Вместе с воинами выходило гражданское население.

"На Волховском участке снова тяжелые бои, — отметил Ф.Гальдер 22 июня. — Вражеские танки проникли в коридор. Однако, предположительно, это не поможет противнику установить прямую связь с окруженной группировкой. Я в этом сомневаюсь и полагаю, что противник оттянет свои силы. В котле начинает ощущаться голод". В оценке намерений К.А.Мерецкова генерал-полковник Ф.Гальдер ошибся — командование Волховского фронта продолжало изыскивать людей и материальные средства для продолжения борьбы.

После тяжелых боев к 23 июня коридор расширился до 1 км, однако продолжал оставаться чрезвычайно узким и простреливался насквозь. Командование фронта формировало из выходивших людей отряды и направляло их опять в огонь для удержания флангов коридора. Бойцы этих отрядов рассказывали мне, что предварительно их кормили гречневой кашей, поскольку она бескислотная и не оказывает вредного воздействия на истощенный желудок. Большой пользы отряды из окруженцев принести, разумеется, не могли, так как "вышедшие бойцы, — отмечал К.А.Мерецков, — были изнурены и подавлены морально".

В ночь на 23 июня командование фронта сделало еще одну попытку помочь окруженным, направив к ним самолеты с продовольствием. Шесть из них противник сбил над Мясным Бором на глазах окруженных солдат .

23 июня немцы пробились за реку Кереть и прорвались вдоль Северной дороги к штабу 2-й ударной армии на горе у Дровяной Поляны (Дровяное Поле). Положение спасла рота особого отдела (150 чел.) во главе с начальником особого отдела НКВД 2-й ударной армии майором госбезопасности А.Г.Шашковым. Рота отогнала противника и дала возможность штабу отойти на новое место, к реке Глушица. Но отряды немцев повсеместно проникали в наши тылы, создавали панику и неразбериху. Войска прикрытия едва сдерживали противника. Враг захватил последнюю площадку, куда самолеты сбрасывали окруженным боеприпасы и продовольствие. Расположение 2-й ударной уже простреливалось немецкой артиллерией на всю глубину. Немецкие бомбы и снаряды разбили узел связи штаба армии, связь со штабом фронта стала осуществляться через радиостанцию 305-й дивизии.

Днем 23 июня ударной группе 59-й армии в составе 165-й дивизии, 54-го гвардейского полка 19-й гвардейской дивизии и 1-го батальона 38-го полка 65-й

дивизии 52-й армии удалось несколько расширить коридор. Группа пыталась также пробиться с Южной дороги к 1000-му полку 305-й дивизии, но в этом направлении продвинуться не смогла. В ответ на наше наступление немцы предприняли массированный удар артиллерии и авиации и опять ворвались в коридор. Вечером командование 2-й ударной армии попробовало выбить врага силами 1-го гвардейского батальона 3-го гвардейского полка. Батальон почти весь погиб, но приказ выполнить не смог. После гибели батальона от 3-го гвардейского полка осталось всего несколько солдат и офицеров. "Выход из мешка прочно закрыт, — записал в "Дневнике" Ф.Гальдер. — Под натиском с севера, запада и юга мешок все больше сжимается".

Командование фронта подготовило встречный удар вдоль узкоколейки 59-й армии с востока и окруженных соединений с запада. По воспоминаниям К.А.Мерецкова, "командиры соединений 2-й ударной армии были предупреждены, что эта атака должна быть доведена до конца любыми средствами". Отсюда следует, что командование собрало для прорыва последние силы.

Окруженные войска приготовились к прорыву. Технику, для которой не осталось ни горючего, ни снарядов, уничтожили. Воины 30-го гвардейского минометного полка реактивной артиллерии взорвали свои установки в лесу между Замошьем и деревней Кречно. Армия шла на прорыв тремя колоннами: путь по Южной дороге должны были пробить 22-я и 59-я бригады, по Северной дороге — 25-я и 57-я бригады, вдоль узкоколейки — 53-я бригада, 46-я и 382-я дивизии. За ними следовали арьергадные части. К частям прорыва на левом фланге армии присоединили также 844-й полк 267-й дивизии. Полк еще мог сражаться, в нем оставалось около 200 чел. — почти две роты. Командир полка майор В.А.Поспелов написал прощальное письмо жене и сыну и вручил военврачу Поздняковой, чтобы она переслала по адресу, если сможет прорваться. Письмо дошло до семьи Поспелова, но горе его близких длилось недолго. Вскоре они получили второе письмо, где майор Поспелов сообщил, что все закончилось для него благополучно. Вечером 23 июня все, кто мог держать оружие, встали в строй и 2-я ударная пошла на прорыв. В 23 часа 30 минут навстречу окруженным бросили два батальона 378-й дивизии, группу бойцов 18-го артполка РКК и около 400 курсантов. Часть курсантов с пулеметами была посажена на танки KB 29-й танковой бригады. Остальные войска 59-й армии и кавалеристы Гусева заняли позиции по флангам коридора, не давая противнику сдавить его еще сильнее. С

воздуха атаковали ночные бомбардировщики У-2. 374-я дивизия вместе с отрядом из 165-й дивизии наносила удар в юго-западном направлении в сторону Южной дороги. К утру 24 июня наступавшие войска пробили коридор шириной 800-1100 м. Танкисты прикрыли его своей броней. Фланги коридора оградаила огнем артиллерия 52-й и 59-й армий. Немцы открыли ответный огонь, разгорелась артиллерийская дуэль. В небе появилась вражеская авиация, с неба посыпались бомбы, но коридор начал действовать.

Значительная часть окруженных войск сосредоточилась у Дровяной Поляны (Дровяное Поле, Дровяная Дача) в районе штаба армии и узкоколейки. Утром 24 июня сюда подошли от Замощья 57-я бригада и 382-я дивизия. Как только коридор был открыт, окруженные устремились в него всей массой. Под натиском врага горловина стала сужаться и постепенно опять сократилась до 300 м. Возможность спастись была ничтожна и все-таки люди шли и шли в эту узкую щель. Шли, предпочитая смерть немецкому плену. Вместе с другими через "Долину смерти" прорвался боец Котов. Он вынес знамя 1267-го полка 382-й дивизии — шефское знамя Заозерненской средней школы Красноярского края, вынес, обернув полотнище вокруг тела. Его сопровождали старший лейтенант Макаров, начальник финансовой части Сахно и 10 красноармейцев. В коридоре в огне и дыму они сбились с пути и вышли прямо на немецкий дзот. Старший лейтенант Макаров уничтожил гарнизон дзота гранатой, однако шесть красноармейцев в бою погибли. Вслед за группой знаменосцев шли санитарки из медсанбата дивизии. Знаменосцы проскочили мостик через Полисть, вот-вот должны были показаться позиции 59-й армии. За мужчинами через Полисть двинулись девушки и тут в мостик ударил снаряд. Девушки все, кроме одной, погибли. Следующим группам окруженцев пришлось переходить Полисть уже вброд, глубина ее на Северной дороге в июне 1,2-1,6 м. Выход окруженных продолжался всю первую половину дня. Во второй половине 24 июня немцы закрыли коридор и приступили к полному уничтожению окруженных войск. Комдив И.М.Антюфеев вспоминал: "Войска армии, в том числе и 327-я стрелковая дивизия, зажатые в тиски на небольшом клочке территории у Мясного Бора, подверглись уничтожающему огню из всех видов оружия и со всех сторон, в том числе из шестиствольных минометов. В течение многих часов территория в районе Мясного Бора представляла собой огнедышащий кратер.

Оценив обстановку и видя явную неудачу с прорывом, Военный совет армии через офицеров штаба отдал распоряжение выходить из окружения мелкими группами, самостоятельно /.../ Спасти удалось немногим".

Вечером 24 июня 59-я армия снова пробила коридор, еще более узкий, чем прежде, шириной до 250 м. К окруженным прорвалась 29-я танковая бригада. Ей навстречу двигались ударные группы 46-й и 382-й стрелковых дивизий. Командарм А.А.Власов решил, что пора воспользоваться этой возможностью и вывести из окружения штаб и тыловые службы 2-й ударной армии. Он понимал, что Мерецков недаром предупредил о последнем усилии разорвать смертельное кольцо. Власов приказал всем отделам штаба присоединиться к заранее намеченным штабам бригад и дивизий и выходить вместе с ними. С собой он оставил своих заместителей, военный совет, особый отдел армии во главе с А.Г.Шашковым, начальника связи армии генерал-майора А.В.Афанасьева, начальника штаба армии полковника П.С.Виноградова и охрану штаба (всего около 120 чел.). В 23 часа 24 июня они двинулись к штабу 46-й дивизии, чтобы вместе с ним идти на прорыв. Позади колонны командарма, несколько отстав, шел начальник разведотдела армии А.С.Рогов. Сбившись с пути, колонна взяла севернее и вышла прямо на немецкие дзоты, противник накрыл ее пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Власов получил легкое ранение в ногу. Военный совет во главе с командармом и большинство офицеров укрылись в большой воронке. Рота автоматчиков особого отдела во главе с начальником отдела А.Г.Шашковым ушла вправо искать проход к коридору и не вернулась. Когда огонь несколько утих, Власов послал людей отыскать группу Шашкова, но найти чекистов не удалось. Не смогли разыскать и начальника разведки А.С.Рогова. Огонь отрезал его от колонны, однако разведчик не растерялся. Он самостоятельно вышел к узкоколейке и под сильным огнем прорвался через "Долину смерти". В 1 час 30 минут пополуночи 25 июня он встретил бойцов 59-й армии.

Как раз в то время, когда А.С.Рогов вышел из окружения, в 1 час 30 минут 25 июня, противник обнаружил в болоте между Глушицей и Полистью группу начальника особого отдела армии А.Г.Шашкова. Ей оставалось пройти до своих всего несколько километров. О том, что произошло дальше, рассказал брату А.Г.Шашкова, тоже чекисту, но соседнего, Ленинградского фронта, Н.Г.Шашкову заместитель начальника особого отдела 2-й ударной армии Ф.Г.Горбов в своем

письме 25 августа 1942 г.: "Примерно в 1 час 30 минут ночи Александр попал под обстрел миномета. Разрывом мины ему оторвало ногу и руку, осколком ранило в живот. Двигаться не мог, положение его было безнадежно по характеру ранения. Александр был еще в сознании, сказал нам: "Возьмите мой партбилет" — и застрелился. Вынести его тело никакой возможности не было, шли мы исключительно по топкому болоту, т.е. по пояс в грязи и воде под ураганным ружейно-пулеметно-минометным огнем /.../ Из особого отдела армии больше половины сотрудников не вышло, а те, кто вышел, были ранены или больны от недоедания /.../ Каких-либо вещей у Александра нет, мы их уничтожили еще до момента выхода. Его личные документы также уничтожены — сожжены вместе с другими документами сотрудников и командиров в момент создавшейся для нас тяжелой обстановки после гибели Александра. Но подоспевшая к нам группа бойцов положение исправила, и я вместе с уцелевшей группой работников через два-два с половиной часа вышел к передовым частям 59-и армии" .

Штаб 2-й ударной армии и Военный совет, не сумев прорваться, повернули назад и вышли на командный пункт 382-й дивизии, где было решено переждать огонь. Однако противник прорвался с запада по просеке к штабу дивизии. А.А.Власов приказал начальнику связи армии генерал-майору А.В.Афанасьеву организовать оборону. Афанасьев собрал 50 бойцов и вместе с комиссаром штаба армии Свиридовым они отбросили немцев. Но к противнику подходили подкрепления и надо было принимать какое-то решение, а в этот момент с Власовым случился психический шок, он потерял ориентировку во времени и пространстве, не мог правильно реагировать на события. Месяц спустя, 26 июля 1942 г., генерал-майор А.В.Афанасьев докладывал новому составу Военного совета Волховского фронта, что "тов. Власов, несмотря на обстрел, продолжал стоять на месте, не применяясь к местности, чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Когда я стал предупреждать — "надо укрываться", -то все же остался на месте. Заметно было потрясение чувств. Было немедленно принято решение, и Виноградов взялся за организацию отхода в тыл противника с выходом через фронт опять к своим".

В дальнейшем в советской литературе утвердилась версия, что Власов сознательно самоустранился от руководства остатками армии, так как давно замыслил перейти на сторону противника. В свое время эта версия активно поддерживалась государственными и партийными органами, поскольку И.В.Сталину было крайне необходимо свалить на кого-нибудь ответственность за

провал операции. Особенно она устраивала военных руководителей всех рангов, имевших отношение к подготовке и проведению Любанских боев, т.к. в значительной мере снимала с них вину за огромные жертвы и неудачный исход операции. Данная версия и по сей день встречается в специальных исторических трудах и популярных изданиях. Однако факты доказывают обратное. Власов отнюдь не помышлял в то время о предательстве. Он честно выполнял свой долг, по крайней мере, как умел, но нервное потрясение на пол-дня привело его в состояние протрации. Даже простой перечень лиц, которых он первоначально взял с собою, свидетельствует о его стремлении до последнего момента сохранить управление остатками армии. Но именно теперь управление оказалось полностью утрачено, т.к. немцы ворвались в боевые порядки выходивших из окружения остатков армии, расчленили их и приступили к уничтожению. Отход армии потерял 24 июня организованный характер.

Тем не менее, днем и вечером 24 июня через "Долину смерти" прорвалась основная часть окруженных. Ветеран 92-й дивизии М.Д.Панасюк, выходивший из окружения в ночь на 25 июня, вспоминал: "Вот здесь и начался завершающий этап нашей гибели. Все двинулись в этот коридор, как стадо овец, толпой, без применения самой элементарной тактики. Вот тут-то началась мясорубка, такой я больше не видел до конца войны. Коридор был шириной 100-200 метров, по обе стороны немцы устроили дзоты, закопали танки и вот когда эта толпа зашла в этот коридор, нас начали косить со всех видов оружия как траву, были только слышны стоны раненых, стрельба и все это было покрыто густой пеленой дыма, через который ничего нельзя было увидеть и нечем было дышать /.../ Толпа с каждым шагом начала редеть, мы ползли вперед, а позади оставались трупы убитых и раненые, которым не на что было надеяться. Вот так мы и ползли не знаю, сколько времени, но когда подходили к своим позициям, начинало уже светлеть. Но здесь фашисты устроили такой минометный заградительный огонь, что мы не могли поднять головы. Многие (, которые — Б.Г.) проползли весь этот ад, под конец были убиты или ранены, здесь и мне немного не повезло /.../ Из 19 человек 203-го с.п., выходивших из этого ада, осталось нас двое, и то мой солдат был тяжело ранен, а всего из дивизии вышло из окружения 83 человека".

Ответственный секретарь редакции газеты "Отвага" В.А.Кузнецов приводит в своем дневнике слова одного из бойцов Мясного Бора: "А, ведь, вот не нашлось

таких, которые захотели бы остаться у оккупантов. Все пошли. Я омертвел весь, а шел".

Сама редакция выходила из окружения тоже в ночь на 25-е июня. Перед выходом была уничтожена печатная машина, гранки последнего номера брошены в воронку у болота. В дневнике В.А.Кузнецова мы находим самое подробное описание прорыва, поскольку записи он сделал в тот же день, 25 июня. Вот строки из дневника В.А.Кузнецова: "Три часа утра. Неужели я снова у своих? По мелколесью бредут жиденские группы людей, весь облик которых говорит о том, что они пережили самую трудную ночь в своей жизни /.../

Накануне вечером многотысячная толпа отправилась к проходу, но быстро таяла по пути /.../

Багровый диск луны низко висит над лесом справа, предвещая несчастье. Дым и гарь от разрывов, пар от воронок и туман образовали тяжелую грязную завесу, в которой мы пробирались, утопая в грязи, падая и вновь поднимаясь. Грохот стоял в ушах. Огромные воронки от авиабомб заполнены скрывавшимися от невыносимого огня. Но нельзя прятаться в этих воронках. Они давно пристрелены врагом.

Впереди гремит бой. Надо идти именно туда, где гуще всего кипят разрывы. Они обозначают дорогу, выводящую к своим /.../

А впереди крошечная речка, похожая на дренажный канал (Полисть — Б.Г.). Любой, выживший в эту ночь, запомнит ее навек. Вдоль и поперек секут воздух почти над самой поверхностью воды очереди трассирующих пуль. Вода кипит от минных разрывов /.../ Я сразу погружаюсь до самой шеи: так лучше. Ниже, еще ниже, чтобы эти проклятые огненные трассы прошли над самой головой. На противоположный берег долго не дает выкарабкаться ставшая пудовой шинель.

Долго я шел по огневому полю, почти ничего не разбирая /.../ В одном месте мы очутились возле какого-то странного нагромождения перекрученных металлических полос. Это оказалась наша узкоколейка /.../ Надо ее придерживать. Только нельзя идти по самой узкоколейке — мины не перестают рваться вдоль нее /.../

В половине третьего мы были у своих. Нас встречали незнакомые бойцы, бросались обнимать, молча совали в руки сахар, сухари, масло". Из состава редакции "Отвага" при прорыве погибли 26 чел., 7 чел. прошли коридор смерти, один сотрудник — старший политрук М.М.Залилов (Муса Джалиль) раненым попал

в плен. Он пытался проскочить коридор на редакционной полуторке, для которой еще оставался бензин. Но в 1,5 км от Теремца-Курляндского машину разбило бомбой или снарядом. Еще сравнительно недавно на этом месте можно было видеть у большой воронки пишушие машинки и типографский шрифт. Впрочем, это всего лишь одна из версий, обстоятельства пленения Мусы Джалиля точно не известны, разбитая машина могла принадлежать и другой редакции. Так или иначе, раненый Муса Джалиль был взят в плен примерно здесь.

В 4 часа утра 25 июня вырвался из окружения 1240-й полк 372-й дивизии. Он получил приказ о выходе накануне вечером. В полку насчитывалось около 250 чел. под командованием М.М.Яновского. При прорыве отличился красноармеец А.Беседин. Ему поручили вынести документы полка. Силы у Беседина еще оставались и кроме документов он взял с собой ручной пулемет. Немецкие автоматчики постоянно проникали в коридор и пулемет Беседина прокладывал дорогу ему и товарищам. Вместе с пулеметом он вынес три диска к нему и пистолет.

Несколько позже 1240-го полка 372-й дивизии прорвались воины 176-го стрелкового полка 46-й дивизии, а также командиры и группа бойцов 57-й бригады и 382-й дивизии. Другие бойцы и командиры этих частей прикрывали штаб армии или дрались с врагом на флангах коридора близ реки Глушицы.

Многие воины шли на прорыв, как на подвиг. Политрук Т.В.Безушко из 18-го артполка РКК перед броском через коридор сказал: "Если мы прорвем окружение — жить будем долго. Если погибнем — Родина нас не забудет и запишет наши имена золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны".

Красноармейцы 59-го отдельного саперного батальона бросились на прорыв с криками: "Погибать так героями!".

В огненном коридоре навсегда остались тысячи людей. Со многими смерть была особенно жестока: перед гибелью она еще успевала поиграть своей жертвой, искалечить и изуродовать ее. Ветераны рассказывают, что на одном отрезке коридора сидел под деревом немец с карабином и, выбрав жертву, не торопясь убивал ее: сначала стрелял в ноги, когда человек падал — в руки, потом в голову. Так же методично он приканчивал следующего: в ноги, в руки, в голову... А люди шли и бежали мимо, под пулями и снарядами, не обращая внимания и в отчаянии твердо зная одно — впереди спасение. Прошло много времени, пока, наконец, кто-то из них догадался застрелить садиста.

Многие помнят женщину, которая лежала у дороги с оторванными взрывом ногами. Она просила пробежавших мимо пристрелить ее: "Эх, вы, мужчины! Как спать со мной, так все, а как помочь...". Но оказать ей такую помощь никто не решился.

В.А.Кузнецов записал в дневник рассказ о гибели двух друзей. Он сообщает, что командир 2-го батальона 1265-го полка 382-й стрелковой дивизии лейтенант Пред выходил из окружения вместе с девушкой-военфельдшером Спириной в ночь на 25 июня. От взрыва мины она лишилась ноги, ему оторвало руку и ногу. Юноша и девушка одновременно вынули наган и пистолет. К грохоту боя добавились еще два выстрела.

В ночь на 25 июня продолжались боевые схватки и на флангах коридора. Например, группа бойцов 100-го отдельного зенитного артдивизиона уклонилась в пути вправо и вышла на вражеские окопы. Немцы закричали: "Рус, рус, сдавайся!". Красноармейцы залегли и ответили огнем. Противник оставил окопы и бежал. Наши бойцы, потеряв несколько человек, вернулись на дорогу и выбрались из "Долины смерти".

В те же часы вырвались из окружения остатки 23-й стрелковой бригады.

Одной из последних прошла "Долину смерти" медсанрота 59-й бригады. Комбриг подполковник С.А.Писаренко заранее отправил санроту к Мясному Бору, как только открылся коридор. Медсестра Е.Л.Балакина (Назарова) вспоминает: "Начался выход. Начали падать люди, появились раненые, сначала их несли, но потом мы попали в такое пекло, что трудно описать словами. Все гремело, все пылало, а вокруг свистели трассирующие пули, как маленькие факелы. Казалось, все рушится, конец света /.../ Невозможно было поднять головы; ползли по шею в грязи по-пластунски, а из засады /кустарник слева/ раздавалось хоровое монотонное "рус, сдавайся, рус, сдавайся...". На глазах гибли те, с кем пережили весь ужас окружения. Живые ползли, каждый надеялся выжить, ведь за плечами всего 18-19 лет жизни.

Не могу описывать подробно всего, что пришлось пережить за эту ночь, с 11.00 24 июня до 5.00 25 июня 1942 года, когда мы, наконец, выбившиеся из сил, замученные вконец, выползли к своим /.../ Нас сразу окружили большим вниманием. По всем лесам были устроены прод-пункты, столовые, банно-прачечные отряды, госпитали, на нас смотрели как на выходцев с того света".

В.И.Ремишевский, связист отдельного батальона связи 23-й стрелковой бригады вспоминал: "Нас, рядовых и сержантов всех подразделений бригады собрали в батальон прорыва, командовать которым назначили младшего лейтенанта, фамилию которого не помню. Командирами рот и взводов были назначены сержанты и старшины. Нам была поставлена задача — прорвать оборону противника и закрепиться на флангах для выхода частей бригады и командиров. И вот в 9 часов вечера мы вышли на исходное положение, имея по 10-15 патронов. Двинулись в атаку на прорыв с криками "Ура!". Бежали к обороне противника короткими перебежками. Противник открыл шквальный огонь из пулеметов и автоматов. Перебежками двигаться стало тяжело. Тогда начали продвигаться по-пластунски, поддерживая бодрость один у другого. Несмотря на сплошной огонь, мы выбили противника с его обороны. Он отошел на фланги и вел уже ружейный и артиллерийский огонь. Был сплошной гул. Ничего не было слышно. Мы несли большие потери убитыми и ранеными. Закрепиться на флангах не было сил. И мы группами продвигались вперед. Наша группа была из 4-х человек. В это время мы увидели командира нашего взвода лейтенанта Леуса. Он присоединился к нам и нас стало 5 человек: Ремишевский, Подвигаило, Антоненко, Блоха, Леус. Перейдя узкоколейку, мы увидели много трупов убитых и своих, и немцев. Продвигаясь вперед, нашли мешки с сухарями и консервами. Взяв их, мы сели в большой воронке отдохнуть и подкрепиться, поскольку продуктов у нас не было с месяц и мы питались чем попало. Один другого мы предупреждали, чтобы много не есть, т.к. иначе можно заболеть. За это время нас набралось человек 20. Тогда лейтенант Леус сказал: "Давайте быстрее продвигаться к своим, ибо наступает рассвет". Мы двинулись вперед с правой стороны от узкоколейки так, чтобы было видно ее. Пройдя немного, мы увидели впереди танки. Подойдя ближе, мы узнали, что это наши танки. Они встретили нас, как родных братьев/.../ На питательном пункте мы встретили своего командира батальона связи Прокопенко и комиссара батальона. Нас из батальона связи вышло 15 человек. Комиссар нам сообщил, что знамя бригады вынес начальник секретной части старший лейтенант Смирнов. Отойдя на другой берег Волхова, мы стали на отдых и формирование. Нас из бригады собралось 119 человек"¹⁴³. 2 июля на совещании в штабе армии начальник политотдела бригады Петухов доложил, что всего в бригаде на тот день было 137 чел.*

Вместе с воинами 2-й ударной армии в окружении находились три отряда партизан. 2-й новгородский отряд И.Е.Савельева погиб после яростных боев у деревень Долгово, Оссия, Замошье. Отряд П.П.Носова, прикрывая отход армии, тоже почти весь погиб в Тесово-Нетельском болоте. Только отряд А.И.Сотникова прорвался из окружения и ушел на запад. С июля по декабрь 1942 г. он вел боевые действия между станцией Батецкая и Новгородом, уничтожил пять немецких эшелонов, в семи местах разрушил железнодорожное полотно, истребил до сотни врагов.

Командование фронта во главе с К.А.Мерецковым с нетерпением ждало выхода из окружения штаба 2-й ударной армии. Прорвавшиеся из кольца офицеры сообщили, что видели А.А.Власова со штабом в районе узкоколейки за Глушицей. Туда немедленно направили пять танков с десантом пехоты во главе с адъютантом Мерецкова капитаном М.Г.Бородой, который доказал свою храбрость и находчивость еще на финской войне и в боях под Тихвином. Группа Бороды, потеряв на минах и в бою четыре танка, все-таки дошла до последнего места штаба армии, но там уже никого не было. Весь день радисты вызывали А.А.Власова по радиации и передавали приказ о выходе. Ответ они не получили.

Территория, занимаемая остатками армии, сжалась до предела. Неприятель разрезал ее на две части: у Северной дороги и узкоколейки продолжали сражаться остатки 327-й, 46-й, 382-й, 92-й дивизий, 53-й и 57-й бригад, отдельные бойцы и командиры из других соединений. За Южной дорогой, вдоль которой так и не удалось пробить коридор, продолжали сражаться у Замошья 305-я дивизия, 59-я бригада и отдельные подразделения 19-й гвардейской дивизии. Сюда же, к Замошью, вышли различные подразделения тыловых служб 2-й ударной армии.

У Северной дороги и узкоколейки противник к 25 июня сдавил окруженные войска на пятачке в 1,5-2 км в районе Дровяной Поляны, а также между Полистью и Глушицей. Общего командования не было, однако отдельные подразделения и группы четырех дивизий и двух стрелковых бригад продолжали выполнять свой долг и драться с врагом. Через их боевые порядки еще двигались к коридору выходившие из окружения. Наконец, людской поток почти иссяк, а приказа о выходе арьергарда все не было. Когда пришел приказ К.А.Мерецкова об общем прорыве всей армии, люди поняли, что ждать больше нечего, отдельного приказа для них не будет и все-таки еще целый день они обеспечивали выход армии,

прикрывая коридор с тыла. Наконец, в ночь на 25 июня, как рассказывал бывший врач 1102-го полка 327-й дивизии М.М.Бочаров, "бойцы и командиры нашего полка и других подразделений дивизии стали организовываться в группы для выхода из окружения. Одни предлагали идти лесами, другие — воспользоваться местом прорыва, кто-то собирал группу для прорыва линии обороны немцев. Действительно, был очень небольшой проход по болоту, где невозможно создать сплошную линию обороны. Но этот участок подвергался непрерывному артиллерийскому обстрелу.

Сначала наша группа, - продолжает М.М.Бочаров, - имела не менее сотни людей, но единого командования не было. После обстрела артиллерией из большой группы осталось не более семи-восьми человек. Возглавил нашу небольшую группу хорошо мне знакомый командир батальона 1102-го стрелкового полка Пилипенко. Он сказал, что требует беспрекословного подчинения, кто с этим согласен, тот пойдет с ним. Остались только все с 1102-го полка: Пилипенко, врач Н.Башкирцев, я, старшина Д.В.Шапошников, ординарец из штаба полка со знаменем полка и еще несколько человек, которых я не помню".

Обстоятельства выхода группы Пилипенко описал в воспоминаниях старшина Д.В.Шапошников: "В течение ночи перебежками нам удалось выйти к своим. 22 июня я видел, как солдаты комендантского взвода во главе со старшиной У.Агибаловым сжигали деньги, облигации, документы. В ночь с 24-го на 25-е июня наш отряд, возглавляемый командиром батальона нашего полка Пилипенко, двинулся вдоль узкоколейки по направлению к Мясному Бору. Кругом взрывы, огонь. Немецкие автоматчики стали стрелять по нам трассирующими пулями. То здесь, то там падали наши товарищи. Я шел плечом к плечу с военврачом М.М.Бочаровым. Сначала мы прятались, то за деревья, то за другие предметы, пригибались, а потом поднялись во весь рост и с крепким словцом двинулись прямо навстречу шквалу огня. В нас стреляли и мы стреляли. Дым, грохот, стрельба, стоны раненых, отборная русская ругань, крики на немецком языке, ноги как чугунные, грудь раздирает от нехватки воздуха, пот заливает глаза, лицо, гимнастерка и брюки прилипли к телу, и мысль, похожая на мольбу, — только бы пробиться, только бы пробиться к своим!

Где мы ползли, где бежали и шли, — ничего не помню, но врезался в память комичный случай. Среди этого кромешного ада вижу: сидит наш солдат на

вещмешке и, не обращая внимания ни на что и ни на кого, спокойно жует сухарь. Пристроился ли он к нам или остался навеки в Мясном Бору - не знаю".

Вслед за прорывом группы воинов 1102-го полка на прорыв утром 25 июня двинулись все, кто еще оставался в окружении в районе коридора. В общем потоке людей находился комиссар артбатареи 1102-го полка старший политрук П.В.Рухленко. Он подробно описал эти события, причем его рассказ является единственным свидетельством человека, прошедшего коридор одним из последних. Предоставим ему слово: "Руководства частями и соединениями со стороны командования и военного совета 2-й ударной армии по существу не было. Выход оставшихся войск происходил при руководстве командования частей и подразделений, - сообщает П.В.Рухленко, а в

отдельных случаях это движение на выход через Мясной Бор принимало стихийный характер. Особенно, когда пошла толпа людей, а враг в упор обстреливал продвигающуюся массу бойцов и командиров /.../

Справа от нас находилась другая стрелковая дивизия, которая снималась с занимаемого рубежа и направлялась на выход. Точнее, это были остатки дивизии. При этом подошла и наша очередь. Мы пошли через торфяник и приблизительно через 500 метров вошли с другими подразделениями в мелкий кустарник. В этом кустарнике противник внезапно обстрелял нас минометным огнем /.../ Погиб майор Белов, а его ординарец Деревянко остался жив /.../

В дальнейшем мы вошли уже в коридор, который в длину был свыше 5 км, а по ширине 300-400 метров /.../ Справа и слева поднимались ракеты. Мы считали, что это противник бросает ракеты, а после узнали, что ракеты бросали наши бойцы для обозначения нам направления выхода. На первых шагах нашего движения мы попали в колонну штаба и политотдела соседней дивизии, которая шла от нас слева /.../ То и дело стали попадаться по ходу движения убитые и раненые /.../

Войдя глубже в коридор, мы почувствовали, что противник все больше и больше нагнет — он обстреливал нас с одной стороны из автоматов и пулеметов /.../ Многие из наших людей были убиты или ранены. Со мной близко шли Соболев, мой помощник, фельдшер Сизов и Деревянко, /.../ я ориентировал их на подбитые машины, танки и другие укрытия. Но оказалось, что эти предметы у немцев были пристреляны и они вели по ним слепой огонь и безуспешно, так как находились убитые и раненые. Тогда мы стали при перебежках /.../ укрываться в большие воронки от авиабомб и снарядов, в которых обнаружилась та же обстановка /.../

Нам пришлось делать более краткие перебежки и падать для передышки под незначительные кочки, маленькие воронки от мин и мелких снарядов /.../ Так мы следовали до небольшой речки (Полисти — Б.Г.).

Мы бросились в речку, в которой оказалось воды по пояс, но мокрая одежда стала непосильно тяжелой, надо было вылить воду из сапог, выжать одежду /.../ Вдруг убили моего заместителя Соболева /.../ Мы начали выползать из этой полосы обстрела /.../ У нас нашлись новые попутчики и друзья. Это были страшный политрук Черных — корреспондент из армейской газеты и начальник штаба одной из бригад, которая в окружении под Красной Горкой действовала правее нашей дивизии /.../ Стало полностью светло и видимость мешала нам продвигаться вперед. Немцы меньше стали делать вылазок к нашим колоннам и обстреливать нас в упор, от такого обстрела мы несли большие потери /.../ Прошли еще 700-800 метров по коридору, вдруг с правого фланга артналет... Нас осталось только четверо. Больше с нами пока никого нет, да и после не оказалось /.../ В это время /.../ автоматный и пулеметный огонь противника слабеет и наши люди меньше падают убитыми и ранеными. Но артиллерийский и минометный огонь все осыпает нас, но преимущественно с правого фланга /.../ Вдруг, неожиданно для нас — артналет одной из батарей противника, с того же правого фланга. Один из снарядов угодил в толпу людей, как бы стихийно собравшихся в один поток. С этой колонной шли и мы /.../ Перед глазами у меня облако дыма, пыли и грязи: мгновенно падают люди убитыми и ранеными. Снаряд упал рядом со мной, но впереди /.../ Меня отбросило и оглушило, но я имел возможность выползти из этого кошмара. Повторяю, выползти, а не выйти. Причем мне кто-то помог, но не знаю, кто был этот добрый человек. Много там оказалось убитых и раненых. Это обстоятельство остановило наше и без того слабое движение. Мне постепенно стало понятным, что произошло, и я начал не идти, а ползти вперед, но без помощи наших. По всему можно было понять, что мы прошли коридор. Впереди простор все шире и шире. В это время нам навстречу шли 4 танка Т-34. Это нас ободрило. После нам стало известно, что эти танки были посланы командующим К.А.Мерецковым с его адъютантом, чтобы вывезти из окружения генерала А.А.Власова /.../ 25 июня 1942 года поднималось солнце, как бы ободряя нас и подтверждая право на жизнь. Но со стороны, казалось бы занятой нашими войсками, под углом 35-40 градусов по нашему движению мы увидели большую партию самолетов, идущих на нас. Нам казалось, что это наши самолеты - это

вызвало у нас радость и надежду. Но вскоре мы увидели, что самолеты немецкие, которые обрушили свой бомбовый груз на наши войска. Вскоре появилась вторая группа самолетов /.../ Это была заключительная фашистская симфония для наших войск, выходящих из окружения".

В 9 часов 30 минут 25 июня противник окончательно перекрыл коридор. Остатки войск прикрытия у Северной дороги и узкоколейки враг оттеснил к Дровяному Полю и сдавил смертельной петлей. В 92-й дивизии все полки прижались к командному пункту дивизии и стояли насмерть. Но что это были за полки! В 317-м оставалось 16 чел., в 22-м и 203-м полках — 75 и 100 чел. Они пытались связаться с командованием армии, но на месте штаба уже никого не было, только тыловые службы продолжали готовиться к эвакуации и грузили штабное имущество на вьючных лошадей. По расположению окруженных войск немцы вели интенсивный артогонь. Когда стало ясно, что выход из Мясного Бора опять перекрыт, некоторые бойцы и командиры стали объединяться в группы для самостоятельного выхода из окружения. Причем многие из тех, кто сразу пошел на север, к Мосткам и Спасской Полисти, смогли прорваться к позициям 59-й армии. Но те, кто двинулся в южном направлении, почти все попали в специально устроенные врагом засады в Большом Замошском болоте и оказались в плену.

У Замошья занимала оборону 305-я дивизия. Она входила в состав 52-й армии, но в последние дни ее оперативно подчинили 2-й ударной, поскольку она вместе с нею выходила из окружения. 305-я дивизия имела гораздо большую численность по сравнению с дивизиями и бригадами 2-й ударной армии, т.к. размещалась у основания коридора и, несмотря на бои, довольно регулярно получала пополнения. Даже с питанием и боеприпасами у нее было несколько лучше. Тылы дивизии в прорыв не вводились и оставались за Волховом. В конце мая, когда началась эвакуация ударной армии, командир 305-й дивизии полковник Д.И.Барабанщиков предусмотрительно отправил в тыл свою машину, а также грузовик с архивом секретной части дивизии и запретил обоим шоферам возвращаться. Дивизии предстояло прикрыть отход 2-й ударной армии, после чего последней пройти коридор вслед за 327-й дивизией. В ходе операции по отводу армии 305-я дивизия обеспечивала боевые порядки 2-й ударной со стороны Замошья. Комдив Д.И.Барабанщиков готовился к тяжелым боям, но внезапно в ночь на 22 июня за ним прилетел самолет из штаба фронта. До войны он преподавал в Академии им. Фрунзе и теперь его отзывали на преподавательскую

работу. О новом назначении Барабанщиков еще не знал и, полагая, что приглашен для доклада, взял с собой своего адъютанта лейтенанта А.И.Хоняка. Самолет У-2 прилетел как раз во-время. Оставалось всего несколько часов до захвата врагом последней посадочной площадки у деревни Кречно. Вместо Барабанщикова дивизию принял начальник 1-го отдела и по совместительству и.о. начальника штаба дивизии, бывший начштаба 1002-го полка майор-харьковчанин И.И.Силыч.

24 июня неприятель резко усилил нажим на 305-ю с юго-запада, со стороны Большого Замошья и с севера, со стороны деревни Кречно у реки Кересть. К 14 часам 15 минутам противник овладел высотой 38,3 в 3 км юго-восточнее Кречно. Группы немецких самолетов по 20-30 машин бомбили позиции дивизии и отошедшей сюда 59-й бригады. Дежурный радист 305-й передал в эфир: "Мы окружены, просим помочь огнем. Радио уничтожаем". Штаб 52-й армии вызывал по радио дивизию каждые полчаса, но 305-я не отвечала, она вела тяжелый бой. Немцы бросили против нее 2-ю бригаду СС. 305-я дивизия и 59-я бригада стояли насмерть. В распоряжение 305-й, на ее позиции вышла часть подразделений 19-й гвардейской дивизии. Противник начал сжимать позиции 305-й. К 21 часу 24 июня 305-я дивизия сосредоточилась в 3 км северо-восточнее Малого Замошья, у высоты 40,3, на перекрестке дороги Кречно - Малое Замошье и лесной просеки. Занятая ею территория сократилась до участка 2х2 км. Продовольствия в дивизии не было уже никакого, бойцы ели траву, пили болотную жижу, процеживая сквозь зубы.

25 июня в 5 часов утра радиосвязь с дивизией была восстановлена. В 12 часов 30 минут командование 52-й армии передало 305-й дивизии распоряжение о времени и направлении выхода из окружения, где, якобы, подготовлен коридор. Произведя разведку, офицеры 305-й доложили комдиву, что коридора в указанном направлении нет. Военный совет офицеров 305-й, 19-й гвардейской дивизии и 59-й бригады решил к 20 часам сосредоточиться на северо-западном краю Большого Замошского болота и идти на прорыв в направлении 500 м севернее высоты 43,1, юго-западнее Теремца-Курлядского¹⁵². Радисты 305-й передали решение совета командующему 52-й армией генерал-лейтенанту В.Ф.Яковлеву и попросили помочь огнем. Однако Яковлев приказал выходить в ранее назначенном месте. 305-я дивизия приготовилась к атаке, но противник опередил: около 19 часов он нанес по 305-й сильный удар. Тем не менее, большая группа бойцов и командиров

бросилась на врага, но пробиться не удалось, люди повисли на немецкой колючей проволоке. Пришлось отойти в исходное положение. Радисты снова связались с генералом В.Ф.Яковлевым. Он передал приказ выходить из окружения мелкими группами ввиду невозможности разорвать кольцо. Участник событий старший батальонный комиссар из 59-й бригады И.Х.Венец вспоминал: "А кольцо вокруг нас катастрофически сужалось, уже слышен был лай немецких овчарок в лесу. Нам оставался единственный путь отхода и спасения — это путь через наши зимние минные поля в Большое Замошское болото.

Невозможно забыть, — продолжал И.Х.Венец, — потрясающий подвиг раненых пулеметчиков из 305-й стрелковой дивизии, выставивших свои пулеметы на открытые позиции и прикрывших наш отход в болото. Уйдя быстро через взорвавшееся под нами минное поле в Большое Замошское болото, поросшее густым кустарником, мы еще в течение часа слышали этот неравный затихавший потрясающий бой мужественных воинов, чьи имена так и остались неизвестными. Прикрывая наш отход, они заверили нас, что умрут, но не сдадутся врагу. Все эти герои уже были тяжело ранены: кто без руки, кто без ноги и т.п."

Группа воинов 59-й бригады, в которой находился И.Х.Венец, насчитывала около 20 чел. Они просидели в болоте до наступления ночи, а затем перешли в лес к деревне Большое Замошье. Там на опушке они столкнулись с ротой немцев, которые прочесывали лес. Немцы открыли огонь. В живых остались сам И.Х.Венец, командир 59-й бригады С.А.Писаренко, комиссар штаба бригады Н.Евсюткин, начальник отдела контрразведки Синев, его ординарец, командир взвода охраны штаба бригады, ординарец комбрига Н.Баранов и ординарец Венца боец В.Чупраков. Они ушли от преследования в немецкий тыл. Начались их долгие скитания. Командиры, комиссары и рядовые шли в форме, со всеми знаками различия, комиссары — с красными пятиконечными звездами на левом рукаве гимнастерки. У каждого воина имелись все необходимые документы и оружие. У них было мужество и стойкость, верность присяге и преданность Родине. Не было у них хлеба. Голодные, они прошли более 500 км по немецким тылам и вырвались из окружения у деревни Жуково в полосе Северо-Западного фронта, где сражалась 1-я ударная армия. Говорят, будто имелось негласное распоряжение И.В.Сталина: в виде исключения бойцов и командиров Мясного Бора не подвергать за окружение преследованиям и долгой лагерной проверке. Может быть, Сталин чувствовал свою вину перед ними и хотел таким способом

как-то ее заглядить? Во всяком случае, Венца и его товарищей весьма недолго проверяли в особом отделе 1-й ударной, после чего вернули на Волховский фронт. Там офицеров на месяц поместили во фронтовой дом отдыха в Кулотине, затем распределили по разным частям. И.Х.Венец получил назначение комиссаром в формирующуюся 38-ю отдельную лыжную бригаду.

25 июня, когда группа воинов 59-й бригады двинулась на прорыв, окруженные воины 305-й и 19-й гвардейской дивизий продолжали отбивать вражеские атаки. Некоторые красноармейцы и командиры, уже испытавшие окружения 1941 г., выступали с призывами создать партизанские отряды. Измученные люди держались стойко.

25 июня пошли в смертный бой 18 последних бойцов из артдивизиона 305-й дивизии. Шестеро из них вышли к своим.

Утром 27 июня двинулись на прорыв воины 1002-го стрелкового полка и 830-го арtpолка. Вместе с ними сделал попытку прорваться персонал 293-го медсанбата 305-й дивизии. Боеприпасов было очень мало и когда выходившая группа встретилась с немцами, командиры и бойцы посоветовали женщинам-врачам сдаться в плен, так как защитить их нечем, а напрасно погибать бессмысленно. Понури́в головы, плача, женщины двинулись навстречу немцам, а мужчины бросились в болото, отстреливаясь последними патронами. По горло в воде, держась за руки, шли они под пулями через трясину. Вышло всего несколько человек, в том числе командир радиовзвода 305-й дивизии Н.А.Варганов.

Одновременно в разных направлениях двинулись на прорыв другие группы. В одной из них находился капитан М.Т.Нарейкин, комбат из 1002-го полка. За время боев у Малого Замошья зимой-весной 1942 г. Нарейкин был четырежды ранен. Вот как запомнился ему выход из окружения: "Мне иногда приходилось ходить не по земле, а по трупам. Невозможно забыть это безумие! /.../ Бесконечные трупы, облепленные мухами, а среди них ползут живые". Вышли немногие. Большинство погибло. На глазах Нарейкина убили командира 1002-го полка А. Смирнова.

В этот день, 27 июня, генерал Ф.Гальдер записал в "Дневнике": В волховском котле только слабое сопротивление на отдельных участках".

14 июля на позиции 165-й стрелковой дивизии вышли из окружения старшина и два бойца из 305-й дивизии. 15 июля в полосе 59-й армии выбрался из кольца командир 5-й батареи 830-го арtpолка А.С.Добров. Он был одним из тех, кому удалось пройти 26 июня через Большое Замошское болото. Сначала Добров

двинулся к немцам в тыл, а уж там встретил партизан, которые сами готовились к прорыву. Вместе с ними он и перешел линию фронта под Спасской Полистью.

Подразделения 19-й гвардейской дивизии, отступившие к Замощью, пробились в немецкий тыл и после мучительных странствий все-таки вырвались из объятий смерти.

В августе 1942 г. в полосе 27-й армии Северо-Западного фронта под Старой Руссой вышла из окружения группа бойцов и штаб 267-й стрелковой дивизии во главе с комдивом полковником П.А.Потаповым. Они вынесли знамена и документы дивизии и полков. После короткой проверки и отдыха бойцов направили в разные части, а полковник Потапов принял командование 189-й стрелковой дивизией. Погиб он 24 августа 1944 г. в Эстонии у г.Эльва в звании генерал-майора.

В документах и материалах нет сведений о том, чтобы кто-нибудь специально остался в окружении. Выйти хотели все, другое дело, что не всем это удалось. Но каждый, кто вошел в огневой коридор, доказал тем самым свою верность Родине. Известен случай, когда раненые одного из медсанбатов добровольно пошли на минное поле — проложить дорогу еще способным драться товарищам. Факт, уникальный за всю историю войн¹⁶⁰. В "Дневнике хирурга" А.А.Вишневого отмечен подвиг пожилого солдата, который один вынес через коридор ротный миномет, ручной пулемет и свой карабин. До последнего момента продолжали выходить и местные жители. Так, вышел мальчик лет 13-ти и вынес на своей спине 3-летнюю сестренку.

26 июня А.А.Вишневецкий записал в "Дневнике": "К нам пришел новый авиаполк. Летчики дерутся смело. Утром мы видели, как наши штурмовики бомбили немцев. Все время наблюдаем воздушные бои". Говорят, история не терпит сослагательного наклонения. Но если бы новый авиаполк прибыл на несколько дней раньше, сколько наших людей могло остаться в живых?!

Рано утром 27 июня командование Волховского фронта сделало последнюю попытку разорвать смертельное кольцо. К Мясному Бору стянули всю артиллерию. Для срочной помощи выходившим из окружения приготовили 50 санитарных машин. Попытка прорыва не увенчалась успехом.

В ночь на 28 июня из Мясного Бора самостоятельно вышли еще 6 воинов 2-й ударной армии, трое из них имели ранения. Больше через коридор не вышел ни один человек. Все, кто прорвался из окружения после 28 июня, выходили в других местах.

29 июня 1942 г., на 373-й день войны, генерал-полковник Ф.Гальдер сделал последнюю запись о боях в Мясном Бору: "На фронте группы армий "Север" волховскую группировку противника можно рассматривать как окончательно ликвидированную". Линия фронта в районе коридора стабилизировалась на полтора года, боевые позиции прикрывала густая колючая проволока и минные поля.

Проходят годы, гати душу жмут, В "катушах" проросли березы, А этот лес скелеты стерегут, На кости желтые роняет осень слезы... С.С.Гагарин. "Мясной Бор"

Глава V. СУДЬБА И ПАМЯТЬ

Противник закрыл коридор, но бои в Мясном Бору продолжались. В июле — августе одиночки и мелкие группы окруженных несколько раз преодолевали немецкие позиции севернее бывшего коридора, у Мостков и Спасской Полисти. Отдельные отряды уходили по лесам и болотам в глубокий немецкий тыл, держались там до ноября и прорывались из окружения в полосе Северо-Западного фронта под Старой Руссой.

25 июня, когда попытка выхода из окружения не удалась, группа во главе с командармом вернулась на командный пункт 382-й дивизии. На совещании было решено отойти в тыл противника и преодолеть линию фронта в другом месте. К группе командарма из 45 чел. присоединились еще 40 чел. во главе с командиром 46-й дивизии полковником Ф.Е.Черным. А.А.Власов по-прежнему находился в шоковом состоянии и общее командование принял на себя начальник штаба армии полковник П.С.Виноградов, комиссаром отряда стал начальник связи армии генерал-майор войск связи А.В.Афанасьев. Составили список отряда и разделили людей на подразделения охраны, разведки и истребителей. Отряд двинулся на север параллельно шоссе и линии фронта. У болота Большой Апрельевский Мох отряд встретил три группы красноармейцев во главе с командиром 92-й дивизии полковником А.Н.Ларичевым. Он отказался присоединиться к отряду Власова, полагая, вероятно, что в меньшем составе будет легче пробраться через линию фронта. Но дойти до своих отряд Ларичева не смог. Враг зажал его в кольцо и полковник Ларичев с перебитыми ногами до последней минуты стрелял из пулемета по наседавшим немцам. Он погиб вместе со своими людьми. Несколько человек оказалось в плену. Спасся только один — начальник финансовой части

92-й дивизии подполковник Баимбетов. Весь израненный, с перебитой челюстью, он прополз по болоту 11 км и добрался до позиций 59-й армии.

Отряд А.А.Власова, следуя на север, перешел болото Протнино и там опять встретил группу Ф.Е.Черного. Оказалось, что группа наскочила на минное поле и теперь повернула на северо-восток. Эта встреча спасла отряд Власова от возможной гибели на минах. Группе полковника Черного не суждено было прорваться. Почти вся она во главе с командиром погибла в бою севернее узкоколейки. В том же районе погиб командир 19-й гвардейской дивизии генерал-майор С.И.Буланов. Утром 25 июня, когда враг разрезал окруженную группировку на две части, 19-я гвардейская оказалась разделена пополам и одна ее часть перешла на позиции 305-й дивизии, а другая двинулась на север, к коридору, но прохода там уже не было. Комдив С.И.Буланов повел гвардейцев на прорыв в районе Лесопункта и принял неравный бой. После гибели командира остатки дивизии отошли в тыл противника и все-таки вырвались из окружения в середине августа у деревни Мостки. Вместе с ними вышел корреспондент "Отваги" и "Красной Звезды" писатель К.А.Токарев.

Отрядом Власова продолжал командовать полковник П.С.Виноградов. Он решил отойти на юг, к сараям южнее отметки 31,8 напротив школы в деревне Мостки, и оттуда выслать разведку. Разведчики ушли и не вернулись. Тогда утром 26 июня отряд снова направился на север, рассчитывая перейти реку Кересь у Ольховских хуторов. Вдоль реки немцы расставили пикеты, которые ловили отходивших в тыл врага красноармейцев. Отряду Власова повезло — он благополучно миновал пикеты и форсировал Кересь, воспользовавшись устроенной кем-то подвесной переправой из сплетенных плащ-палаток. От Керести отряд начал пробираться к селу Вдицко. Там предполагалось напасть на немецкую машину с продуктами, чтобы сделать необходимый запас, так как трава и вареные без соли грибы сил не прибавляли. За продуктами отправились 15 чел. из подразделения истребителей во главе с комиссаром штаба армии Свиридовым. При подходе к селу они попали под огонь немецкого дзота. В бою истребители захватили дзот, убив 12 немцев и сами потеряв одного бойца. Комиссара Свиридова ранило в грудь навывлет. Выстрелы, несомненно, привлекли внимание противника, поэтому группа Власова решила отойти к деревне Шелковке, севернее Огорелей, на одно из последних мест командного пункта армии. Отряд расположился в старых блиндажах и ночью послал людей в деревню за

продуктами. Но провизию достать не удалось, один разведчик погиб. Потери со стороны противника составили два полица. Военный совет офицеров отряда постановил идти дальше на запад за железную дорогу Батецкая - Ленинград, к деревне Поддубье. В ночь на 11-е июля отряд скрытно перешел дорогу, уже перешитую врагом на европейскую колею, и, не доходя до Поддубья 2 км, остановился на отдых. Здесь полковник П.С.Виноградов предложил разделиться на мелкие группы, которые должны дальше двигаться в разных направлениях самостоятельно. Генерал-майор А.В.Афанасьев выступил против такого плана. Он предложил всем вместе дойти до реки Оредеж и озера Черное на границе Псковских и Новгородских земель, где устроить лагерь. Там можно подкормиться рыбой и заняться поиском партизан. Предложение А.В.Афанасьева, к сожалению, не было принято, с ним ушли всего четыре человека⁴. 13 июля группа Афанасьева встретила в лесу у деревни Остров лужских партизан отряда И.Д.Дмитриева, которые остались без радиста и поэтому разыскивали соседний оредежский отряд. В тот же день лужане и группа Афанасьева повстречали разведчиков оредежского отряда Ф.И.Сазанова. Последний немедленно радировал в Ленинградский штаб партизанского движения о встрече с лужанами и Афанасьевым и сообщил, что остальные члены командования армии находятся где-то неподалеку. Ленинградский штаб партизанского движения передал сообщение в Ставку, откуда потребовали принять срочные меры для поиска и эвакуации за линию фронта военного совета 2-й ударной армии. Вскоре у деревни Жилое Рыдно, недалеко от бывшего рубежа 23-й бригады, сел самолет и генерал-майор А.В.Афанасьев улетел в советский тыл.

А тем временем оредежские партизаны прочесывали окрестные леса в поисках командования армии. Кроме оредежцев еще три партизанских отряда искали генерала Власова и других командиров. В августе 1942 г. по личному указанию секретаря ЦК ВКП(б), секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Жданова в тыл врага сбросили с воздуха батальон партизан-парашютистов под командованием Д.Ф.Косицына. Батальон формировался из студентов и преподавателей ленинградского Института физической культуры имени П.Ф.Лесгафта и имел специальное задание — найти генерала Власова. Лесгафтовцев сбросили в Оредежском, Лужском и Красногвардейском районах. Некоторые десантники, в том числе командир батальона, попали при приземлении в немецкие засады и погибли. Но другие, выполняя задачу, вели поиск

самостоятельно в течение длительного времени. Можно только догадываться, какие приключения они испытали и какие трагедии при этом происходили. Обидно, что усилия их были напрасны, а поставленная задача заведомо невыполнима, т.к. советское командование уже знало о судьбе генерала Власова и почти всех членов военного совета. Десантирование батальона изменить ничего не могло и проводилось, вероятно, для отчета перед Ставкой о "принятых мерах". На лишние жертвы при сталинской системе внимания старались не обращать, они являлись одним из условий ее существования.

Отряд командарма разделился у деревни Поддубье на мелкие группы. Власов взял с собой солдата Котова, штабного шофера Погибко и женщину, медсестру и шеф-повара столовой военного совета армии М.И.Воронову. Солдат, шофер и повар (она же медсестра) — состав группы подобран предусмотрительно, на все случаи жизни. Но путь этой группы оказался недолгим. На следующий день, 12 июля она встретила в лесу немцев. Котова в бою ранили, группа ушла от врага в болото и перейдя его, оказалась у двух деревень. Котов и Погибко направились в одну деревню, а Власов и Воронова в другую, она называлась Пятница. Дальнейшая судьба Котова и Погибко не известна. Власов и Воронова, войдя в деревню, заявили, что они беженцы и попросили поесть. Но "местный отряд самообороны" (полицаи) принял их за партизан, арестовал и запер в амбаре. Напрасно Власов объяснял, что он не партизан, а учитель-беженец. Полицаи его не слушали.

Утром 13 июля староста деревни пригласил немецкий патруль во главе с обер-лейтенантом. Немцы давно искали генерала Власова и каждый патруль был снабжен его фотографией. В немецкой книге "Битва за Ленинград", изданной в Риге в 1944 г. штабом 18-й армии вермахта, обстоятельства пленения Власова описаны следующим образом: "Обер-лейтенант отправился с автоматом к сараю. Когда дверь открылась, переводчик окликнул находящихся в нем. Все с напряжением смотрели в открытую дверь, в которой появился большевистский солдат, одетый в длинную характерную блузу. На обветренном лице, изогнутом носе блестели большие роговые очки. "Возможно ли это? — подумал обер-лейтенант. — Судя по фотографии, это же разыскиваемый командующий большевистской армии!". Обер-лейтенант еще внимательнее посмотрел на фигуру, которая начала говорить и на ломаном немецком языке выдавила слова: "Не стрелять, я генерал Власов". Одновременно он вынул бумажник со своими документами и передал немецкому офицеру".

14 июля берлинское радио сообщило: "Во время очистки недавнего волховского кольца обнаружен в своем убежище и взят в плен командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов".

15 июля Власова и Воронову доставили на автомобиле в поселок Сиверская в штаб группы армий "Север" для допроса. С Вороновой немцы разобрались быстро. Ее поместили в лагерь в Малой Выре, а затем перевели к Власову в Берлин. После войны она вернулась в СССР, жила в Барановичах, потом в Бресте.

Власов мог как и другие попавшие в плен советские генералы, например, Д.М.Карбышев, М.Ф.Лукин, П.Г.Понеделин, М.Г.Снегов отказаться сотрудничать с немцами и провести остаток войны в концлагере, но он выбрал иной путь: Власов изменил Родине. Предательство Власова началось 15 июля 1942 г., когда он сообщил в штабе группы армий "Север", что советские войска под Ленинградом едва удерживают линию фронта и не располагают силами для нового наступления. Заявление Власова укрепило намерения германского генштаба перебросить войска из-под Ленинграда на новое стратегическое направление — в донские степи, под Сталинград.

Власова после допроса отправили в лагерь военнопленных в Летцене, а оттуда перевели в лагерь для полковников и генералов в Виннице. Там вместе с бывшим командиром 41-й дивизии Юго-Западного фронта полковником В.Г.Баерским (Боярским) Власов подготовил 3 августа 1942 г. так называемый "Меморандум", в котором предлагалось создать центр по формированию вооруженных частей из советских военнопленных для борьбы с большевизмом. 10 августа после беседы с бывшим советником германского посольства в Москве Хильгером Власова отправили в Берлин в лагерь при отделе пропаганды вермахта. 10 сентября Власов подписал составленную отделом пропаганды листовку с призывом к красноармейцам переходить на сторону германских войск. В благодарность германское командование предоставило Власову особняк по адресу Викториаштрассе, 10.

В декабре 1942 г. Власову устроили встречу с пленными советскими генералами И.М.Антюфеевым, И.Н.Добросердовым, Д.М.Карбышевым, Н.И.Кирилловым, М.Ф.Лукиным, П.Г.Понеделиным, М.П.Потаповым и другими. Присутствовала также группа пленных полковников. На встрече бывший командующий 12-й армией генерал П.Г.Понеделин ответил плевком на предложение Власова сотрудничать с

немцами. Все собравшиеся, кроме нескольких человек, отказались воевать против своего народа.

Сторонники Власова собрались в Праге, но их оказалось слишком мало. Лишь два года спустя, 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось первое заседание "Комитета освобождения народов России" (КОНР) под председательством Власова. Комитету предстояло объединить все антисоветские и антибольшевистские организации для борьбы с коммунизмом в России. Одновременно Власов предложил имперскому министру внутренних дел и командующему резервной армией Г.Гиммлеру начать формирование 10-ти дивизий из советских военнопленных. Гиммлер счел такую задачу нереальной и предложил Власову остановиться на пяти дивизиях. Так началось создание Русской освободительной народной армии (РОНА, РОА). Но кроме двух дивизий, да еще нескольких батальонов, ничего сформировать не удалось, изменить Родине согласились немногие. Личный состав для 1-й дивизии РОНА немцы брали из уже созданной ими без участия Власова 29-й "русской" дивизии СС и "русских" батальонов СС. Новое формирование стало называться "600-я "русская" пехотная дивизия". Почти одновременно формировалась 2-я дивизия РОА ("700-я "русская" пехотная дивизия"). В нее вошли прежде созданные "русские" и "украинские" батальоны. Полки дивизий немцы избегали держать на фронте как небоеспособные, но отдельные подразделения использовались ими весьма активно и на фронте у наших солдат разговор с "власовцами" был коротким — расстрел на месте. Противник обычно использовал власовцев против партизан или в качестве карателей в Западной Европе. Но и против партизан они действовали неохотно и целыми ротами переходили на их сторону. Причем многие вступали в РОА только чтобы получить оружие, попасть на фронт и при первой возможности вернуться в строй защитников Родины. Известный германский историк К.Типпельскирх отмечал в "Истории Второй мировой войны", что "власовская армия", несмотря на ее большую численность, была мертворожденным плодом". Идея Власова развязать в условиях Отечественной войны гражданскую войну против сталинского режима провалилась. Немцы не верили в эту затею с самого начала и соответственно относились к Власову — самостоятельной роли в политике он никогда не играл, превратившись в немецкую марионетку. Показателен следующий случай. В мае 1943 г. Власов посетил группу армий "Север". На банкете в штабе Власов заявил, что для взятия Ленинграда ему достаточно двух ударных дивизий из российских

военнопленных и пригласил немецких офицеров на обед после взятия города. Балтийский флот и Кронштадт, сказал Власов, присоединиться к нему без выстрела. Выступление Власова Гитлер воспринял как личную обиду. Ведь немецкая армия два года не может взять Ленинград, а тут какой-то пленный генерал подрывает авторитет вермахта и самого фюрера. После этого Власова на некоторое время отстранили от политической деятельности, а "восточные батальоны" из русских пленных отправили на запад.

Помимо непосредственного участия в боевых действиях германское командование привлекало власовцев для агентурно-разведывательной деятельности в СССР. Вот что пишет о Власове и власовцах видный руководитель немецкой разведки во время войны бригаденфюрер СС и дипломат в ранге посланника В.Шелленберг: "Большую помощь оказала нам (разведке - Б.Г.) армия Власова, поставившая своей целью освобождение России от советского режима. С генералом Власовым и его штабом мы заключили особые соглашения, предоставив ему даже право создать в России свою собственную разведывательную службу. Мы хотели лишь иметь возможность пользоваться добываемыми ею сведениями. Русские, служившие у Власова, относились к своим обязанностям с особым энтузиазмом, так как, видимо, ощущали, что работают на самих себя, ради своих идеалов. К сожалению, Гитлер и Гиммлер слишком поздно признали Власова, когда Германия уже стояла на пороге катастрофы. Отказ от использования услуг Власова в первое время после его перехода на нашу сторону, с одной стороны, был продиктован принципиальным убеждением в том, что нельзя предоставлять право самоуправления даже самым мелким русским политическим объединениям, а с другой, опасением, что Власов, выступая в роли военного союзника Германии, выдвинет далеко идущие политические требования. Эти соображения подкреплялись непреодолимым недоверием к русским: высшее немецкое руководство опасалось, что генерал Власов ведет двойную игру — стоит ему только со своей армией очутиться на фронте, как он на каком-нибудь важном участке, на стыке германских частей, откроет путь советскому наступлению. Последний аргумент, разумеется, был в отношении Власова лишен всяких оснований. Кроме того, в случае необходимости можно было использовать его армию так, чтобы она находилась под контролем немецких войск, ее соседа справа и слева. И здесь началась обычная неразбериха с субординацией, над которой даже Власов стал в конце концов смеяться. То за генерала отвечало

командование сухопутных войск, потом его передали в ведение "восточного министерства" Розенберга, то на роль руководителя претендовал Гиммлер, ну и, конечно, не мог оставаться в стороне министр иностранных дел Риббентроп".

Формирование дивизий РОНА шло медленно, добровольцев было мало. 1-ю дивизию РОНА немцы отправили на фронт только в апреле 1945 г. Дивизией командовал С.К.Буняченко, бывший полковник и командир 389-й дивизии РККА, произведенный немцами в генерал-майоры. 14 апреля после сильной артподготовки два полка дивизии начали наступление под Фюрстенвальде против советских войск. Но уже через два часа боя власовские полки побежали назад. С.К.Буняченко пришлось отвести власовцев под защиту оборонительных рубежей Берлина.

Власов и его сторонники начали понимать, что народы России никогда не поддержат политическое выступление, тем более вооруженное, если оно связано с прямым иностранным вторжением. Оставалось рассчитывать на раскол антигитлеровской коалиции после разгрома Германии. Власовцы стали ждать прихода американцев, полагая с их помощью начать гражданскую войну в СССР для свержения сталинской диктатуры. Условия общественного развития СССР в середине 1940-х гг. не позволяли надеяться на успех переворота даже с помощью американцев, но раз вступив на этот путь, верхушка власовцев не видела иного выхода. Власов забыл о своих проклятиях капитализму и попробовал войти в контакт с союзниками через нейтральные страны, но никто не хотел иметь с ним дело и портить отношения с СССР. Тогда он решил действовать напрямую и послал к союзникам генерал-майора В.Ф.Малышкина, бывшего начальника штаба 19-й армии, попавшего в плен в 1941 г. Малышкин встретился с американским генералом Пэтчем и долго убеждал его, что РОНА воюет только против большевиков. Но Пэтч спросил Малышкина, почему же в таком случае власовцы сражались с союзниками на Атлантическом побережье и отклонил просьбу Власова о политическом убежище. Тем временем С.К.Буняченко перестал подчиняться немцам и повел 1-ю дивизию РОНА в Альпы. Дивизия находилась недалеко от Праги, когда там 5 мая вспыхнуло восстание. Буняченко по радио установил связь с восставшими и чехи направили к нему своего офицера. Генерал Власов находился в дивизии — немцы прислали его навести порядок и вернуть дивизию в состав вермахта. Буняченко просил у него указаний, но Власов запил и приказы отдавать перестал. Командиры полков собрали совещание и решили

помочь Праге и тем самым реабилитировать себя перед американцами, а затем просить у них политического убежища. 6 и 7 мая дивизия вела в Праге бои, захватила ключевые пункты, в том числе аэродром Рузине, и не дала немцам разрушить город. Буняченко предъявил правителю Чехии и Моравии Г.Франку ультиматум о капитуляции частей вермахта. Но внезапно власовцы узнали, что к Праге идут не американские, а советские войска. Полки Буняченко покинули Прагу и двинулись в горы. 9 мая советские войска освободили Прагу вторично, 12 мая настигли уходивших власовцев и арестовали самого Власова¹². 15 мая его доставили в Москву во внутреннюю тюрьму МГБ. Первый его допрос продолжался с 16 по 25 мая с перерывами на еду и сон. Вместе с ним допрашивали 11 его сообщников, захваченных в разное время советскими войсками или переданных СССР американцами. 23 июля 1946 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривалась организация судебного процесса. Политбюро постановило:

"1. Судить Военный коллегией Верховного суда СССР руководителей созданного немцами "Комитета освобождения народов России" Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова и других активных власовцев в количестве 12 человек.

2. Дело власовцев заслушать в закрытом судебном заседании под председательством генерал-полковника юстиции Ульриха, без участия сторон (прокурора и адвоката).

3. Всех обвиняемых в соответствии с пунктом 1-м Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать.

По окончании процесса опубликовать в газетах в разделе "Хроника" сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Судебный процесс начать во вторник 30 июля с.г."

В соответствии с решением Политбюро судебный приговор приготовили заранее, за три дня до суда, 27 июля 1946 г. Тем самым процессуальные нормы оказались нарушены, однако сталинская юстиция не усмотрела в этом ничего необычного. И хотя в данном случае судьба подсудимых ни у кого не вызывала сомнений, все же "закон есть закон" и соблюдение его процедуры обязательно для всех ветвей власти.

Заседание суда открылось 30 июля 1946 г. в 12 часов 5 минут. Во время суда все подсудимые выразили раскаяние. Но только трое, в том числе Власов, не стали просить о смягчении приговора. Подсудимый Власов заявил: "Содеянные мною преступления велики, и я ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, правда поздно, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару".

В ночь на 2 августа 1946 г., в 2 часа 24 минуты закончилось оглашение приговора. Все подсудимые приговаривались к смертной казни через повешение¹³. Когда рассвело, приговор привели в исполнение во дворе тюрьмы. Утром 2 августа об этом сообщили советские газеты.

Предатели получили по заслугам. Но какая причина заставила их изменить Родине? Из опубликованных недавно материалов следует, что никто из них, в том числе Власов, не стремился сам сдаться в плен. Конечно, в ближайшем окружении Власова встречались люди, добровольно перешедшие к немцам на поле боя. Но те, кто проходил с ним по одному делу, изменили Родине не в открытом бою, не по злему умыслу, а уже находясь в плену. Они согласились на предложения врага исключительно по малодушию, из шкурных интересов. Относительно самого Власова точнее всех, пожалуй, сказал И.Г.Эренбург. Он пишет: "Конечно, чужая душа потемки; все же я осмелюсь изложить мои догадки. Власов не Брут и не князь Курбский, мне кажется, все было гораздо проще. Власов хотел выполнить порученное ему задание; он знал, что его снова поздравит Сталин, он получит еще один орден, возвысится, поразит всех своим искусством перебивать цитаты из Маркса суворовскими прибаутками. Вышло иначе: немцы были сильнее, армия снова попала в окружение. Власов, желая спастись, переделся. Увидев немцев, он испугался: простого солдата могли прикончить на месте. Оказавшись в плену, он начал думать, что ему делать. Он хорошо знал политграмоту, восхищался Сталиным, но убеждений у него — не было честолюбие. Он понимал, что его военная карьера кончена. Если победит Советский Союз, его в лучшем случае разжалуют. Значит, остается одно: принять предложение немцев и сделать все, чтобы победила Германия. Тогда он будет главнокомандующим или военным министром обкорнанной России под покровительством победившего Гитлера. Разумеется, Власов никогда никому так не говорил, он заявлял по радио, что давно возненавидел советский строй, что он жаждет "освободить Россию от

большевиков", но ведь он сам привел мне пословицу: "У всякого Федорки свои отговорки"/.../ Плохие люди есть повсюду, это не зависит ни от политического строя, ни от воспитания".

В изданном немцами в марте 1943 г. открытом письме "Почему я встал на путь борьбы с большевизмом" Власов обличал диктатуру Сталина и массовые репрессии, призывал к уничтожению большевизма и созданию новой России без большевиков и капиталистов, по примеру Германии. При этом он заявил, что идея борьбы с большевизмом зародилась у него в окружении, когда Сталин бросил армию на верную гибель. Но факты свидетельствуют обратное: в окружении Власов не собирался сдаваться в плен и поэтому его обращение есть политический трюк, желание выслужиться перед новыми хозяевами. Хотя в огненном кольце его наверняка посещали мысли об армии, принесенной в жертву. Это вообще первое, что приходит в голову, когда знакомишься с эпопеей Мясного Бора. Версия И.Г.Эренбурга о причинах измены генерала Власова получает дополнительное подтверждение, когда мы узнаем о результатах обыска Власова при его аресте в 1945 г.: при нем обнаружили, кроме 30 тыс. рейхсмарок и удостоверения к немецкой медали, расчетную книжку начальствующего состава РККА, удостоверение генерала РККА № 431 и билет члена ВКП(б) № 212399815. В Мясном Бору он хранил их до последнего момента, надеясь выйти из окружения. Иначе для плена хватило бы одного удостоверения генерала, зачем лишний раз раздражать немцев партбилетом? Но с какой целью он берег советские документы в плену — может быть, на память? Да нет. Скорее всего, он надеялся с их помощью опять выбраться из окружения, на этот раз, советского, и уйти к американцам. Однако если б побег и удался, вряд-ли американцы стали бы в то время иметь с ним дело. Уж слишком одиозной фигурой являлся генерал Власов. Имя Власова в нашей истории не только синоним предательства. К сожалению, оно связано со всей 2-й ударной армией. И ныне еще приходится слышать, что "Власов сдал армию немцам". До этих нелепых, обидных слухов не опускалась даже гитлеровская пропаганда. Официальная советская пропаганда тоже никогда не называла 2-ю ударную "власовской армией". Наоборот, сразу после войны публиковались рассказы о героизме воинов 2-й ударной армии. Например, были изданы рассказы К.А.Токарева "Снежная кавалерия" в сборнике "Идущие впереди: Очерки о коммунистах и комсомольцах" (М., 1949) и "Белые призраки" в сборнике "За Родину! За Сталина! Комсомольцы и молодежь вооруженных сил

Союза ССР в Великой Отечественной войне: Литературно-художественный и документальный сборник 1941—1942 гг." (М., 1951). В 1978 г. даже вышла трилогия ветерана 2-й ударной армии писателя С.А.Крутилина, посвященная Любанской операции: "Лейтенант Артюхов", "Апраксин Бор", "Окружение". Автор изобразил события в целом верно, хотя, конечно, сказать всю правду в то время он не мог.

С другой стороны, до начала 1980-х гг. советская пропаганда ничего не сделала для прекращения несправедливых слухов о 2-й ударной как о "власовской армии". Моральные страдания ветеранов были ей безразличны. А между тем, миф пустил столь глубокие корни, что отдельные советские писатели стали выдавать его за исторический факт. Как, например, О.Смирнов в романе "Эшелоны". Роман напечатал в 1971 г. в № 2 журнал "Новый мир". В результате даже многие ветераны, воевавшие во 2-й ударной после Мясного Бора, стали решительно отказываться от товарищей по оружию из первых формирований армии. Ветеран 46-й дивизии С.Сковородин с горечью пишет о том, как на встречах ветеранов дивизии находились люди, которые доказывали, что "до Победы в 1945 году дошла не та дивизия и не та 2-я ударная, что воевали под Мясным Бором. Тогда откуда, — спрашивает он, — у них были наши знамена, обгаренные кровью в январе — июне 1942 года? Если все сдались, кто вынес эти знамена из кольца?". Да, врагу не досталось ни одного знамени. Те, что не смогли вынести — закопали. До сих пор лежит у Малого Замошья сейф со знаменем 1002-го стрелкового полка 305-й дивизии. Его искали несколько лет, но только недавно стало известно точное место. Еще один сейф со знаменем закопан вместе с инструментами полкового оркестра на одной из высоток в долине реки Кереть и еще один — у последнего места штаба 2-й ударной армии.

28 июня 1942 г. немцы сообщили, что западнее Волхова окружили и уничтожили 2-ю ударную, 52-ю и 59-ю армии, захватив в плен за время операции почти 30 тысяч человек. На следующий день последовало опровержение Совинформбюро, которое заявило, что 2-я ударная армия вышла из окружения, 52-я и 59-я армии в прорыв не вводились и окружены не были, а наши потери составили 10 тыс. убитыми и 10 тыс. пропавшими без вести. Сообщение Совинформбюро содержало не всю правду - 2-я ударная армия, действительно, вышла из окружения. Однако потери были гораздо большими. На самом деле в Любанской операции и при выводе из окружения 2-й ударной армии погибло около 150 тыс. чел. Так, 305-я

дивизия 52-й армии за время операции трижды обновляла свой состав. В 59-й армии 376-я дивизия пополнялась четыре раза: в феврале, дважды в марте и в апреле. Только ее 1248-й полк получил 3947 чел. пополнения, которые почти все остались в Мясном Бору. Общие потери 376-й дивизии можно представить, сопоставив изменения в численности ее личного состава за январь-июнь 1942 г.:

1 января в дивизии числилось 10530 чел.

1 февраля 3190 чел.

1 марта 3310 чел.

1 апреля 3960 чел.

1 мая 6968 чел.

1 июня 4580 чел.

При этом еще следует учитывать, что в конце каждого месяца перед получением пополнения численность личного состава 376-й дивизии не превышала полка, а то и батальона. Например, после мартовских боев в ее полках оставалось по 150-200 чел. и это в условиях, когда прибывшие пополнения сразу вводились в бой¹⁷. Численность личного состава соединений 2-й ударной армии на 1 июня 1942 г. представлена в нижеследующей таблице, взятой из справки Особого отдела НКВД Волховского фронта "О положении войск и вооружении 2-й Ударной армии с момента окружения ее противником":

Соединения армии	Нач. состав	Мл. нач. состав	Рядовой состав
22-я стрелковая бригада	307	266	806
23-я стрелковая бригада	367	367	1280
25-я стрелковая бригада	328	295	838
53-я стрелковая бригада	338	282	1011
57-я стрелковая бригада	332	298	1326
59-я стрелковая бригада	327	329	821
19-я гв. стрелк. дивизия	691	542	2047
46-я стрелковая дивизия	552	424	1454
92-я стрелковая дивизия	724	863	2498
259-я стрелковая дивизия	755	825	3813

267-я стрелковая дивизия	964	773	2687
327-я стрелковая дивизия	587	642	2136
382-я стрелковая дивизия	507	454	1473

Там же приведены сведения по 305 стр.дивизии, входившей в 52-ю армию, но находившейся в окружении вместе со 2-й ударной армией

305-я стрелковая дивизия	860	753	3208
Итого без 305-й дивизии	6777	6369	22190
Итого вместе с 305-й сд	7637	7122	25398

Таким образом, на 1 июня 1942 г. бригады и дивизии 2-й ударной армии не превышали по своей численности обыкновенного стрелкового полка, т.е. несмотря на маршевые пополнения зимой и весной 1942 г., восполнить потери почти 2/3 личного состава так и не удалось. А впереди еще были арьергардные бои и прорыв через Мясной Бор.

В начале любанских боев — 7 января 1942 г. — войска, принимавшие участие в операции, насчитывали 325700 чел. По сведениям, опубликованным в известной книге "Гриф секретности снят", потери этих войск за время операции с 7 января по 30 апреля 1942 г. составили убитыми

95064 чел. и 213303 чел. ранеными, больными и обмороженными. Среднесуточные потери в операции доходили до 2705 чел. убитыми, ранеными и больными. Далее в опубликованной статистике следует разрыв в две недели: 1 — 12 мая 1942 г., сведения за это время отсутствуют. Затем приведены данные по тем же пунктам (убитые, раненые) в операции по выводу из окружения 2-й ударной армии, т.е. с 13 мая по 10 июля 1942 г. Из этих данных следует, что 2-я ударная, 52-я и 59-я армии на 13 мая 1942 г. имели в своем составе 231900 чел., погибло по 10 июля включительно 51482 чел., раненых и больных оказалось 39977 чел., среднесуточные потери равнялись 1606 чел. Суммировав все приведенные выше сведения о числе погибших, мы получим цифру 146546 чел., убитых за все время Любанских боев и при прорыве из окружения. Но в это число не попадают погибшие за 12 дней, в период с 1 по 12 мая, а также умершие от

ран, убитые в плену и т.п., поэтому полученную цифру следует несколько увеличить. Новгородский журналист А.И.Орлов на основе анализа документов Центрального Архива Министерства обороны РФ полагает, что наши потери в Любанской операции и при выходе из окружения составили в общей сложности 156000 чел., я склоняюсь к цифре 158000. Это не так уж и много в масштабе той войны в сравнении с другими операциями 1942 г., особенно если учесть, что боевые действия вели несколько армий в течение полугода. Для сравнения: под Харьковом, например, в мае 1942 г. Красная Армия потеряла 170958 чел. убитыми.

Однако обобщенные сведения не позволяют представить количество потерь непосредственно по каждой армии Волховского фронта в отдельности. Особенно трудно определить потери 2-й ударной армии при выходе из окружения в 20-х числах июня. Количество погибших в Мясном Бору и попавших в плен точно не известно. Для рассмотрения данного вопроса в нашем распоряжении имеется несколько разнородных источников. Во-первых, мемуары командовавшего Волховским фронтом К.А.Мерецкова. Он сообщает, что вышло из окружения 16000 чел., погибло при прорыве 6000 чел. и 8000 пропало без вести.

Во-вторых, мы можем обратиться к документам. Среди них доклад, который Особый отдел Волховского фронта в августе 1942 г. представил заместителю наркома НКВД комиссару госбезопасности 1 ранга В.С.Абакумову. Доклад специально посвящен состоянию 2-й ударной армии. В соответствии с докладом, во 2-й ударной армии вместе с тылами бригад и дивизий и их резервами, которые находились за Волховом, на 1 июня 1942 г. оставалось 40157 чел., вышло из окружения по сведениям на август 1942 г. 13018 бойцов и командиров, судьба остальных 27139 чел. не известна.

И, наконец, по сообщению Берлинского радио от 28 июня 1942 г. немцы захватили в Мясном Бору почти 30000 пленных.

Все три названных выше источника — мемуары, доклад и сообщение опубликованы и достаточно известны, однако анализа их не проводилось. Поэтому, рассматривая вопрос о потерях 2-й ударной армии, остановимся, прежде всего, на этих источниках.

Указаний о количестве погибших в "Долине смерти" доклад Особого отдела фронта и другие опубликованные вместе с ним документы НКВД не содержат. К.А.Мерецков, напротив, приводит в своих воспоминаниях эту информацию,

которую он мог получить, сопоставив число вышедших из окружения с докладом начальника штаба 2-й ударной армии П.С.Виноградова от 21 июня 1942 г., где на основе строевых записок сообщалось о численном составе армии. Текст доклада не опубликован и хранится в ЦАМО РФ. Однако сведения КА.Мерецкова о количестве погибших — 6000 чел. — представляются не полными. Они учитывают только потери в коридоре при выходе из окружения, но их следует еще увеличить за счет пропавших без вести и военнопленных, из которых многие погибли.

Сведения противника о количестве советских военнопленных, захваченных во время Любанской операции и при выходе армии из окружения (30000 чел.) внешне совпадают с данными о количестве пропавших без вести в докладе Особого отдела НКВД (27139). Отсюда может сложиться впечатление, что все оставшиеся в Мясном Бору попали в плен. Однако 30000 пленных неприятель захватил за все время боев, т.е. с января по июнь 1942 г. Кроме того, в число 30000 входят не только воины 2-й ударной, но и воины других волховских армий. В то же время известно, что в цифру 300000 немцы не стали включать наших раненых, захваченных ими в последние дни в Мясном Бору. К 25 июня в госпитале 2-й ударной находилось до 12000 раненых, а ведь были еще госпитали бригад и дивизий. Между прочим, эти раненые не числились в списках частей на 1 июня 1942 г. и не вошли в большинстве своем в 40157 чел., состоявших в то время в строю в окруженной армии. Не отмечены они и в последующих строевых докладах. Какова же их судьба?

Некоторые ветераны рассказывают, что часть раненых перед прорывом из окружения 24 июня уничтожил Особый отдел 2-й ударной армии: особисты убивали раненых из ручного пулемета; автомашины, на которых были погружены раненые, особисты взрывали. Случаи уничтожения наших раненых особыми отделами в условиях окружения в минувшую войну не являлись редкостью. Причина массовых убийств беззащитных людей заключалась, вероятно, в нежелании отдать противнику человеческий материал, способный повернуть оружие против тех, кто завел их в смертельное кольцо и бросил. Это яркое свидетельство неуверенности режима в прочности основ и правоте своего существования, его неумения действовать профессионально, боязни правды и страха перед собственным народом. Но в Мясном Бору уничтожить сразу много людей особисты не могли по двум причинам. Во-первых, здесь нельзя было взорвать всех раненых одновременно, как сделали в штольнях Севастополя в

конце обороны, их нельзя было расстрелять всех сразу в домах-госпиталях или в нескольких госпитальных палатках, как в окружении под Вязьмой в 1942 г., потому что они не были собраны воедино, а лежали рассредоточено на огромной поляне и в лесу рядом с нею. Во-вторых, расстрел происходил на глазах у всех и неминуемо должен был вызвать противодействие раненых, медицинского персонала и любого нормального человека. очевидцы рассказывают, что почти всех раненых убили немцы. Они уничтожили и старого доктора, который специально остался с тяжело ранеными, надеясь их спасти. Легко раненым он посоветовал отползти в разные стороны, чтобы не попадаться на глаза немцам, когда они озлоблены тяжелыми боями. Военврач оказался прав: часть раненых немцы уничтожили, часть, в основном ходячих и легко раненых, взяли в плен, но сколько их попало в список военнопленных — мы не знаем. Следует также учитывать, что некоторые раненые из госпиталя участвовали в прорыве и одни из них погибли, другие оказались в плену, а третьим повезло и они вырвались из "Долины смерти"*. 30 июня 1942 г. на обеде в ставке Гитлера командующий группой армий "Север" генерал-фельдмаршал Г.Кюхлер заявил, что в Мясном Бору первоначально было захвачено 10000 раненых. "Однако, - цинично добавил Кюхлер, - в сводках эта цифра не фигурировала (она не вошла в число 30000 пленных — Б.Г.), поскольку на болотистой местности было совершенно невозможно оказать им помощь и они все погибли". Помимо госпиталей, много раненых находилось в разных блиндажах, они медленно умирали от голода и комариных укусов. Таким образом, определить точно, сколько людей попало в плен при выходе из окружения невозможно без сведений немецкой архивной статистики, которая в настоящее время для обычного российского исследователя малодоступна. Вместе с тем официальная цифра погибших — 146546 чел. с достаточным основанием может быть увеличена еще по крайней мере на 10000 чел., таким образом она достигнет 156546 чел.

Нуждаются в значительной коррекции и сведения из доклада НКВД о пропавших без вести в Мясном Бору. Их количество определено в докладе как 27139 чел. Данная цифра получается, если принять за основу состав армии на 1 июня 1942 г. (40157 чел.) и вычесть из него количество вышедших из окружения, приведенное в докладе (13018 чел.). Однако полученный результат не может отражать истину, поскольку массовый выход окруженных начался не 1 июня, а в ночь на 22 июня, бои в окружении шли с большим ожесточением и сопровождались значительными

потерями, особенно в боях за коридор и в войсках прикрытия, которые держали оборону вплоть до 25 июня. В период с 1 по 25 июня в Мясном Бору погибли тысячи людей, поэтому цифра состава армии, взятая на 1 июня, не является исходной для определения потерь при выходе из окружения. Отправной цифрой могут быть только данные о составе армии на 20-21 июня 1942 г. Эти сведения содержатся в упомянутом выше докладе полковника П.С.Виноградова от 21 июня. Согласно докладу, на 20 июня 1942 г. в окружении оставался 23401 воин 2-й ударной армии (без 305-й дивизии 52-й армии). По другим документам штаба Волховского фронта, которые тоже пока не опубликованы, вышло из окружения с 19 по 22 июня 1942 г. - 881 чел., а к 29 июня 1942 г. - 3087 чел. "здоровых" (разумеется, относительно) и вывезено и вышло 5494 чел. раненых и больных. Известно также, что из 3087 чел. прорвалось воинов стрелковых частей и соединений 1850 чел. По бригадам и дивизиям они распределяются следующим образом:

22-я отдельная стрелковая бригада — 227 чел.

Кстати, в 1987 г. недалеко от госпитальной поляны мною были найдены два скелета — мужской и женский. Они обнявшись лежали на пригорке. Медсестра ли помогала раненому или здесь произошла другая трагедия?

23-я -108 чел.

25-я -200 чел.

53-я -150 чел.

57-я -ПО чел.

59-я сведений нет.

19-я гвардейск. стрелковая дивизия - 135 чел.

46-я стрелковая дивизия — 168 чел.

92-я стрелковая дивизия — 43 чел.

259-я -156 чел.

267-я -134 чел

327-я -104 чел.

382-я -259 чел.

305-я - 56 чел. Всего: -1850 чел.

Принадлежность других 1237 чел. ($3087-1850=1237$), прорвавшихся из окружения, точно не известна. Предположительно, к ним относились воины спецподразделений типа армейской разведки, бойцы из охраны штаба и Особого

отдела, нестроевых подразделений и тыловых служб, армейские связисты, персонал госпиталей, работники редакции армейской газеты и т.д.

Прибавив к 3087 чел. "здоровых" 5494 чел. раненых и больных мы получим общее количество спасенных в период с 19-20 июня по 29 июня 1942 г. — 9462 чел., т.е. примерно 40,4% от всего числа находившихся в окружении на 20 июня. Но к ним надо прибавить еще и тех, кто вышел после 29 июня. Из документов штаба фронта известно, что за период с 1 по 10 июля 1942 г. вышло 17 чел. старшего начальствующего состава, 48 чел. среднего начсостава, 8 младших командиров (сержантов и старшин) и 73 рядовых красноармейца, т.е. всего 156 чел. Вместе с 9462 чел., вышедших до 1 июля, мы получим, таким образом, 9618 чел. Еще около 100 чел. выбралось, по моим подсчетам, из окружения в течение августа-ноября 1942 г. (сведения получены непосредственно от ветеранов). Следовательно, всего вышло из окружения 43% воинов 2-й ударной армии. И все же общая цифра не превысит 10000 чел. Откуда же тогда число 13018 в докладе Особого отдела и 16000 в мемуарах К.А.Мерецкова? Какая цифра точнее? Дело в том, что в мемуарах Мерецкова учтены не только те, кто вышел из окружения в июне-июле, но и в мае 1942 г., когда собственно, и началась операция по планомерному отводу армии из лесов и болот, а также те, кто пробился из кольца в период с 1 по 19 июня, особенно 19 июня, когда прорвались многие воины 46-й дивизии. Если вспомнить, что часть вышедших из окружения в мае, особенно кавалеристы и гвардейцы, танкисты, а также 24-я бригада использовалась в дальнейших боях за коридор, то можно предположить, что цифра 16000 показывает, сколько всего людей прошло Мясной Бор в соответствии с планом отвода армии начиная с мая, а 13018 чел. — это общее количество тех, кто выбрался из Мясного Бора с 1 июня по август 1942 г., без учета выведенных в мае, а также без учета потерь, полученных, когда вышедших из окружения привлекали к борьбе за коридор вместе с 52-й и 59-й армиями. Цифра вышедших из окружения в документах штаба фронта — около 10000 чел. — учитывает только тех, кто вышел из окружения с 21 июня по 10 июля. Следовательно, все три цифры верны, но каждая для своего периода. Итак, всего вышло из Мясного Бора с мая по осень 1942 г. — 16000 чел.

Из них вышло с 1 июня по август 13018 чел.

с 20 июня по 29 июня 9462 чел.

с 21 июня по осень ок. 10000 чел.

Сложнее определить судьбу остальных воинов 2-й ударной армии. Если из состава армии на 20 июня (23401 чел.) вычесть 9618 чел., вышедших из окружения по 10 июля включительно, то получится, что в окружении осталось 13923 чел. (55% из упомянутого доклада штаба армии). В докладе сообщается, что по информации, полученной от прорвавшихся из кольца, в междуречье Полисти и Глушицы и в "котле" 19-й гвардейской дивизии у Малого Замощья осталось еще 8000 чел., не успевших пройти коридор. Напомним, что К.А.Мерецков отнес их к "пропавшим без вести". Если вычесть эти 8000 из 13923 чел., оставшихся в кольце, то полученное количество в 6000 чел. можно считать погибшим в коридоре и в арьергардных боях последних дней. Именно так делает К.А.Мерецков. А что же случилось с 8-ю тыс. чел., которые остались в окружении? Выше уже высказывалось сомнение в возможности отнести всех из 8000 к категории военнопленных. Многие из оставшихся в окружении держались до конца, в плен попали, в основном, воины, захваченные в коридоре, и легкораненые из крупных госпиталей. Мы еще вернемся к судьбе тех, кто остался в смертельном кольце. Здесь же необходимо упомянуть и о больших потерях других армий, сражавшихся в Мясном Бору и пробивавших коридор с востока. Этот вопрос частично уже затрагивался. Автор не ставил его в качестве специального предмета исследования, тем не менее он полагает полезным для читателя дополнить приведенную выше информацию специальными сведениями из документов штаба Волховского фронта о потерях, например, 59-й армии в период с 30 мая по 20 июня 1942 г., когда ее войска вместе с другими соединениями пробивали коридор в Мясном Бору. Потери 59-й армии оставили:

Стрелковые дивизии Потери

2-я 2092 чел.

165-я 3307 чел.

191-я 530 чел.

372-я 1532 чел.

374-я 2669 чел.

376-я 1256 чел.

Стрелковые бригады

(с 1 мая 1942 г. в составе 59-й армии)

24-я 1506 чел.

58-я 739 чел.

Танковые бригады

7-я гв. 87 чел.

29-я 80 чел.

Всего 13779 чел.

Большие потери за этот срок отмечены также в материальной части. Например, в 59-й армии 7-я гвардейская танковая бригада потеряла 20 танков Т-34; 29-я танковая бригада — 19 танков Т-34, а 166-й отдельный танковый батальон 2-й ударной армии (ранее входил в 59-ю армию) — 9 легких танков Т-6027.

Люди на войне попадали в плен по-разному. В Мясном Бору те, кто хотел оказаться в плену, не стали дожидаться 25 июня, чтобы избавиться от голода и страха смерти. Но так поступили единицы. А в основном в плен попали совершенно обессиленные, измученные люди, нередко раненые, контуженные, в полубессознательном состоянии, как например, известный поэт старший политрук М.М.Залилов (Муса Джалиль). После завершения трагедии Мясного Бора немцы через рупоры объявляли на весь лес: "Русские солдаты и офицеры, выходите на дороги, следуйте к питательным пунктам, мы будем вас кормить". Никто не вышел. Ни один человек не поменял свободу на миску баланды. Об этом свидетельствуют устные рассказы участников событий — как бывших военнослужащих вермахта, так и ветеранов 2-й ударной армии. Одни окруженцы не сдавались, потому что хранили верность Родине и присяге, а другие просто не верили немцам и считали, что противник хочет выманить их из укрытий и убить. Тогда немцы стали прочесывать лес с собаками. Противник отыскивал красноармейцев в кустах, в воронках, в землянках, где они надеялись какое-то время переждать и в одну из ночей пробраться через фронт к своим. Некоторым действительно удалось выбраться из "Долины смерти". Кое-кто пробрался к партизанам, как, например, комиссар 23-й бригады Н.Д.Аллахвердиев. Он стал командиром партизанского отряда. В партизанских отрядах сражались воины 267-й дивизии военврач 3-го ранга Е.К.Гуринович, медсестра Журавлева, комиссар Вдовенко и др. Но таких было немного. Большинство попало в плен, причем многие не успевали даже выстрелить по врагу, внезапно столкнувшись с немцами. Например, командир 3-го гвардейского полка А.В.Слепко, рассказывая после войны партийной комиссии как он оказался в плену, писал в "Объяснительной записке", что 25 июня, когда коридор был закрыт, он встретил командира 46-й дивизии полковника Ф.Е.Черного, который сообщил ему: "Есть указания сверху оставшимся в живых

выбираться мелкими группами, действовать партизанским способом. Я начал собирать своих, - рассказывает А.В.Слепко. - Собрал четыре человека командного состава, одного старшину и двух красноармейцев. Начали ползком пробираться через линию немецкой обороны, но были обнаружены и встречены сильным перекрестным огнем. Потеряли убитыми двух красноармейцев, в том числе адъютанта. Один был ранен. Отползли обратно, нашли пустой дзот, забрались в него и решили держаться. К вечеру 25 июня кольцо было сжато на площади в полкилометра /..., по центру непрерывно били минометы, продолжали бомбить немецкие пикировщики. Наш дзот, находившийся в 50 метрах от немецкой линии, подвергался пулеметному огню и ручным гранатам. Сидели голодные, боеприпасов никаких не было.

Вечером 27 июня снова пошли искать выход, но нарвались на немецкую засаду и были неожиданно пленены. В плену находился в городе Кальвария, Литовская ССР, с 10 июля 1942 г. по 15 марта 1943 года был в Морктпонкау, Австрия. 19 июля 1943 года бежал, но был задержан и направлен в концлагерь Дахау, где пробыл с 1 сентября 1943 года по 29 апреля 1945 года. Освобожден американскими войсками".

Многие воины под угрозой пленения застрелились, как, например, член Военного совета армии дивизионный комиссар И.В.Зуев.

Оказавшись в плену, воины Мясного Бора не стали сотрудничать с немцами. Несколько офицеров, перешедших на сторону врага, являются исключением из общего правила. В частности, изменили присяге командир 25-й бригады полковник П.Г.Шелудько, офицеры штаба 2-й ударной армии майор Версткин, полковник Горюнов, интендант 1 ранга Жуковский³⁰. Но они не могут бросить тень на остальных бойцов и командиров, которые сохранили верность Отечеству. Например, командир 327-й дивизии генерал И.М.Антюфеев будучи ранен, попал 5 июля в плен. Антюфеев отказался помогать противнику и немцы отправили его в лагерь в Каунас. Там его заставили чистить отхожие места и он возил по городу бочку с нечистотами. Потом работал на шахте. В плен И.М.Антюфеев попал со знаками различия полковника. Генеральское звание он получил в окружении в мае и не успел прикрепить на петлицы генеральские звезды. Когда кто-то сообщил немцам, что Антюфеев — генерал, его перевели в генеральский лагерь, в лучшие условия и снова предложили участвовать в войне на стороне Германии. Антюфеев вновь отказался и просидел в лагере до самой Победы. После войны его

восстановили в генеральском звании, он продолжал службу в Советской Армии и вышел в отставку генерал-майором.

Начальник медико-санитарной службы 2-й ударной армии военврач 1-го ранга Боборыкин в трудных условиях окружения делал все для помощи раненым воинам. 28 мая 1942 г. командование наградило его орденом Красного Знамени. Он специально остался в окружении, чтобы спасти раненых армейского госпиталя. В плену он ходил в полной форме командира Красной Армии и продолжал оказывать медицинскую помощь военнопленным. После возвращения из плена работал в Военно-медицинском музее в Ленинграде.

Многие воины Мясного Бора и в плену продолжали борьбу с врагом. Широко известен подвиг Мусы Джалиля и его "Моабитские тетради". Но и другие воины не склонили в плену головы, а отдельные герои вступили с врагом в тайную борьбу. Одним из таких героев был начальник санитарной службы и бригадный врач 23-й стрелковой бригады майор Н.И.Кононенко. До войны он заведывал отделением Чугуевской районной больницы в Харьковской области. В начале июля 1941 г. добровольно пошел на фронт. В плен попал 26 июня 1942 г. вместе с персоналом бригадной медсанроты. В плену после восьми месяцев тяжелых работ в Амберге его 7 апреля 1943 г. перевели врачом в лагерный лазарет города Эбельсбах (Нижняя Бавария). Кононенко пользовался большим уважением у немецких врачей, ценивших его медицинские способности и опыт. Но врач Кононенко не только лечил военнопленных. Он стал одним из организаторов в лагере "Революционного комитета" и превратил свой лазарет в центр патриотического подполья. Гестапо выследило "Комитет" и 13 июля 1944 г. начались аресты и допросы в лагере Маутхаузен, куда доставили подпольщиков. 25 сентября 1944 г. 125 патриотов вместе с Кононенко были расстреляны. После войны в городе Чугуеве именем Кононенко назвали улицу.

Командир 844-го полка 267-й дивизии В.А.Поспелов и начальник штаба полка Б.Г.Назиров попали в плен раненые. Однако испытания Мясного Бора и муки в неволе не сломили отважных воинов. Они продолжали борьбу с врагом и в апреле 1945 г. возглавили восстание в концлагере Бухенвальд.

Показателен пример политрука роты 1004-го полка 305-й дивизии Д.Г.Тельных. До войны он работал в Ельце учителем. В июне 1942 г. ранен в ногу, контужен и взят в плен. Отправлен в лагерь в Лугу, затем в 9-й форт в Каунас. Оттуда переведен в Саксонию и, наконец, в Бельгию, в лагерь при шахте Шварцберг. В

июне 1943 г. Тельных бежал из лагеря вместе со своим товарищем И.Гузенко. Бельгийские крестьяне в селении Ватерлооо помогли связаться с партизанским отрядом № 4 из советских военнопленных, которым командовал подполковник Красной Армии Котовец. Отряд входил в состав русской партизанской бригады "За Родину". Бригадой командовал подполковник К.Шукшин. Тельных участвовал в боях, вскоре стал командиром взвода, а с февраля 1944 г. — политруком роты. В мае 1945 г. бригада "За Родину" захватила город Майзак и восемь часов удерживала его до подхода английских войск. После войны Тельных вместе с другими товарищами-партизанами вернулся служить в РККА. В октябре 1945 г. уволен в запас и опять работал учителем в Ельце. Советское командование наградило его орденом Красной Звезды.

Бежали из плена и другие воины, в частности, личный шофер командарма Власова красноармеец Н.В.Коньков. Утром 25 июня 1942 г. группа штабных командиров и бойцов, в которой находился Коньков, отделилась от группы штаба и выходила из окружения самостоятельно, взяв первоначальное направление на северо-запад. Дважды высылали вперед разведку и оба раза разведчики не вернулись. В группе осталось 8 чел. К концу дня они вышли к реке Кереть и здесь столкнулись с немцами. Трое красноармейцев были ранены. После короткой перестрелки немцы окружили группу и взяли в плен. Спустя два месяца, 25 августа 1942 г. Н.В.Коньков бежал из плена и перешел линию фронта. Его, разумеется, отправили в Особый отдел НКВД Ленинградского фронта для соответствующей проверки. Но после всех перенесенных страданий Коньков тяжело заболел и умер 7 сентября во время операции в тюремной больнице.

Бои в Мясном Бору связаны с именами видных деятелей советской культуры и науки. Выше уже говорилось о скульпторе Е.В.Вучетиче, поэтах В.Э.Багрицком, Мусе Джалиле, писателях КА.Токареве и С.А.Крутилине. Кроме них в Мясном Бору бывали корреспонденты газеты Волховского фронта "Фронтная правда" писатели и поэты А.И.Гитович, П.Л.Далецкий, Ю.М.Нагибин, В.А.Рождественский, А.Б.Чаковский, А.Т.Чивилихин, П.Н.Шубин, М.Эдель37. Корреспондент "Красной Звезды" писатель М.З.Солнцев выходил из окружения в группе штаба армии вместе с А.А.Власовым. После того, как группа разделилась, он долго скитался по лесам и болотам и только в августе смог перейти линию фронта.

П.Н.Шубин написал здесь несколько стихотворений, среди которых "Шофер"(май 1942 г.). Оно посвящено шоферу 2-й ударной армии, который вез снаряды по

фронтальной дороге "от Волхова до Керести", подвергаясь непрерывным атакам вражеского "мессершмитта". Пулеметная очередь перебила ему руки, но шофер не бросил машину. Он знал, как нужны эти снаряды, и повел "трехтонку", вцепившись в руль зубами. Шофер вышел из поединка победителем — на очередном вираже "мессер" задел за дерево и разбился.

После стабилизации фронта у Мясного Бора немцы прислали сюда вспомогательные отряды поляков и чешских "фольксдойче". По рассказам местных жителей, поляки выменивали у них хлеб на керосин. Окрестные крестьяне никак не могли понять, зачем полякам керосин. А когда узнали — ужаснулись: поляки искали в блиндажах раненых красноармейцев, обливали керосином и сжигали, мстя за 1939 г. и Катынь. Так ли это на самом деле, сказать трудно, полную ясность могут, пожалуй, внести лишь тайные архивы НКВД. Местные жители помнят также зверства голландцев из легиона "Нидерланд". Чешские "фольксдойче" появились после поляков, уже в 1943 г. Вскоре они начали переходить на нашу сторону и их пришлось убрать из прифронтальной полосы. Дольше всех в Мясном Бору находился латышский легион СС. От него осталось большое кладбище у реки Кересть.

Советские войска, прорвавшиеся из Мясного Бора и вынесшие знамена, получили пополнение и продолжали сражаться на Волховском фронте. Однако многие части и соединения, сохранившие знамена, но потерявшие почти весь личный состав, были переформированы. Например, 46-я дивизия вынесла знамя, но почти все ее воины погибли. Поэтому тех, кто остался в живых, перевели в иные места службы, а в 46-ю прислали новый личный состав. Остатки 267-й дивизии направили на формирование новой 327-й стрелковой дивизии.

Огромные потери понес 13-й кавкорпус, его тоже не стали восстанавливать. В начале июля дивизии корпуса расформировали, их личный состав передали на пополнение стрелковых частей. Так, личный состав 25-й кавдивизии направили на пополнение 19-й гвардейской стрелковой дивизии, из штаба 25-й кавалерийской образовали новый штаб 19-й гвардейской дивизии.

259-ю дивизию пополнили прорвавшимися из окружения воинами 92-й и 46-й стрелковых дивизий и 27-й кавалерийской дивизии. Она осталась на Волховском фронте и продолжала участвовать в боях по прорыву блокады. В конце января 1943 г. дивизию перебросили на Сталинградский, а потом на Юго-Западный фронт. 382-ю дивизию передали Северо-Западному фронту.

Части, закопавшие перед прорывом знамена, тоже формировались заново. Например, в Серпухове в сентябре-ноябре 1942 г. прошла формирование новая 267-я стрелковая дивизия, она с честью сражалась на Воронежском, Юго-Западном, 4-м Украинском, 1-ми 2-м Прибалтийском фронтах. Она прошла Сиваш, штурмовала занятый врагом Севастополь, громила курляндскую группировку. Войну закончила 267-й Сивашской, Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизией.

4-ю, 19-ю и 24-ю гвардейские стрелковые дивизии после пополнения отправили на другие фронты.

Ядро новой 2-й ударной армии составили 327-я и 259-я дивизии. Вместе с ними продолжал сражаться 30-й гвардейский минометный дивизион. Из состава 59-й армии в новую 2-ю ударную передали 376-ю дивизию, другие части и соединения армия получила из резерва Ставки. Командование армией опять принял Н.К.Клыков. В августе-сентябре 1942 г. 2-я ударная участвовала в новой попытке прорвать блокаду, вела тяжелые бои на высотах Синявина. В 1943 г. 2-я ударная вновь явилась главной силой Волховского фронта в третьей операции по прорыву блокады — операции "Искра". На этот раз она добилась победы. 12 января 1943 г. 2-я ударная под командованием генерала В.З.Романовского перешла в наступление на участке Липки — Гайтолово и 18 января соединилась в районе Синявино с 67-й армией Ленинградского фронта под командованием генерала М.П.Духанова. 19 января 1943 г. за героизм и умелые действия ее воинов при прорыве блокады Ленинграда 327-ю дивизию преобразовали в 64-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В январе 1944 г. 2-я ударная армия под командованием генерала И.И.Федюнинского участвовала в составе Ленинградского фронта в окончательном разгроме немецких войск под Ленинградом, наступая с Ораниенбаумского плацдарма навстречу 42-й армии генерала И.И.Масленникова. 19 января 1944 г. 2-я ударная и 42-я армии соединились в районе Ропши и окружили петергофско-стрельнинскую группировку врага, а 20 января завершили ее уничтожение. За бои по полному снятию блокады 64-я гвардейская дивизия, бывшая 327-я, получила почетное наименование "Красносельская" и была награждена орденом Красного Знамени, 30-й гвардейский минометный дивизион получил почетное наименование "Ропшинский". Разгромив врага под Ленинградом, 2-я ударная армия участвовала в освобождении Эстонии, а затем была передана в состав 2-го Белорусского фронта, форсировала Вислу и Нogat,

штурмом брала города-крепости Эльбинг, Мариенбург, Грауденц, взяла приступом Данциг (Гданьск), сражалась за Кенингсберг, захватила портовый город Штральзунд и военно-морскую базу Свинемюнде. Всего за время войны 2-я ударная армия освободила 7 советских и захватила 35 вражеских городов. Великую Отечественную войну она закончила 5 мая 1945 г. на острове Рюген на Балтийском море в северной Германии.

После завершения Любанской операции плацдарм у Мясного Бора сохранялся до 1944 г. Здесь был сооружен 150-й укрепленный район и вела оборонительные бои 59-я армия. Отсюда 14 января 1944 г. она начала Новгородско-Лужскую наступательную операцию, в ходе которой 20 января ее войска освободили Новгород. В дальнейшем 59-я армия сражалась под Нарвой, Выборгом, освобождала Польшу и Чехословакию.

В 52-й армии, как и в других армиях Мясного Бора, некоторые части и соединения пришлось формировать заново. В наиболее тяжелом положении оказалась 305-я дивизия. От неё осталось меньше роты (если не считать тыловых частей), а знамена ее полков из окружения не вынесли, они закопаны в воронках у Малого Замошья. 305-ю полностью воссоздали заново. Новая 305-я стрелковая дивизия сражалась на Курской дуге под Белгородом. 5 августа 1943 г. в Москве прозвучал первый салют Великой Отечественной войны. Родина салютовала освободителям Орла и Белгорода. В приказе Верховного Главнокомандующего по случаю салюта вместе с другими частями называлась 305-я, ей присваивалось почетное наименование "Белгородская". В 1945 г. ее воины сражались на улицах Берлина. Она встретила Победу 305-й Белгородской, Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизией.

52-ю армию после завершения Любанской операции и переформирования перебросили из-под Новгорода на Воронежский фронт. Затем она воевала на Степном и 2-м Украинском фронтах, громила Корсунь-Шевченковскую группировку противника, освобождала Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию.

После снятия блокады Ленинграда началось восстановление шоссе и железной дороги Москва-Ленинград. У Мясного Бора, как и на других участках, проводилось разминирование шоссе и железнодорожной насыпи. Во время этих работ были сброшены с насыпи под откос железобетонные колпаки-доты, стоявшие в центре и на правом фланге 150-го укрепрайона, севернее деревни Мясной Бор. Их можно

увидеть там и сейчас. Другие участки местности стали разминировать только в конце 1940-х гг.³⁹ Местные жители, собиравшие в лесу грибы и ягоды, опасались сойти с тропинки. Указатели "Мины" стояли сразу в 50 м от железной дороги. Многие деревни и хутора по этой причине обезлюдели. Например, в Ольховке из-за мин нельзя было пасти скот, копать огороды. Косы ломались, натыкаясь в траве на черепа, и местные жители оставили Ольховку. Вслед за воинами они назвали этот лес "Долиной смерти".

С 1946 г. в Мясном Бору начал поисковую деятельность Николай Иванович Орлов, семья которого вернулась из эвакуации. В 1940-1950-х гг. он работал на железной дороге у Мясного Бора и Спасской Полисти. Мне довелось встречаться с ним в 1970-х гг. в процессе подготовки Новгородского тома Свода памятников истории и культуры РСФСР, мы вместе ходили в Мясной Бор. Н.И.Орлов был разносторонне талантливым, глубоко интеллигентным человеком. Самодеятельный поэт и художник, он всю жизнь посвятил исследованию военных памятников северо-запада Новгородской области. Почти все убитые здесь числились в 1940-1950-х гг. "пропавшими без вести". Н.И.Орлов отыскивал у погибших опознавательные медальоны, по имевшимся там адресам устанавливал связь с их семьями. В то время это было важно вдвойне — ведь семьи пропавших без вести не получали тогда никакого пособия. В одном из походов он подорвался на mine, истекая кровью, еле выбрался из леса. Но, выйдя из госпиталя, снова отправился в Мясной Бор. Вскоре, разряжая противотанковую мину, погиб его брат Валерий, но отказаться от Мясного Бора Н.И.Орлов уже не мог.

В 1948-1951 гг. в Мясном Бору работали заготовители металлолома. Н.И.Орлов работал вместе с ними, указывая места, где стояла подбитая техника. Однажды в Мясной Бор приехали слесари с валдайской электростанции. Со времен войны станция работала от двигателя танка Т-34, двигатель нуждался в замене. Когда Н.И.Орлов привел их к подбитым танкам, один из приезжих заплакал — он узнал свою машину, в которой горел здесь, в Мясном Бору.

В 1958 г. Н.И.Орлов переехал в село Подберезье, южнее Мясного Бора. Там из учеников сельской школы он организовал поисковый отряд "Юный разведчик", который проделал большую работу по сбору останков и установлению имен погибших воинов. В дальнейшем Орлов перешел работать аппаратчиком на Новгородский химкомбинат "Азот" и переехал жить в Новгород. На "Азоте" он создал в 1968 г. поисковую группу из молодежи (15 чел.). Со временем группа

выросла в молодежный патриотический клуб "Сокол". 28 мая 1982 г. на химкомбинате открыт музей по истории Любанской операции.

Долгие годы местные власти относились к деятельности Н.И.Орлова более чем равнодушно. Они придерживались выгодной версии — "в Мясном Бору лежат предатели-власовцы". Это избавляло их от лишних хлопот по организации похорон, а государство — от новых затрат на помощь семьям погибших. К тому же местность у д. Мясной Бор значилась принятой от Министерства обороны СССР для хозяйственного использования. В 1970-е гг. существовал даже проект устройства в Мясном Бору зоны отдыха для жителей Новгорода. Преодолеть бездушие чиновников в этой ситуации было равносильно гражданскому подвигу. Благодаря инициативе Н.И.Орлова у Мясного Бора появилось три воинских кладбища. С помощью "Сокола" только на первое кладбище у деревни Мясной Бор, напротив Южной дороги, перенесено из леса около 5,5 тыс. погибших воинов. Настойчивость Н.И.Орлова привела к тому, что местные власти наконец-то обратили внимание на Мясной Бор. В помощь Орлову стали выделять воинские подразделения. Например, в 1977 г. вместе с ним работали воины-десантники. По воспоминаниям Н.И.Орлова, работали они добросовестно. "Только в районе речушки Полисть, - рассказывал он, - (это как раз в центре прорыва) мы взорвали около семи тысяч боеприпасов и собрали останки примерно 500-600 воинов. Хотя по этим местам работы велись уже много лет. Мне лично, — вспоминал Орлов, — удалось по медальонам установить около 400 фамилий погибших и сообщить их родственникам".

В 1967 г. Орлов по просьбе вдовы комиссара Я.А.Супруна А.И.Супрун отыскал с помощью местного жителя М.Ф.Никитина могилу Я.А.Супруна на северной окраине Ольховки. Комиссар погиб в бою 18 марта 1942 г., брат его был известным летчиком. Примерное место могилы сообщил вдове командир 3-го гвардейского стрелкового полка 4-й гвардейской дивизии А.В.Слепко. Он же рассказал, что вместо гроба были использованы две двери с блиндажей. По этим дверям уточнили принадлежность могилы, а вдова опознала останки мужа по зубным коронкам. Я.А.Супруна перехоронили на воинское кладбище у бывшей деревни Любино Поле и деревни Мостки, где когда-то проходила фронтовая узкоколейка. У себя дома в городе Жданове (Мариуполе) А.И.Супрун создала музей 2-й ударной армии. Значительное место в экспозиции она уделила поисковой деятельности Н.И.Орлова и отряда "Сокол".

Много сил отдал Н.И.Орлов поискам могилы В.Э.Багрицкого, место которой оказалось утрачено. Он разыскал очевидцев похорон, но лес после войны сильно изменился и найти могилу было нелегко. Кроме того, сложилась легенда, что Е.В.Вучетич выполнил надпись прямо на сосне, а не на прикрепленной к ней табличке. Самого Е.В.Вучетича подвела память. К тому же, как рассказывал мне Н.И.Орлов, на вопрос о Мясном Боре Вучетич заявил: "Что вы мне Второй ударной тычете, я не предатель". Другие помнили только, что у могилы, на перекрестке дорог под Новой Керестью росло дерево. Лишь в 1975 г. были получены точные сведения о месте могилы, а также о том, что надпись делалась отдельно, на листе фанеры. Н.И.Орлов нашел могилу и отметил ее деревянным столбиком с металлической табличкой, на которой воспроизвел первоначальный текст. Мать В.Э.Багрицкого Л.Г.Багрицкая с надеждой следила за поисками Н.И.Орлова, но не дождавшись, незадолго до своей смерти добавила имя сына к имени отца — Э.Г.Багрицкого на могильной плите на Новодевичьем кладбище.

Н.И.Орлов поддерживал постоянные контакты с воинами-ветеранами Мясного Бора, собрал ценную коллекцию их воспоминаний. Вместе с найденными в лесу документами частей и соединений она составила весьма обширный архив, часть которого Орлов передал в Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, часть — писателю С.С.Гагарину. Глубоко изучив историю боев, исследовав ее непосредственно на местности, Орлов составил подробную карту событий и начал писать книгу о боях в Мясном Бору, но не успел завершить ее — он скончался 30 декабря 1980 г. от приступа астмы. Н.И.Орлов просил похоронить его в Мясном Бору, но новгородские власти не позволили. Он похоронен на кладбище села Подберезье, где жила его мать. Светлая память этого человека, его доходившее до подвига подвижничество позволяют ставить вопрос об объявлении могилы Н.И.Орлова памятником истории и культуры России. В благородном деле его заменил брат - журналист Александр Иванович Орлов.

В 1968 г. в Новгород по приглашению обкома ВЛКСМ приехал писатель С.С.Смирнов, автор книг о героях Брестской крепости. Его познакомили с Н.И.Орловым и в тот же день они отправились в Мясной Бор. После этого С.С.Смирнов организовал выступление Н.И.Орлова в телеальманахе "Подвиг" с рассказом о боях в Мясном Бору. К осени 1969 г. С.С.Смирнов написал сценарий фильма о поисковой деятельности Орлова — "Комендант "Долины смерти". Сценарий был опубликован в нескольких номерах газеты "Новгородская правда".

Фильм сняли, состоялся его просмотр в Новгородском обкоме КПСС. Но едва газета "Советская Россия" поместила о нем заметку, как Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота тут же затребовало пленку. К Н.И.Орлову явились представители Главпура и потребовали доказать, что до сих пор в лесу лежат непогребенные советские воины. Им продемонстрировали всего одну воронку, полную убитых. Этого оказалось достаточно. В Мясной Бор прибыли воинские части для сбора останков, однако работали они недолго. Сам фильм запретили, а пленка была смыта в конце 1980-х гг. С.С.Смирнов намеревался посвятить Мясному Бору свою новую книгу, но смерть помешала осуществить задуманное.

В том же году, когда С.С.Смирнов приезжал в Мясной Бор, Совет Министров СССР поставил семиметровый мраморный обелиск у шоссе Новгород — Чудово у места гибели члена военного совета 2-й ударной армии комиссара И.В.Зуева. Саму могилу, расположенную неподалеку, отметили мраморной плитой, а в это время рядом, в Мясном Бору, продолжали лежать тысячи непогребенных воинов. Одной ухоженной могилой и памятником-символом пытались заменить настоящую память, заслонить правду о войне, прикрыть лицемерие и безразличие властей.

В 1970-х гг. одновременно с "Соколом" активными поисками в Мясном Бору занимался ленинградский клуб "Бригантина".

С 1976 г. поиски в Мясном Бору начали студенты из Казани. Их привело сюда желание ознакомиться с местами, где воевал поэт Муса Джалиль, но впечатление от увиденного оказалось столь велико, что они организовали сводный патриотический отряд "Снежный десант", который стал проводить регулярные экспедиции для работы вместе с "Соколом". Объединение усилий позволило активизировать поисковую деятельность. Из забвения появились новые имена погибших воинов. Один из них оказался местным уроженцем. До сих пор у Мясного Бора живут его дети и внуки, а он 40 лет пролежал у родного дома в полной безвестности!

В начале 1970-х гг. в СССР стали возникать комитеты ветеранов частей и соединений времен Великой Отечественной войны. Одним из направлений деятельности комитетов являлась организация коллективных поездок ветеранов на места боев. В таких поездках ветераны проводили встречи со школьниками, что должно было оказывать помощь патриотическому воспитанию. Беседы ветеранов с педагогами и учащимися способствовали созданию школьных

поисковых отрядов и музеев боевой славы. Однако в школах у Мясного Бора и Спасской Полисти поисковые отряды возникли гораздо раньше. Произошло это, вероятно, под влиянием Н.И.Орлова. Один из таких отрядов организовала учительница Е.Н.Гукова в деревне Трегубово под Спасской Полистью, где сражалась в 1942 г. 378-я дивизия 59-й армии. Еще весной 1966 г. ученик Трегубовской школы В.Иванов обнаружил на болоте у Спасской Полисти 11 погибших воинов 1254-го полка 378-й дивизии. Имена четверых удалось установить по оловянным медальонам. Вскоре следопыты школы разыскали дзот, в котором погиб отважный пулеметчик сержант А.Н.Титов. Выше уже говорилось о его подвиге. Он пробрался во вражеский тыл и своим пулеметом перекрыл движение противника на шоссе Новгород — Чудово. Рядом с дотом школьники нашли могилу А.Н.Титова и соорудили на ней памятник — пулемет "максим" и каска на вершине холма, рядом мемориальная доска с надписью: "Здесь героически сражался и погиб пулеметчик Титов". Тракторист совхоза "Трегубово" Л.Головешкин нашел в лесу у деревень Опочивалово и Глушица 14 погибших советских воинов. Следопыты Трегубовской школы обнаружили у них три опознавательных медальона. Только за период с 1971 г. до середины 1980-х гг. трегубовские следопыты разыскали по адресам в медальонах родственников 200 погибших воинов. К сожалению, не у каждого погибшего в Мясном Бору имеется медальон и не каждый заполнил его бумажный вкладыш — говорят, была на фронте такая примета: заполнил вкладыш, могут убить, недаром медальон называли "паспортом смерти". Кроме того, иногда солдаты на фронте обменивались медальонами "на память", а в марте 1942 г. выдачу медальонов в РККА вообще отменили.

Одновременно с трегубовской аналогичная работа проводилась и в других школах. Инициаторами ее являлись сами учащиеся, организаторами выступали педагоги.

В результате деятельности воинских частей и поисковых отрядов во второй половине 1970-х гг. были собраны останки погибших на значительных участках вдоль Южной и Северной дорог и сняты вновь выявленные минные поля, особенно в начале дорог, между Теремцом-Курляндским и Полистью.

Однако в отношении местных властей к Мясному Бору больших перемен не произошло. Так, в 1977 г. в Новгород возили песок для строительства шоссе. В песке попадались человеческие кости и опознавательные медальоны. Песок

возили из Панковского поселка, где в июне 1942 г. сражалась 327-я дивизия. Немцы убрали убитых в песчаный карьер и теперь экскаватор разрыл их могилу. Протесты рабочих-строителей ни к чему не привели, песок продолжали возить и вместе с останками бросать под асфальтовый каток.

Новгородское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры тоже не спешило проявить интерес к Мясному Бору, несмотря на то, что сохранившиеся в лесу окопы, траншеи, дзоты, доты и т.п. являются памятниками истории, в данном случае — истории Великой Отечественной войны. Руководство областного отделения общества во главе с ветераном войны бывшим полковником М.Е.Поповым упорно продолжало считать всех погибших в Мясном Бору предателями и поэтому не видело необходимости отдать им последний долг как павшим за Родину.

С 1980-х гг. Мясной Бор начал исследовать отряд "Эдельвейс" из города Набережные Челны⁵⁰. В конце августа 1983 г. впервые попал в Мясной Бор клуб "Риф" из Воронежа. Мне довелось сопровождать его в качестве проводника-консультанта. С тех пор воронежцы регулярно посещали "Долину смерти". Ими собрана здесь большая коллекция предметов военного снаряжения и техники для музея клуба и Воронежского областного музея, получен большой материал по истории Воронежской 327-й дивизии.

Во второй половине 1980-х гг. поисковое движение в Мясном Бору достигло такого размаха, что партийно-государственные органы наконец-то обратили на него внимание. Новгородский обком ВЛКСМ организовал для работы в Мясном Бору поисковую экспедицию "Долина" во главе с А.И.Орловым, объединившую усилия местных и иногородних отрядов. В результате этого эффективность поисков резко возросла — только в 1988 г. из Мясного Бора вынесли останки 3720 погибших.

После публикаций в газете "Комсомольская правда" в 1987-1988 гг. материалов о судьбе 2-й ударной армии начал поиски в Мясном Бору липецкий городской поисковый клуб "Неунываки".

Мясной Бор становился все более известным. Продолжали выходить статьи в газетах и журналах, люди посылали письма в редакции с комментариями к опубликованным материалам. В этих условиях чиновники от идеологии больше не могли игнорировать растущий общественный интерес к важным событиям войны. Однако руководящие органы еще продолжали по инерции наводить глянец на

историю Великой Отечественной, скрывая правду и пытаясь представить войну не во всем ее многообразии, а лишь чем-то трагически красивым, забывая при этом, что на самом деле любая война является по своей сути прежде всего организованным убийством. В некоторых статьях даже стали называть Мясной Бор не "Долиной смерти", а более благопристойно — "Долиной славы", вроде многочисленных "аллей славы" в наших парках и скверах. Тем самым смысл и память привычно подменялись символами и парадной торжественностью.

В апреле-мае 1989 г. в Мясном Бору прошла XI Всесоюзная вахта памяти. Впервые в организации поисковой работы здесь приняли участие ЦК ВЛКСМ, Ленинградский военный округ, Всесоюзный совет ветеранов, воины-афганцы. За девять дней из района деревни Мостки и узкоколейки было вынесено 3189 погибших воинов, имена 89 удалось установить. Во время экспедиции проводилось обучение ее участников методике и приемам поиска, обработке и сохранению найденных документов и личных вещей.

Однако предубеждение чиновников против Мясного Бора все еще сохранялось. Так, А.И.Орлов обнаружил у одного из погибших воинов зеркало, к которому приклеился фотослой с хранившейся вместе с зеркалом фотографии молодой женщины (сама фотография истлела), получилась как бы фотография на зеркале. Погибший служил в 376-й кузбасской дивизии, но имя его и домашний адрес не были известны. Орлов перефотографировал отпечаток на зеркале и отослал фотографию в Красноярск с просьбой опубликовать в местной газете, но ему ответили, что "такой материал не представляет интереса"...

В апреле-мае 1993 г. в Мясном Бору работали 3,5 тыс. членов поисковых отрядов из разных мест России.

В 1994 г. поисковая экспедиция "Долина" началась в Мясном Бору 23 апреля. Несколько тысяч поисковиков из России, Белоруссии и Казахстана работали в лесу две недели. Вместе с ними разыскивал погибших красноармейцев поисковый отряд из Германии. Было вынесено и похоронено 3,5 тыс. павших.

В 1995 г. в одной из воронок поисковики обнаружили 6 папок с документами штаба 2-й ударной армии: карты, схемы, списки личного состава, а также фрагмент донесения КЕ.Ворошилову о тяжелом положении армии. Всего за послевоенное время по 5 мая 1995 г. из Мясного Бора вынесено и похоронено 18 тыс. чел.. В мае 1996 г. вынесено 723 чел., в мае 1997 г. - 600 чел. (известны имена 28), в мае 1998 г. - 764 чел., найдены 30 медальонов и орден Красной

Звезды № 34760. 3 мая 1998 г. "Радио России" сообщило, что поисковая экспедиция "Долина" награждена Благодарственной грамотой от Государственной Думы РФ.

Важно отметить, что если раньше в Мясном Бору поиски велись разбросанно, исследовались лишь отдельные, чем-либо примечательные воронки, блиндажи, окопы, небольшие участки леса или болота, то с 1988 г. поисковики перешли к планомерному обследованию местности по квадратам. Начали с участка у деревни Мостки и бывшей деревни Любило Поле перед высоковольтной линией электропередач, где в феврале 1942 г. наступала 111-я дивизия, а затем шли бои на северном фланге коридора и где в июне прорывались подразделения 2-й ударной армии. Сейчас эта местность представляет собой большую поляну и мелколесье с огромными воронками, здесь лежат сотни погибших.

Почти каждая воронка или блиндаж в Мясном Бору являются точным ориентиром для поиска останков или военного снаряжения. Но зато на открытой местности поиски усложняются с каждым годом. Останки, лежащие на земле, покрываются слоем дерна и мха, словно, не дождавшись

помощи людей, сама природа начинает хоронить погибших. Например, утром 9 мая 1989 г. на левой стороне Южной дороги перед рекой Полистью под слоем дерна у большой воронки был обнаружен погибший советский офицер. Он стрелял по немецкому танку из противотанкового ружья и погиб, судя по положению останков, от ранения в живот. Над его головой выросло дерево, причем в процессе роста корень полностью вообрал в себя лицевую часть черепа и закрыл её со всех сторон. Офицера так и похоронили с этим куском корня. При себе у него был блокнот, но сохранились только чистые страницы.

Каждый из "пропавших без вести" в Мясном Бору погиб с оружием в руках. Это лучшее подтверждение того, что окруженные сражались до последней возможности. О их высоком боевом духе и преданности Родине свидетельствуют и многочисленные находки предсмертных писем с клятвой верности воинскому долгу. К таким находкам относится и шпала, обнаруженная Н.И.Орловым в сентябре 1966 г. в землянке недалеко от узкоколейки. На шпале выбита гильзами надпись "Мы победим!". Эту надпись выбили перед прорывом из окружения воины 13-го кавкорпуса русские А.Богданов, С.Веселов, А.Костров, А.Кудряшов, татарин З.Ульданов и молдаванин Костя. Теперь эта шпала экспонируется в Ногородском областном музее. В ряду таких находок и школьная карта Германии,

обнаруженная у погибшего старшего политрука комиссара разведотдела 2-й ударной армии В.И.Матрошилова, останки которого найдены братьями А.И. и В.И.Орловыми в Большом Замошском болоте в августе 1976 г. В публикации о гибели В.И.Матрошилова в газете "Комсомольская правда" 30 сентября 1976 г. нет сообщения о находке карты, а между тем это одно из ярких свидетельств того, как в тяжелейших условиях люди не теряли веру в конечную победу.

Нередко при обследовании местности удается восстановить общую картину или обстоятельства гибели людей. Например, в августе 1985 г. на Северной дороге за Глушицей мною был обнаружен в блиндаже погибший сержант К.Е.Климов. При нем находились телефонный аппарат и карабин. Он вел бой до последнего патрона, не покинул боевой пост и погиб под вражеским танком. Но и танк не ушел — его уничтожила почти в упор располагавшаяся правее вдоль реки батарея. Осенью 1986 г. при вскрытии обвалившегося блиндажа между штабом армии и армейским госпиталем обнаружилось останки семи советских воинов и женщины-врача, которая не оставила раненых. Немцы убили их выстрелами в упор и замучили женщину.

Поиски в Мясном Бору позволяют не только восстановить имена погибших за Родину, но иногда дают возможность дополнить и уточнить официальные документы. Так, например, несколько лет назад у дороги от Керести на Малое Замошье, в 48 квартале леса, около уничтоженных автомобилей найден клубом "Сокол" сейф с документами 804-го отдельного автотранспортного батальона 2-й ударной армии. По рассказам ветеранов, машины были уничтожены шоферами перед выходом из окружения 23 июня. Из 366 человек, состоявших в списках батальона на 23 июня, вышло из окружения 140 воинов. Личный состав батальона не смог вынести сейф и не успел уничтожить документы. В раскрытый сейф была брошена спичка, отдельные документы обгорели, но всю плотную пачку бумаг огонь не взял. Документы более 40 лет пролежали под открытым небом и сохранились. Но удивительно другое — в официальных опубликованных перечнях частей и соединений 2-й ударной армии 804-й автобатальон не значится. Формировался батальон, как следует из его документов, в Москве и Ярославле.

Отряд "Сокол" и экспедиция "Долина" начали в последнее время привлекать для поисковой работы документы Центрального Архива Министерства обороны, где имеются сведения не только о ходе событий, но и о могилах павших. Информация архива позволяет установить и место могилы и имена погибших. Например, у

деревни Мясной Бор есть несколько малоприметных холмиков. Они не состоят на учете в военкомате и как могилы официально не существуют. Но из документов архива, из фонда 830-го арtpолка 305-й дивизии следует, что здесь похоронены командир полка Николай Григорьевич Журавлев (убит бомбой 28 января 1942 г.), лейтенант Павел Николаевич Евлампиев, москвич, 1921 года рождения и 12 бойцов (погибли в бою). Здесь же похоронены убитые вражеским снарядом во время проводов вышеназванных погибших инструктор полка по пропаганде старший политрук Петр Николаевич Петренко, 1911 г. рождения, лейтенант Есипов и сержант Кукулин. Будем надеяться, что со временем на их могилах установят памятные знаки.

Первые памятные знаки воинам Мясного Бора в виде скульптур воинов и мраморные плиты с именами павших были установлены в 1950-1960-х гг. на двух воинских кладбищах севернее и южнее деревни Мясной Бор. Затем, в 1969 г. отряд "Сокол" установил севернее деревни Мясной

Бор, на левой стороне шоссе, там, где начиналась фронтовая узкоколейка, символический памятник 18-му арtpолку РКК. За памятником, слева от бывшей узкоколейки, соорудили большие деревянные столы и скамьи. Здесь каждый год 9 мая собирались ветераны Мясного Бора, их родственники и поисковики. Но ветеранов с каждым годом становилось все меньше: сказывались и возраст и материальные трудности. В 1994 г. на встрече уже не было ни одного ветерана.

В 1977 г. южнее деревни Мясной Бор, у правой стороны шоссе, открыт символический памятник воинам 24-й гвардейской дивизии. Памятник (стела) объединен в один комплекс с сохранившимся здесь железобетонным дотом и траншеями — остатками левого фланга 150-го укрепрайона. В 1987 г. на той же стороне шоссе, ближе к Мосткам, сооружен монумент воинам 19-й гвардейской дивизии. Кроме того, на могилах северного кладбища у Мостков имеются отдельные памятные знаки, установленные отрядом "Сокол" и родственниками погибших. В августе 1982 г. совет ветеранов первого формирования 305-й дивизии установил здесь символический памятный знак (мраморную плиту) погибшим однополчанам. В 1997 г. у северного кладбища открыта часовня. В самом лесу можно встретить деревянные кресты с табличками, на которых обозначены имена найденных здесь погибших воинов. Такие кресты ставил в 1970-х гг. ленинградский клуб "Бригантина". В последнее время аналогичные таблички из нержавеющей стали следопыты и родственники погибших

устанавливают на кустах и деревьях. Например, у воронок в районе Южной дороги перед Полистью.

К сожалению, наряду с отдельными следопытами и поисковыми отрядами в Мясном Бору действуют группы мародеров, в основном из Санкт-Петербурга. Их интересует только оружие, ордена и медали, особенно - немецкие. После них нередко остаются разбитые лопатами опознавательные медальоны, на бумажных вкладышах которых уже ничего нельзя прочитать. За последние годы, когда в периодической печати появилось много материалов о боях в Мясном Бору, приток мародеров значительно усилился. Кроме того, в 1970-1980-х гг. авто-мотоклубы Прибалтики вывезли из Мясного Бора редкие образцы старой техники, часть которой они передали по обмену за рубеж. В последние годы рост массовости поискового движения тоже отрицательно сказался на составе и действиях некоторых поисковых групп, в частности, новгородских, из других городов области.

В Мясном Бору до настоящего времени сохранились многочисленные следы войны, памятники героизма советских воинов. Однако доступ к ним во многих случаях затруднен. Северная и Южная дороги существуют до сих пор. Они начинаются у бывшего переезда севернее станции Мясной Бор и идут строго на северо-запад до реки Кересть, пересекая реку Полисть, Большое Замошское болото и Глушипу. Но обе они на участке до реки Полисть разворочены бомбами и танками, а после войны - тягачами и лесовозами, залиты водой. Особенно сильно разбил лесовоз Южную дорогу в 1992 г., с 1995 г. ее уродует вездеход. После крупных лесных пожаров 1946 и 1959 гг. заболачивание местности здесь значительно усилилось. К тому же бобры, запущенные сюда в послевоенный период, построили на Полисти плотины, что привело к непомерному разливу реки, особенно весной. Чем ближе к Большому Замошскому болоту, тем рельеф повышается, дороги суше, есть места, где полностью сохранился бревенчатый настил. На болоте дороги соединены бревенчатой рокадой, проложенной немцами. За Глушицей дороги сухие. Старый лес почти весь погиб в войну, много новых посадок. В старых деревьях в районе Северной дороги, вверху, можно увидеть торчащие штыки — следы рукопашного боя. От узкоколейки осталась одна насыпь, лишь участок ближе к Керести имеет рельсовый путь. Рельсы заблаговременно сняли немцы перед отступлением в 1944 г., когда предпочли оставить Мясной Бор без боя. Вдоль дорог и в глубине леса

сохранилась разбитая техника. Причем встречаются редкие ныне экземпляры автомобилей и бронетехники.

Напротив деревни Мясной Бор, левее Южной дороги, перед высоковольтной линией электропередач сохранились железобетонные доты (диам. — 1,7 м, вые. — 1,8 м), окопы и траншеи 150-го укрепрайона на месте бывшей деревни Теремец-Курляндский. По рассказам ветеранов, где-то здесь, в Теремце-Курляндском, находятся две траншеи длиной 30 м и глубиной 2 м, в которых похоронены советские воины. Недалеко отсюда окопы переднего края вражеской обороны. Вне пределов Мясного Бора, у деревни Радищеве сохранились немецкие доты - остатки противостоящего укрепрайона противника.

В Мясном Бору известно несколько немецких кладбищ и кладбище латышского легиона СС, воевавшего здесь после завершения Любанской операции. Встречается много немецких бревенчатых минометных площадок, немецкого военного имущества. За Глушицей, по Южной дороге, справа, на большой поляне, где было последнее место штаба 2-й ударной армии, сохранились блиндажи и кирпичные фундаменты сараев и барачков. На других участках также много сохранившихся блиндажей, траншей, окопов, проволочных заграждений, причем для некоторых можно установить их принадлежность определенным частям. Многие блиндажи еще не исследованы. На месте аэродрома 2-й ударной армии у Южной дороги и реки Кересть, рядом с современной узкоколейкой попадаются сложенные из камней площадки для зенитных орудий и пулеметов. Останки погибших советских воинов еще встречаются в лесу повсеместно. Степень сохранности реальных следов войны и масштаб происшедшей здесь трагедии позволяют поставить вопрос об объявлении Мясного Бора государственным заповедником в качестве памятного исторического места Великой Отечественной войны, памятника мужества и стойкости нашего народа. Вопрос о заповеднике в Мясном Бору обсуждался в 1981 и 1987 гг. на военно-исторических конференциях по истории Любанской операции, неоднократно ставился перед новгородскими властями, но безрезультатно. В 1994 г. опушка Мясного Бора была предназначена для прокладки скоростной железнодорожной магистрали Москва-Петербург. Над памятью жертв войны готовилось новое кощунство. Но, слава Богу, 1 июля 1998 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин своим Указом отменил строительство магистрали по причинам экономическим.

Еще землянок черные берлоги Сухим былъем с краев занесены, Зияют в чаще по краям дороги, Но этот лес — живой музей войны. В.Наумова. "Снова лето"

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Героическая борьба 2-й ударной, 52-й и 59-й армий спасла измученный Ленинград, который мог не выдержать нового штурма, оттянула на себя более 15 вражеских дивизий (в том числе 6 дивизий и одна бригада были переброшены из Западной Европы), позволила нашим войскам под Ленинградом захватить инициативу. Командование 18-й немецкой армии отмечало, что "если бы этот прорыв сочетался с фронтальным ударом Ленинградского фронта, то значительная часть 18-й армии была бы потеряна, а остатки ее были бы отброшены на запад". К сожалению, Ленинградский фронт не мог тогда нанести встречный удар.

Неудачное завершение Любанской операции и трагедия 2-й ударной армии не были случайны. Они явились результатом взаимодействия объективных и субъективных причин. К объективным причинам относится, прежде всего, значительный перевес врага в силах, технических средствах и обеспеченности боеприпасами. Сказались и ошибки РККА в организации действий, причем на всех уровнях. В связи с этим участник боев у Мясного Бора маршал авиации Герой Советского Союза А.П.Силантьев отмечал: "Когда Вторая ударная армия гибла в волховских болотах, мы видели, что это результат просчета и Верховного Главнокомандования. Я полгода висел над этой армией и потерял там много боевых товарищей. Гибель армии была величайшей трагедией тысяч солдат и офицеров, всю вину за которую потом свалили на изменника генерала Власова. Нелепо оправдывать предателя, но истина в том, что армия ему досталась уже в катастрофическом состоянии"². Действительно, судьбу 2-й ударной армии во многом определили просчеты Ставки, т.е. Сталина, в планировании всей зимней кампании 1942 г.: сроки проведения важнейших операций выдвигались не реальные, не обеспеченные материальными и людскими ресурсами, стратегические резервы расплывались по нескольким фронтам и направлениям. Это привело к катастрофам под Вязьмой, в Крыму, под Харьковом, затем в Мясном Бору и завершилось прорывом немцев к Сталинграду и Кавказу. Невысокий уровень стратегического руководства применительно к Волховскому фронту

проявился в приказе Ставки ввести 2-ю ударную армию в узкую щель, едва пробитую в обороне врага. Глубоко ошибочными оказались и дальнейшие распоряжения Сталина, когда неосмотрительная поспешность сменилась чрезмерным промедлением с приказом о выводе армии из окружения. Может быть, Сталин сознательно жертвовал окруженной армией, рассчитывая до последней возможности отвлекать на нее вражеские войска непосредственно из-под Ленинграда? Отрицательную роль в проведении Любанской операции сыграла также неспособность Ставки наладить взаимодействие Волховского фронта с 54-й армией Ленинградского фронта, между тем как именно обеспечение взаимодействия фронтов и составляет одну из прямых функций Ставки. План общего наступления 54-й и 2-й ударной армий Ставка разработала только к 28 февраля, когда наступление волховцев на Любань уже выдохлось. Другим крупным просчетом Сталина явилось решение ликвидировать Волховский фронт, что в свою очередь имело тяжелые последствия.

К сожалению, воевать не умел тогда не только Сталин, учились воевать и многие представители высшего и среднего комсостава, их слабая профессиональная подготовка усугубила все прочие недостатки в осуществлении Любанской и других операций 1942 г. Здесь объективный и субъективный факторы слились вместе, причем субъективный фактор усилился негативным воздействием на руководство волховских армий со стороны Мехлиса, Ворошилова и Маленкова. Они были представителями Ставки в штабе Волховского фронта, но задача их заключалась не в координации действий Волховского и Ленинградского фронтов, а в оказании давления на Мерецкова и командующих армиями, чтобы "любой ценой" выполнить приказы Сталина. Это приводило к неоправданным потерям в людях и средствах, но именно так функционировала сталинская система. Представители Ставки ничем не улучшили положение Волховского фронта и 2-й ударной армии. Мехлис, Ворошилов и Маленков по своим способностям могли выполнять лишь задачи партийных комиссаров, но непосредственное руководство войсками было выше их сил.

Когда Сталин убедился, что Любанская операция провалилась, он вызвал Ворошилова к прямому проводу и предложил ему возглавить вместо Мерецкова Волховский фронт. Ворошилов в испуге отказался. Тогда 1 апреля 1942 г. Сталин лично продиктовал и подписал решение Политбюро ЦК ВКП(б). В этом документе с грифом "строго секретно" приводились в двух первых пунктах свидетельства

несостоятельности Ворошилова как военного руководителя, начиная с советско-финской войны 1939—1940 гг. и заканчивая обороной Ленинграда в 1941 г. Подчеркнув "серьезные ошибки" Ворошилова на посту главкома Северо-Западного направления, Сталин отмечал, что "ввиду всего этого Государственный Комитет Обороны отозвал т.Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу". Далее в документе следовал пункт 3: "Ввиду просьбы т.Ворошилова, он был командирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание т.Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность т.Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил т.Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но тов. Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет проваливаться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.
2. Направить т.Ворошилова на тыловую военную работу".

Любанская операция, таким образом, положила конец карьере Ворошилова как полководца и тем самым избавила другие фронты от опасных последствий его некомпетентности.

Сражения 1942 г. на Волхове внесли заметный вклад в Победу. Бои за Мясным Бором и в "Долине смерти" показали силу духа и верность Родине наших воинов. Эти бои отражены в огромном комплексе исторических памятников, которые являются свидетелями и участниками событий. Памятники Мясного Бора хранят воспоминания о храбрости и чести и никогда не позволят забыть о великом подвиге народа. Недаром сказано в песне новгородских партизан:

"Как боролись с гадюкою вражьей,

Сколько крови впитала земля?

-Пусть березки родные расскажут,

Пусть расскажут родные поля".

На карте Новгородской области нет сегодня деревень Любино Поле, Копцы, Крутик, Земтицы, Теремец-Курляндский, Кречно, Новая Кересть... Они сгорели в огне войны и больше не возродились. В лесных урочищах остались лежать десятки тысяч бойцов и командиров 2-й ударной, 52-й и 59-й армий Волховского фронта. В неудаче Любанской операции нет их вины. Они сделали все, что могли. Их мужество умножило славу Отечества. Каждый метр Мясного Бора полит их кровью, отмечен их смертью. Они лежат в болотах и мхах, на полянах и в чаще, в ручьях и реках. Они стали этой землей, этим лесом, этой водой. Мясной Бор превратился в 1942 г. в одно огромное кладбище. Создание здесь заповедной зоны навсегда увековечило бы массовый героизм наших воинов, явилось бы лучшим памятником трагедии и подвигу 2-й ударной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1 Битва за Ленинград: 1941-1944. Л., 1962; Битва за Ленинград /Под общ. ред. ген. — лейт. С.П.Платонова. М., 1964; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974; История Второй мировой войны: 1939-1945. М., 1975. Т. 5; От Енисея до Эльбы. Боевой путь Красноярских формирований в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 1975; Иноземцев ИГ Под крылом — Ленинград. Боевой путь ВВС Ленинградского военного округа и 13-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1978.

2 Верховцева З.П. Рубежи бессмертия (Кузбассовцы в боях за Родину). Кемерово, 1967; Верховцева З.П. Солдаты Сибири. 1941-1945. Изд. 2-е. Кемерово, 1985 (Изд. 1-е. Кемерово, 1978); Верховцева З.П. Стояли насмерть. 376-я Псковская Краснознаменная стрелковая дивизия кузбассовцев в боях за Родину. 1941-1945. Кемерово, 1984; Коровников И.Т., Лебедев ПС, Поляков Я.Г. На трех фронтах. Боевой путь 59-й армии. М., 1974 (далее — На трех фронтах); Герасимов П. Для советских солдат не было непреодолимых преград //Военно-исторический журнал. 1967. № 7; Гагарин С. Правда и легенды о войне //Вопросы литературы. 1989. № 7; Мерецков К. На Волховских рубежах //Военно-исторический журнал. 1965. № 1; Хозин М. Об одной малоисследованной операции //Военно-исторический журнал. 1966. № 2.

3 От Енисея до Эльбы :Боевой путь красноярских формирований... Красноярск, 1975; Любанская наступательная операция: январь-июнь 1942г. (Рукописи докладов и сообщений). Л., 1981. (Далее- ЛНО). Архив автора.

4 Бои на Волхове /Под ред. И.Е.Родаченко. Ярославль, 1945; На берегах Волхова. Л., 1967; На Волховском фронте. 1941-1944 гг. М., 1982; Вязинин КН., Краснопевцев Е.М. Дорогами боевой и трудовой славы. В помощь туристам краеведам. Новгород, 1975; Вязинин Й.Н., Тэммо А.М. Дорогами народного подвига. Краеведческие очерки. Л., 1981.

5 Геродник Г. Размышления над останками "Пантеры" //Новый мир. 1980. № 7; Геродник Г.И. Моя фронтовая лыжня. Таллин, 1983; Геродник Г. Память //Знамя. 1986. № 5; Рождественская Л.А. В поиске - "Сокол". Л., 1984.

6 Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские...//Военно-исторический журнал. 1993. № 1-6.

7 На Волховском фронте: Воспоминания ветеранов /Сост. Д.К.Жеребов, Л., 1978; Вторая ударная в битве за Ленинград. Воспоминания, документы. Л., 1983; Шли в бой коммунистами. Л., 1987.

8 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. Л., 1986; Винницкий Л.Г. Бойцы особого фронта. Записки офицера разведки. Л., 1980; Вишневский А.А. Дневник хирурга. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., 1967; Геродник Г.И. Моя фронтовая лыжня. Таллин, 1983; Дегтярев Г.Е. Таран и щит. М., 1966; Калашников К.Ф. Право вести за собой. М., 1981; Кошевой П.К. В годы военные. М., 1978; Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. М., 1971; Левин ИИ Записки военного переводчика. М., 1981; Левин ИИ Кажется, это было вчера..Записки офицера разведки. М., 1990; Пекелис В. Огненный коридор //Техника — молодежи. 1989. № 5; Самухин В.П. Волховские партизаны. Рассказ о борьбе ленинградских

партизан в полосе Волховского фронта. Л., 1969; Мерецков К.А. На службе народу. Изд. 5-е. М., 1988.

9 Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. Т. 3. М., 1971; Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера в Ставке германского верховного командования (1941—1942), записанные Генрихом Геймом и Генри Ликером и изданные последним. Смоленск, 1993; Шелленберг В. Мемуары. М., 1991.

Глава I. ВОЛХОВСКИЙ РУБЕЖ

- 1 Мерецков К.А. На службе народу. С. 175-212, 220-246.
- 2 На трех фронтах. С. 6.
- 3 Гаврилов Б., Славин С. Белые пятна войны — черная краска цензуры //Техника - молодежи. 1989. №5. С. 24.
- 4 Степанов А.С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы //Военно-исторический журнал (далее - ВИЖ). 1993. № 5. С. 62.
- 5 Цит. по: Левин И.И. Генерал Власов по ту и эту линию фронта. С. 20-22.
- 6 Юмашева Ю.Ю. Командовали фронтами //ВИЖ. 1993. № 5. С. 26.
- 7 Глазунов В.Н. Суровые годы //Южнее озера Ильмень. Сборник воспоминаний/Сост. В.С.Кислинский. Л., 1980. С. 25-26.
- 8 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 65; Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 56; Грачев Л.П. Дорога от Волхова. Л., 1983. С. 156-157.
- 9 Верховцева З.П. Солдаты Сибири. 1941-1945. Кемерово, 1985. С. 89-94; Шамшурин Ю.И. Начало пути... //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 16-17,18.
- 10 Лобанов А.Д. Вспомним всех поименно //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 24-25; Измайлов Л.Г. 267-я стрелковая дивизия в боях на Волховском фронте //ЛНО. С. 210-211.
- 11 Цит. по: Левин ИИ Генерал Власов. С. 22-23.
- 12 Жуков ГК. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 368-369, 381-382.
- 13 Мерецков К.А. На службе народу. С. 252.
- 14 На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 202.
- 15 Мерецков К.А. На службе народу. С. 254.
- 16 Антюфеев ИМ. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 27.
- 17 Левин ИИ Кажется, это было вчера. С. 282.
- 18 Жуков ГК Указ. соч. С. 375.
- 19 Боевой устав пехоты Красной Армии. М., 1942. С. 32.
- 20 Мерецков К.А. На службе народу. С. 253.
- 21 Иноземцев ИГ Указ. соч. С. 113; На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 202.
- 22 Мерецков К.А. Указ. соч. С. 245, 248-249, 254-255.

- 23 Там же. С. 250.
- 24 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 151, 152-153.
- 25 Кузнецов В.А. Начало пути //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 87.
- 26 Клыков Н.К. На Любанском и Синявинском направлениях //Там же. СП; Бородавка Н.П. 92-я стрелковая дивизия в Любанской операции //ЛНО. С. 252; Герасимов П. Для советских солдат не было непреодолимых преград //ВИЖ. 1967. № 7. с. 64; Петров ПИ Любанская наступательная операция //ЛНО. С. 30.
- Антюфеев И.М. Боевые действия 327-й стрелковой дивизии (январь — июнь 1942 г.) //ЛНО. С. 145.
- 28 Зубарев С. С. Уральские лыжные батальоны в боях Любанской операции //ЛНО. С. 275.
- 29 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 159.
- 30 Герасимов П. Указ. соч. //ВИЖ. 1967. № 7. С. 62.
- 31 На трех фронтах. С. 16-17.
- 32 Белов А.Р. От Волхова до Балтики //Шли в бой коммунистами. С. 11-13; Белов А. На трех фронтах // От Енисея до Эльбы. С. 113.
- 33 Мерецков К.А. Указ. соч. С. 249.
- 34 Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации (далее - ЦАМОРФ). Ф. 309. Он. 4073. Д. 8. Л. 5-6.
- 35 Цит. по: Белан П. Казахстанцы в боях за Ленинград. Алма-Ата, 1973. С. 104.
- 36 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 165.
- 37 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 8. Л. 8-9.
- 38 Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 57; Цит. по: Гагарин С. Правда о Второй Ударной //Советская Россия. 1987. 12 августа.
- 39 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 12-14.
- 40 Там же. Л. 8-8-об.
- 41 Петров ПИ Указ. соч. //ЛНО. С. 20.
- 42 Самухин В.П. Указ. соч. С. 70-74, 95.
- 43 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 170.
- 44 Антюфеев И.М. Боевые действия... //ЛНО. С. 146.
- 45 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 26. Л. 36, 45.
- 46 Там же. Ф. 267 сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-4; Измайлов Л.Г. 267-я стрелковая дивизия в боях на Волховском фронте //ЛНО. С. 213-214.

- 47 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 8. Л. 8.
- 48 Антюфеев И.М. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 31-32.
- 49 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 8. Л. 8-9; Ф. 1812. Оп. 1. Д. 3. Л. 86-87.
- 50 Венец ИХ. О боях 59 стрелковой бригады в Любанской операции 2-й ударной армии //ЛНО. С. 102-106.
- 51 ЦАМОРФ. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.
- 52 Там же. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 8. Л. 23.
- 53 На трех фронтах. С. 16; Быковский В.Я., Перегудов М.С. Мужество, отвага, стойкость //Шли в бой коммунистами. С. 79-80.
- 54 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 26. Л. 46.
- 55 Там же. Ф. 1612. Оп. 3845. Д. 14. Л. 3.
- 56 Там же. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 26. Л. 74.
- 57 Там же. Л. 46.
- 58 Там же. Ф. 204. Оп. 125. Д. 17. Л. 37-40.
- 59 Там же. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 588. Л. 42.
- 60 Там же. Ф. 408. Оп. 10020. Д. 22. Л. 162.
- 61 Там же. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 14. Л. 31.
- 62 Там же. Д. 8. Л. 24.
- 63 Там же. Д. 14. Л. 38.
- 64 На трех фронтах. С. 16.
- 65 Сенкевич И. Испытание у Мясного Бора //От Енисея до Эльбы. С. 140.
- 66 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 172, 176.
- 67 Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 168-169.
- 68 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 176, 177, 178.
- 69 Мерецков К. На Волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 60, 61.
- 70 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 178.
- 71 Зубарев С. С. Указ. соч. //ЛНО. С. 276.
- 72 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 2. Л. 104.
- 73 Там же. Д. 14. Л. 161.
- 74 Там же. Д. 2. Л. 109.
- 75 Антюфеев ИМ. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 31.
- 76 Крупица К.К. Любанская наступательная операция //ЛНО. С. 35.

- 77 Клыков Н.К. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 17.
- 78 Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 60.
- 79 Петров П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 22.
- 80 Клыков Н.К. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 15-16;
Крупица К.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 36.
- 81 Мерецков К. Указ. соч. //ВИЖ. 1965. № 1. с. 60.
- 82 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп.4073. Д. 2. Л.113.
- 83 Там же. Д. 14. Л. 332.
- 84 Там же. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 3. Л. 139-140.
- 85 Фронтальная правда. 1942. 7 февраля.
- 86 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 2. Л. 117.
- 87 Курепин Н.Ф. В ту тяжелую годину... //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 66-67.
- 88 Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 110.
- 89 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 36.
- 90 Венец И.Х. Указ. соч. //ЛНО. С. 104.
- 91 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 180.

Глава П. ЗА МЯСНЫМ БОРОМ

- 1 Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727—1917 гг.). Очерки по административно-территориальному делению /Под ред. Г.М.Дейча. Л., 1972. С. 67-68, 165; Крылов В.А. Указ. соч. С. 46.
- 2 Венец И.Х. Указ. соч. //ЛНО. С. 107; Соколов В.Н. 13-й кавалерийский корпус в боях Любанской операции //ЛНО. С. 77.
- 3 Мерецков К.А. На службе народу. С. 260.
- 4 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 183, 184, 185, 186.
- 5 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 14. Л. 660.
- 6 Там же. Л. 674.
- 7 Там же. Л. 780.
- 8 Там же. Л. 779.
- 9 Фронтальная правда. 1942. 8 февраля.
- 10 Цит. по: Колесников М.Е. Уральские лыжники в Любанской операции //ЛНО. С. 270-271.

- 1' Мерецков КА. На службе народу. С. 259-260.
- 12 Мерецков К. На Волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 62.
- 13 Вишневский А.А. Дневник хирурга. Великая Отечественная война 1941— 1945 гг. М., 1967. С. 134-135.
- 14 Горбунов Г.И. О месте 59 отдельной стрелковой бригады в Любанской операции 2-й ударной армии Волховского фронта //ЛНО. С. 131-135; Венец И.Х. Указ. соч. //ЛНО. С. 107-112; Сотник П.И. Боевые действия 25-й кавалерийской дивизии в Любанской операции //ЛНО. с. 88-89.
- 15 Соколов В.Н. Указ. соч. //ЛНО. С. 78.
- 16 Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 87-88; Колесников М.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 272.
- 17 Самухин В.П. Указ. соч. С. 41.
- 18 Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 88-89.
- 19 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 8. Л. 45.
- 20 Там же. Л. 48.
- 21 Там же. Д. 15. Л. 204-209.
- 22 Там же. Д. 8. Л. 64.
- 23 Там же. Д. 15. Л. 378-379.
- 24 Там же. Д. 1. Л. 228.
- 25 Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 88-89.
- 26 МязинД.Е. [Воспоминания] //ЛНО. С. 96.
- 27 Там же.
- 28 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 191.
- 29 Колесников М.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 272.
- 30 Клыков Н.К Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 17-18.
- 31 Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 89; Колесников М.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 272, 273.
- 32 Мерецков К.А. На службе народу. С. 260.
- 33 Колесников М.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 272.
- 34 Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 89-90.
- 35 Самухин В.П. Указ. соч. С. 106-109.
- 36 На Волховском фронте. 1941-1944. С. 204.
- 37 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 26. Л. 46.
- 38 Там же. Д. 24. Л. 18.

- 39 Измайлов ЛТ. Указ. соч. //ЛНО. С. 216-218.
- 40 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 25. Л. 60, 84, 85, 88.
- 41 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 189.
- 42 Платицин В.В. У стен древнего Новгорода //Южнее озера Ильмень, с. 43-52.
- 43 Мерецков КА. На службе народу. С. 226.
- 44 Курочкин ПА. Не померкнет в веках //Южнее озера Ильмень. С. 12-13.
- 45 ЦАМОРФ. Ф. 1612. Оп. 3845. Д. 14. Л. 3-4.
- 46 Там же. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 18.
- 47 Письмо М.К.Карягина, бывшего командира 4-й стрелковой роты 2-го батальона 1002-го стрелкового полка 305-й стрелковой дивизии. Архив автора.
- 48 ЦАМОРФ. Ф. 1612. Оп. 3845. Д. 14. Л. 3-4.
- 49 Геродник Г.И Моя фронтовая лыжня. Таллин, 1983. С. 52, 65, 69, 92, 108-111.
- 50 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л.85-85-об.
- 51 Там же. Л. 25.
- 52 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 71-77; Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. ПО.
- 53 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 85-86.
- 54 Там же. Д. 26. Л. 91-92.
- 55 Там же. Д. 24. Л. 30.
- 56 Там же. Л. 85 об.-86.
- 57 Там же. Л. 25.
- 58 Соколов В.Н. Указ. соч. //ЛНО. С. 77.
- 59 Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 49.
- 60 Огуречников И.П. Боевые действия 1100 стрелкового полка 327 стрелковой дивизии //ЛНО. С. 181-184.
- Кочепасов СИ. Воспрминания о боевых действиях 1102 стрелкового полка 327 стрелковой дивизии //ЛНО. С. 187; АнтюфеевИ.М. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 32-33; Антюфеев И.М. Боевые действия ... //ЛНО. С. 146.
- 62 Зубарев С. С. Указ. соч. //ЛНО. С. 277.
- 63 АнтюфеевИ.М. Боевые действия... //ЛНО. С. 146.
- 64 Сенкевич И. Указ. соч. //От Енисея до Эльбы. С. 143-146.
- 65 Зубарев С. С. Указ. соч. //ЛНО. С. 278.

- 66 Кудинов И.А. Комиссар Шелепин //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 47-51.
- 67 Кондратов В.С. Трудные испытания //Там же. С. 82.
- 68 На трех фронтах. С. 15, 20, 21; Анодин С, Комлев И., ПолятковА., Айрапетян Г. В боях за Родину //На берегах Волхова. Л., 1967. С. 67-68; Круглое Н.И. О боевых действиях 92-й стрелковой дивизии в составе 2-й ударной армии //ЛНО. С. 238.
- 69 Бородавка Н.П. Указ. соч. //ЛНО. С. 251-252.
- 70 Круглое Н.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 238.
- 71 Белов А.Р. Указ. соч. //Шли в бой коммунистами. С. 13-14.
- 72 Крылов В.А. День за днем //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 90; Геродник Г.И. Моя фронтовая лыжня. С. 124-150.
- 73 Сенкевич И. Указ. соч. //От Енисея до Эльбы. С. 156.
- 74 Вишневский А.А. Указ. соч. С. 142-143, 144.
- 75 Там же. С. 142-143.
- 76 ЦАМОРФ . Ф. 1612. Оп. 3845. Д. 14. Л. 3; Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 62; На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 130.
- 77 Токарев К. Снежная кавалерия //Идущие впереди. Очерки о коммунистах и комсомольцах. М., 1949. С. 38, 42,44.
- 78 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 87.
- 79 Падерин В.П. 364 полевой передвижной хирургический госпиталь //ЛНО. С. 344.
- 80 Венец ИХ. Указ. соч. //ЛНО. С. 114.
- 81 Соколов В.Н. Указ. соч. //ЛНО. С. 78-80.
- 82 Там же. С. 79.
- 83 Комсомольская правда. 1989.29 апреля.
- 84 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 90.

Глава III. ЛЮБАНЬ

- 1 Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 155,159,171.
- 2 Сотник ПИ Указ. соч. //ЛНО. С. 89-90; Кочепасов СИ Указ. соч. //ЛНО. С. 190; Антюфеев И.М. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 34-35.
- 3 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 202.
- 4 Самухин В.П. Указ. соч. С. 109.

- 5 Петров ПИ Указ. соч. //ЛНО. С. 23; Сотник ПИ Указ. соч. //ЛНО. С. 89-90; Кочепасов СИ Указ. соч. //ЛНО. С. 190; Антюфеев И.М. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 34-35.
- 6 Антюфеев ИМ. Боевые действия...//ЛНО. С. 147.
- 7 Сотник ПИ Указ. соч. //ЛНО. С. 90; Клыков ПК Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 18.
- 8 Антюфеев И.М. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 35.
- 9 Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 90-91; Антюфеев ИМ. Боевые действия...//ЛНО. С. 147-148.
- 10 Таут М.П. Комдив Афанасий Лапшов //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 57-59.
- 11 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. №2. С. 36-37; На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 30.
- 12 Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 64-65.
- 13 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 205.
- 14 Мерецков К. На службе народу. С. 264.
- 15 Там же. С. 262-265.
- 16 На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 206.
- 17 Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 3. С. 4-8, 9-10; Левин И.И. Генерал Власов по ту и эту линию фронта. С. 11-12,15.
- 18 Токарев К. Волховское эхо. Из записок бывшего биографа генерала Власова //Татарстан. 1991. № 2. С. 83.
- 19 Эренбург ИГ Люди, годы, жизнь. Книга пятая и шестая. М., 1966. С. 60-63.
- 20 Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 3. С. 4-8, 9-11.
- 21 Бензин Г.А. К вопросу о Любанской операции //ЛНО. С. 258.
- 22 Белокопытов В.И. 92-я стрелковая дивизия в Любанских боях //ЛНО. С. ,, 269.
- 23 Бензин Г.А. Указ. соч. //ЛНО. С. 258.
- 24 Хмельницкий А.С. В боях за Мясным Бором //ЛНО. С. 246-247.
- 25 Антюфеев И.М. Боевые действия ...//ЛНО. С. 148; Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 88.
- 26 Колесников М.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 273.
- 27 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 210.

- 28 Там же. С. 211-213, 215, 217-219, 222-223; Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 65; На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 31.
- 29 Зубарев С. С. Указ. соч. //ЛНО. С. 278.
- 30 Мерецков К.А. На службе народу. С. 266; Вишневский А.А. Указ. соч. С. 151.
- 31 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 88.
- 32 Гагарин С. Правда о Второй ударной //Советская Россия. 1987. 12 августа.
- 33 Мязин Д.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 96; Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 91-92.
- 34 Курепин Н.Ф. Пуговка и сорокопятка //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 74-77.
- 35 Измайлов Л.Г. Указ. соч. //ЛНО. С. 220; Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 109-110; ЦАМОРФ. Ф. 1612. Оп. 3845. Д. 14. Л. 3-4.
- 36 Измайлов Л.Г. Указ. соч. //ЛНО. С. 218, 220-224; ЦАМОРФ. Ф. 267 сд. Оп. 1.Д. 1.Л.43.
- 37 Семенов ДМ. Не забудутся первые бои //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 101-103, 105.
- 38 Сергеев КВ. В окружении //Шли в бой коммунистами. С. 103-104.
- 39 Зубарев С. С. Указ. соч. //ЛНО. С. 278.
- 40 Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 67.
- 41 Крылов В.А. Указ. соч. С. 48.
- 42 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 87.
- 43 Вишневский А.А. Указ. соч. С. 152.
- 44 Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 171.
- 45 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 210, 211.
- 46 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 87.
- 47 Бахарев Ф. Зенитчики на боевых постах //ЛНО. С. 322-323.
- 48 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 212-214.
- 49 Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 63; Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 171-172.
- 50 Мерецков К.А. На службе народу. С. 267-269.
- 51 Там же. С. 268-269.
- 52 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 87.
- 53 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 215.

- 54 ЦАМОРФ. Ф. 416. Оп. 10437. Д. 13. Л. 12; Болотин А.И. О некоторых особенностях действий 2-й ударной армии в Любанской операции //ЛНО. С. 57; Крупица К.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 42; Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 38.
- 55 Болотин А.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 57.
- 56 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 25. Л. 124.
- 57 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 78-82.
- 58 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 87.
- 59 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 215.
- 60 Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 112.
- 61 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 87-88.
- 62 Исаков Г. 376 сд в боях по деблокаде 2-й ударной армии //ВИЖ. 1993. № 5. С. 8; Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 103, 105; Верховцева З.П. Стояли насмерть. С. 61-63.
- 63 Крылов В.А. День за днем //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 91.
- 64 Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //Там же. С. 113.
- 65 Иноземцев ИГ Указ. соч. С. 116.
- 66 Цит. по: Анодин С, Комлев И, Полятков А., Айрапетян Г. Указ. соч. //На берегах Волхова. С. 69-70.
- 67 Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 105.
- 68 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 88.
- 69 Мерецков К.А. На службе народу. С. 270; Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. С. 51.
- 70 Пекелис В. Огненный коридор //Техника - молодежи. 1989. № 5. С. 26.
- 71 Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 106-109.
- 72 Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. С. 51.
- 73 Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 109-110.
- 74 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л.88.
- 75 Жеребое Д.К У Мясного Бора //ЛНО. С. 334-335.
- 76 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 93.
- 77 Верховцева З.П. Стояли насмерть. С. 70.
- 78 Самухин В.П Указ. соч. С. 111-112.

- 79 На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 131.
- 80 Цит. по: Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 110-112.
- 81 На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 33.
- 82 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 88-89.
- 83 Там же. Л. 89; Д. 45. Л. 2.
- 84 Там же. Д.45. Л.4-5.
- 85 Там же. Д. 24. Л. 89; Д. 45. Л. 4-11.
- 86 Там же. Д.45. Л. 11-13.
- 87 Там же. Д. 24. Л. 89.
- 88 Там же. Д. 45. Л. 17-19.
- 89 Отвага. 1942. 21 апреля.
- 90 ЦАМОРФ. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 3. Л. 289, 297; Д. 4. Л. 58.
- 91 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 215-219.
- 92 Клыков Н.К Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 20.
- 93 Самухин В.П. Указ. соч. С. 113.
- 94 Семенов Д.Н. Указ. соч. //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 103-105.
- 95 Белов А.Р. Указ. соч. //Шли в бой коммунистами. С. 16; Сергеев КВ. Указ. соч. //Там же. С. 104-114; Чулков Б.В. Сражения без выстрелов //Там же. С. 129; Маслов В.Г. Встретились врачи-однополчане //Там же. С. 140.
- 96 Лобанов АД. Вспомним всех поименно //Там же. С. 26-27; Измайлов Л. Листая "Правду" периода войны... //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 71-74; Измайлов Л.Г. 267-я стрелковая дивизия в боях на Волховском фронте //ЛНО. С. 225-228; На трех фронтах. С. 27-28.
- 97 Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. С. 54-68; Сергеев КВ. Указ. соч. //Шли в бой коммунистами. С. 104.
- 98 На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 206.
- 99 Соколов В.Н. Указ. соч. //ЛНО. С. 81.
- 100 Круглое НИ Указ. соч. //ЛНО. С. 240.
- 101 Смирнов Г.В. Рассказы об оружии. М., 1979. С. 37.
- 102 Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 113.
- 103 Крупица К.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 42-43.
- 104 Горбунов Г.И Указ. соч. //ЛНО. С. 135, 137.

- 105 Балакина (Назарова) Е.Л. Медсанрота 59-й отдельной стрелковой бригады //ЛНО. С. 140.
- 106 Соколов В.Н. Указ. соч. //ЛНО. С. 81-82.
- 107 Венец ИХ. Указ. соч. //ЛНО. С. 119.
- 108 Мязин Д.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 96-97; Аржанов Ф.М. . 191-я стрелковая//ЛНО. С. 229; ПанасюкМ.Д. Указ. соч. //ЛНО. С. 263.
- 109 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 227.
- 110 Хренов А. Ф. О Любанской операции. Январь - июнь 1942 г. //ЛНО. С. 5-6; Чекалин СВ. Инженерные войска Волховского фронта в обеспечении боев 2-й ударной армии в Любанской наступательной операции //ЛНО. С. 330.
- 111 Вишневский А.А. Указ. соч. С. 149, 294.
- 112 ГеродникГИ Указ. соч. С. 100-101.
- 113 Соколов В.Н. Указ. соч. //ЛНО. С. 82; Сотник ПИ Указ. соч. //ЛНО. С. 91.
- 114 Зубарев С.С. Указ. соч. //ЛНО. С. 276, 278-279.
- 115 Венец ИХ Указ. соч. //ЛНО. С. 115-117.
- 116 Дегтярев Г.Е. Таран и щит. М., 1966. С. 138-144; Вишневский А.А. Указ. соч. С. 162.
- 117 См., напр.: Мерецков КА. На службе народу. С. 265.
- 118 Вишневский А.А. Указ. соч. С. 137, 143, 158, 159.
- 119 Сенкевич И. Указ. соч. //От Енисея до Эльбы. С. 148.
- 120 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 218-219,222-223, 227.
- 121 ЖуковГК Указ. соч. С. 382-385.
- 122 История Второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. М., 1975. С. 158.
- 123 Кирсанов Н.А., Черемисов В. Ф. Женщины в войсках противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны //История СССР. 1975. № 3. С. 66-67.
- 124 Жуков ГК Указ. соч. С. 382.
- 125 ЦАМОРФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 168. Л.14-15; Гагарин С. Правда и легенды о войне //Вопросы литературы. 1988. № 7. С. 138-139.
- 126 Мерецков К.А. На службе народу. С. 265.
- 127 РешинЛ.Е., СтепановВ.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 3. с. 11.
- 128 См., напр.: Бобков Я.С. Слово о комиссаре //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 130-131.

129 Шляпин И.М. Любанская операция. Партийно-политическая работа //ЛНО. С. 67.

Глава IV. ДОЛИНА СМЕРТИ

1 Хозш М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 39.

2 Там же. С. 39-40.

3 Василевский А.М. Дело всей жизни. Изд. 6-е. М., 1988. Кн. 1. С. 183-184.

4 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 40.

5 Мерецков К.А. На службе народу. С. 271-272.

6 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 40; Бахарев Ф. Указ. соч. //ЛНО. С. 323-324.

7 Круглое НИ. Указ. соч. //ЛНО. С. 240.

8 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 41.

9 Хренов А.Ф. Указ. соч. //ЛНО. С. 2.

10 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 10009. Д. 41. Л. 63; Ф. 1812. Оп. 1. Д. 3. Л. 304.

11 Рухленко П.В. О боях 327-й стрелковой дивизии в Любанской операции //ЛНО. С. 155, 157, 159-161.

12 Панасюк М.Д. Указ. соч. //ЛНО. С. 263.

13 Рухленко П.В. Указ. соч. //ЛНО. С. 159-160.

14 Левин И.И. Кажется, это было вчера. С. 160-161.

15 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 10009. Д. 41. Л. 1, 70, 71.

16 Архив автора.

17 Бобков Я.С. Указ. соч. //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 131-132; Аржанов Ф.М. 191-я стрелковая Краснознаменная дивизия в боях Любанской операции //ЛНО. С. 197; Падерин В.П. Указ. соч. //ЛНО. С. 346.

18 На трех фронтах. С. 32.

19 Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. С. 68-70, 87.

20 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 45. Л. 20.

21 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 86.; Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 114-115.

22 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 87-89; Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 115.

23 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 41.

- 24 Шинкаренко М.Н., Ефимов Д.Е. Замполиты, политруки, а по-прежнему — комиссары //Шли в бой коммунистами. С. 67.
- 25 Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы . С. 70; Кузнецов В.А. Начало пути //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 92.
- 26 Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 114, 115.
- 27 Там же. С. 115.
- 28 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 93-94.
- 29 Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 112-114.
- 10
- 30 Бахарев Ф. Указ. соч. //ЛНО. С. 326-327.
- 31 Кузнецов В.А. Начало пути //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 95-96.
- 32 ЦАМОРФ. Ф. 408. Он. 9991.Д. 55. Л.40.
- 33 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 41-42.
- 34 Крылов В.А. День за днем //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 92; Бобков Я. С. Указ. соч. //Там же. С. 132-133; Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. С. 75-76, 81-85.
- 35 Заплетняк М.П. 662 авиационный полк в боях Любанской операции //ЛНО. С. 340.
- 36 Рухленко П.В. Указ. соч. //ЛНО. С. 161.
- 37 Кузнецов В.А. Начало пути //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 94, 97.
- 38 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 242, 243, 250, 251; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование /Под общ. ред. Г.Ф.Кривошеева. М., 1993. С. 256.
- 39 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 42.
- 40 Венец И.Х. Указ. соч. //ЛНО. С. 120.
- 41 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 28.
- 42 ЦАМОРФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 114. Л. 30.
- 43 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 99.
- 44 Гальдер Ф. Указ.соч. С. 253.
- 45 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 43.
- 46 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 255.
- 47 ЦАМОРФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 114. Л. 30.

- 48 Круглое НИ. Указ. соч. //ЛНО. С. 240.
- 49 Рухленко П.В. Указ. соч. //ЛНО. С. 164.
- 50 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 34. 5' На Волховском фронте. 1941-1944 гг. С. 206.
- 52 Рухленко П.В. Указ. соч. //ЛНО. С. 162.
- 53 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 89; Д.45. Л. 69-73; Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 31.
- 54 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 86.
- 55 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 89-90; Д. 45. Л. 73-77; Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 71.
- 56 Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 31-32; Аржанов Ф.М. Указ. соч. //ЛНО. С. 197-198.
- 57 Пит. по: Верховцева З.П. Стояли насмерть. С. 81.
- 58 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 89-90 об; Д.45. Л. 83, 86, 92, 98, 193; Д. 60. Л. 58; Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. с. 32.
- 59 Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. С. 95-96.
- 60 Вишневский А.А. Указ. соч. С. 171, 172.
- 61 Пит. по: Гагарин С. Правда о Второй Ударной //Советская Россия. 1987. 12 августа.
- 62 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 32, 33.
- 63 Хозин М. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 43.
- 64 Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы . С. 84.
- 65 Бобков Я.С. Указ. соч. //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 133.
- 66 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 32. 11
- 67 Вишневский А.А. Указ. соч. С. 176.
- 68 Болтина (Назарова) ЕЛ. Указ. соч. //ЛНО. С. 141-142.
- 69 Василевский А.М. Указ. соч. С. 184.
- 70 Мерецков К. На волховском рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 67-68.
- 71 Хренов А.Ф. Указ. соч. //ЛНО. С. 4-5.
- 72 Анодин С. и др. Указ. соч. //На берегах Волхова. С. 71.
- 73 Циг. по: Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 103.

- 74 Там же.
- 75 Битва за Ленинград. 1941-1944. Л., 1962. С. 176.
- 76 Белан П.С. Указ. соч. С. 108-109; Фомин В.И. Плацдарм //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 140-144.
- 77 Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 68.
- 78 Цит. по: Гагарин С.С. Мясной Бор. Роман в 3-х кн. М., 1991. С. 465-466.
- 79 Венец ИХ. Указ. соч. //ЛНО. С. 123-124.
- 80 Сенкевич И. Указ. соч. //От Енисея до Эльбы. С. 148-150.
- 81 Антипов К. В прорыве за Волхов. Военно-исторический очерк. Воронеж, 1989. С. 7-8.
- 82 Там же. С. 8-10; Рухленко П.В. Указ. соч. //ЛНО. С. 162-165; Антюфеев И.М. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 37.
- 83 Антюфеев И.МУказ. соч. С. 37.
- 84 Антипов К. Указ. соч. С. 12.
- 85 Цит. по: Антипов К. Указ. соч. С. 13.
- 86 Там же.
- 87 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 102.
- 88 Антипов К. Указ. соч. С. 16.
- 89 ЦАМОРФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 72. Л. 15; Гагарин С. Правда и легенды о войне //Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 136.
- 90 Антипов К. Указ. соч. С. 16-17.
- 91 Антюфеев И.М. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 38.
- 92 Цит. по: Гагарин С. Правда и легенды о войне //Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 136.
- 93 ЦАМОРФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 114. Л. 30.
- 94 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. № 5. С. 32-33; Круглое НИ Указ. соч. //ЛНО. С. 241; Бензин ГА. Указ. соч. //ЛНО. С. 264; Бобков Я.С. Указ. соч. //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 134.
- 95 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 34.
- 96 Там же.
- 97 Пикер Г. Указ. соч. С. 390.

- 98 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 90 об.-91; Д. 45. Л. 134-137; Гусев О.Н. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 65.
- 99 Жеребое Д.К У Мясного Бора //ЛНО. С. 337, 339.
- 100 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 91; Д. 45. Л. 138-146.
- 101 Мерецков К.А. На службе народу. С. 281.
- 102 ХозинМ. Указ. соч. //ВИЖ. 1966. № 2. С. 43.
- 103 Жеребое Д.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 339.
- 104 Крылов В.А. Обыкновенная гвардейцы. С. 84.
- 105 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 24. Л. 91 об.; Крупица К.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 45.
- 106 Документ опубликован в романе С. С.Гагарина "Мясной Бор". (С. 524).
- 107 Крупица К.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 45; Гусев ОМ. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 65.
- 108 АнтиповК. Указ. соч. С. 3, 18.
- 109 Кондратов В.С. Указ. соч. //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 84, 85.
- 110 Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. С. 84-86.
- 111 РешинЛ.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 93.
- 112 Андрейкович Т.П. На Чудовском шоссе //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 115-116.
- 113 СамухинВ.П. Указ. соч. С. 116.
- 114 АнтиповК Указ. соч. С. 18-20.
- 115 Крупица К.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 45.
- 116 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 272.
- 117 Мерецков КА. На службе народу. С. 282.
- 118 АнтиповК. Указ. соч. С. 21.
- 119 РешинЛ.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 3. С. 13; № 5. С. 29, 33, 34.
- 120 Там же; Мерецков КА. На службе народу. С. 282.
- 121 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 45. Л. 154.
- 122 Свидетельство А.В.Слепка. Опубликовано: Гагарин С. С. Мясной Бор. С. 524.
- 123 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 273.
- 124 Мерецков КА. На службе народу. С. 282.

- 125 Гагарин С. Вторая ударная //Советская Россия. 1982. 17 января.
- 126 Измайлов Л.Г. Указ. соч. //ЛНО. С. 231-232.
- 127 Мерецков КА. Указ. соч. С. 282; Крупица К.К. Указ. соч. //ЛНО. С. 46; Гусев ОМ. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 65-66.
- 128 Сенкевич И. Указ. соч. //От Енисея до Эльбы. С. 153.
- 129 Антюфеев И.М. До последнего дыхания //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 38.
- 130 Мерецков К.А. Указ. соч. С. 285-287; Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 29-30, 33, 35; Эренбург И.Г. Указ. соч. С. 64.
- 131 Письмо хранится в семейном архиве Шапговых. Частично опубликовано: Гагарин С.С. Мясной Бор. С. 543.
- 132 РешинЛ.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 30, 33, 35.
- 133 ПанасюкМД. Указ. соч. //ЛНО. С. 264-265.
- 134 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 109.
- 135 Там же. С. 106-107.
- 136 Там же. С. 107-108.
- 137 Васильев И.А. Путешествие с книгой в рюкзаке. М., 1977. С. 132.
- 138 Анодин С. и др. Указ. соч. //На берегах Волхова. С. 71.
- 139 Кондрашов В.С. Указ. соч. //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 84.
- 140 Кузнецов В.А. Указ. соч. //Вторая ударная в битве за Ленинград. С. 109.
- 141 Там же. С. 108,109-110.
- 142 Балакина (Назарова) Л.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 143-144.
- 143 Из личного архива ветерана 23-й стр. брига. М.М.Агапова.
- 144 Мерецков К.А. На службе народу. С. 280; Самухин В.П. Указ. соч. С. 118-119.
- 145 Мерецков К.А. Указ. соч. С. 284-285.
- 146 Пит. по: Антипов К. Указ. соч. С. 22.
- 147 Там же. С. 22-23.
- 148 РухленкоП.В. Указ. соч. //ЛНО. С. 169-174.
- 149 Мерецков К.А. Указ. соч. С. 283.
- 150 Бензин Г.А. Указ. соч. //ЛНО. С. 259-260.
- 151 ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 45. Л. 157,159,160.

152 Доброе А.С., командир 5-й батареи 830-го арtpолка 305-й сд. Воспоминания. Архив автора.

153 Венец И.Х. Указ. соч. //ЛНО. С. 127-128.

154 Там же. С. 128-129.

155 Там же; Доброе А. С. Воспоминания. Архив автора.

156 Нарейкин М.Т., капитан, ком. бат. 1002-го сп 305 сд. Письмо от мая 1995 г. Архив Б.С.Муравьева.

157 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 276.

158 Доброе А.С. Указ. соч.; Ценина И. Триста пятая //Московская правда. 1981. 8 мая; ЦАМОРФ. Ф. 408. Оп. 9991. Д. 45. Л. 178.

159 ИзмайловЛ.Г. Указ. соч. //ЛНО. С. 233.

160 Гагарин С. Вторая ударная //Советская Россия. 1982. 17 января.

161 Вишневский А.А. Указ. соч. С. 180, 181.

162 Там же. С. 181.

163 Там же. С. 182.

164 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 227.

Глава V. СУДЬБА И ПАМЯТЬ

1 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 30.

2 Бензин Г.А. Указ. соч. //ЛНО. С. 260-261.

3 Гагарин С. Вторая ударная //Советская Россия. 1982. 17 января.

4 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 36.

5 Самухин В.П. Указ. соч. С. 115,116-118.

6 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 36.

7 Цит. по: Гагарин С. Правда о Второй Ударной //Советская Россия. 1987. 12 августа.

8 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 35, 36.

9 РешинЛ.Е., СтепановВ.С Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 1. С. 36-37.

10 Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 241.

11 ШелленбергВ. Мемуары. М., 1991. С. 216-217.

12 Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 1. С. 36-39; Левин Им. Генерал Власов по ту и эту линию фронта //Московский комсомолец. 1991. 18 декабря.

13 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 6. С. 21-28.

- 14 Эренбург ИГ Указ. соч. С. 64-65.
- 15 Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 36-37; Левин Им. Указ. соч. //Московский комсомолец. 1991. 18 декабря.
- 16 Комсомольская правда. 1989.29 апреля.
- 17 Верховцева З.П. Стояли насмерть. С. 73; Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 109.
- 18 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 34.
- 19 Гриф секретности снят. С. 224-225.
- 20 Комсомольская правда. 1989.29 апреля.
- 21 Гриф секретности снят. С. 225.
- 22 Мерецков К.А. На службе народу. С. 287.
- 23 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 34.
- 24 Известия. 1942. 30 июня.
- 25 Пикер Г. Указ. соч. С. 389-390.
- 26 ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 28. Л. 1-30.
- 27 Там же.
- 28 Измайлов Л.Г. Указ. соч. //ЛНО. С. 234.
- 29 Циг. по: Гагарин С. С. Мясной Бор. С. 524-525.
- 30 Решин Л.Е., Степанов В. С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 5. С. 33.
- 31 Антипов К. Указ. соч. С. 6.
- 32 Горбунов Г.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 138-139.
- 33 Бродский Е.А. Во имя победы над фашизмом. Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941-1945 гг.). М., 1970. С. 396, 397-399, 424-425, 445.
- 34 Измайлов Л.Г. Указ. соч. //ЛНО. С. 233-234.
- 35 Ленинское знамя (Елец). 1972. 10 ноября; 1984. 10 мая.
- 36 Решин Л.Е., Степанов В.С. Указ. соч. //ВИЖ. 1993. № 3. С. 12-15.
- 37 Комсомольская правда. 1989. 7 октября; Калашников К.Ф. Указ. соч. С.
- 38 Сотник П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 92; Мязин Д.Е. Указ. соч. //ЛНО. С. 97; Рухленко П.В. Указ. соч. //ЛНО. С. 177-180; Измайлов Л.Г. Указ. соч. //ЛНО. С.234-235; Бензин Г.А. Указ. соч. //ЛНО. С. 265-266.
- 39 Демидов В.И. Мы уходим последними... Записки пиротехника. М., 1967. С. 20.
- 40 Геродник Г.И. Моя фронтовая лыжня. С. 314.

- 41 Рождественская Л.А. В поиске "Сокол". Л., 1984. С. 9-17, 22-30, 32-39.
- 42 Орлов Н.И. Следопыты на местах боев Любанской операции //ЛНО. С. 315.
- 43 Васильев И.А. Указ. соч. С. 133-134; Рождественская Л.А. Указ. соч. С. 46-56.
- 44 Геродник Г.И. Указ. соч. С. 309-311.
- 45 Рождественская Л.А. Указ. соч. С. 31-32; Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- 46 Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- 47 Бобков Я.С. Указ. соч. //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 138-139.
- 48 Пекелис В. Указ. соч. //Техника - Молодежи. 1989. № 5. С. 26.
- 49 Рябов В.Ф. Никто не забыт, ничто не забыто //Шли в бой коммунистами. С. 209-217.
- 50 Комсомольская правда. 1989. 22 июня.
- 51 Новгородская правда. 1984. 7 января.
- 52 Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- 53 Кировец (Липецк). 1989. 16 декабря.
- 54 Комсомольская правда. 1989. 11 мая; 22 июля.
- 55 Знамя юности (Минск). 1990. 27 июня.
- 56 Известия. 1996. 29 февраля.
- 57 Московский комсомолец. 1995. 5 мая.
- 58 Веселое СИ. "Мы победим!" //На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. С. 145-148.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1 Цит. по: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 280-281.
- 2 Известия. 1988. 15 октября.
- 3 Цит. по: Зенькович Н.А. Тайны кремлевских смертей. Изд. 2-е, доп. М., 1995. С. 506-508.